

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

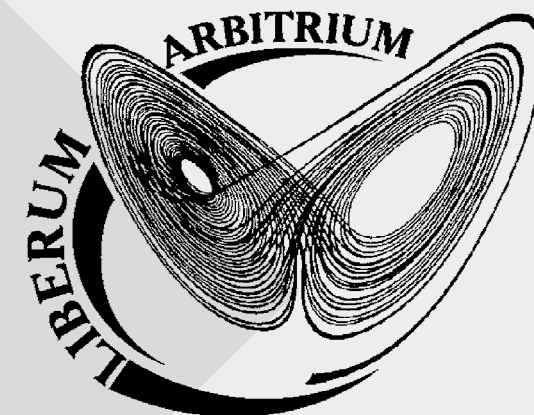
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2025

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 23. Номер 4 (83). ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2025
Volume 23. No. 4 (83). OCTOBER–DECEMBER / 2025

НЕСИЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ МИРОПОЛИТИЧЕСКОГО

МЕГАТРЕНДЫ

- Денис Садаков** ► Зарождение нормативного лидерства США
- Владислав Рычков** ► Информационный механизм санкционного давления
- Павел Доценко** ► Историческая политика и политика памяти в Центральной Европе

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

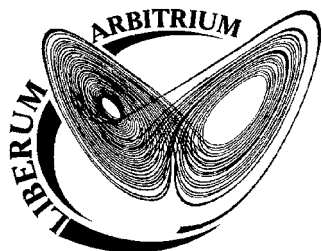
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 23. Номер 4 (83)
ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ **2025**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Nikita Neklyudov
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

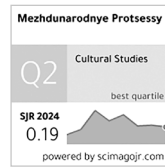
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

"International Trends" (Mezhdunarodnye protsessy) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Ответственный секретарь – первый заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Шеф-редактор – заместитель главного редактора

Никита Неклюдов

Редакционно-корректорская группа

Кирилл Галкин, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Федеральном агентстве
по печати и массовым коммуникациям (Роспечати)
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 10
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2025

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2025

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

NON-COERCIVE FOUNDATIONS OF WORLD POLITICS

Volume 23, No 4 (83), October–December 2025

CONTENTS

Alexander Vylegzhanin Marina Muntian	Space Resource Activities in the UN: E unum pluribus?	6
Pavel Dotsenko	Historical Politics and Memory Politics in Central Europe: Genealogies of Concepts, National Contexts, and the Europeanization of Memory	33
Vladislav Rychkov	The Impact of EU Information Signals About Upcoming and Imposed Trade Sanctions on Russian Financial Markets	50
Polina Kalugina Nikita Kuklin Sofia Fedicheva	BRICS and ASEAN Nuclear Energy Cooperation: Opportunities and Challenges	82
Denis Sadakov	Forging Globalism: How the U.S. Executive Institutionalized Normative Leadership (1981–1983)	105
Ninel Gulam	The Afghan Issue on the SCO Platform: Between Declarative and Real Policy	129
	<i>Our authors</i>	149

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Вылегжанин Марина Мунтян	Природоресурсная деятельность в космосе в фокусе ООН: E unum pluribus?	6
Павел Доценко	Историческая политика и политика памяти в Центральной Европе: генеалогии понятий, национальные контексты и европеизация памяти	33
Владислав Рычков	Влияние информационных сигналов ЕС о грядущих и введенных санкциях на финансовые рынки России	50
Полина Калугина Никита Куклин Софья Федичева	Сотрудничество БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики: возможности и вызовы	82
Денис Садаков	У истоков глобализма: институционализация нормативного лидерства исполнительной властью США (1981–1983)	105
Нинэль Гулам	Афганский вопрос на площадке ШОС: между декларативной и реальной политикой	129
	<i>Наши авторы</i>	148
	<i>Our authors</i>	149

ПРИРОДОРЕСУРСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОСМОСЕ В ФОКУСЕ ООН *E UNUM PLURIBUS?*

АЛЕКСАНДР ВЫЛЕГЖАНИН
МАРИНА МУНТЯН
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В настоящей статье исследуется роль Рабочей группы ООН по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами, в контексте формирования специального международно-правового режима использования природных ресурсов в космосе. Анализируются позиции государств и Европейского космического агентства по ключевым вопросам: определение понятия «космические ресурсы», содержание природоресурсной деятельности, допустимость признания права собственности частных лиц на добытые на небесных телах вещества, отношение к Соглашению о Луне 1979 г. и Соглашениям «Артемиды», возможные ограничения и квоты на добычу ресурсов, защита космической среды, установление «зон безопасности», создание специального международного органа и справедливое распределение выгод. Показано, что в рамках ООН, Комитета по использованию космического пространства в мирных целях, его подкомитетов и рабочих групп происходит всё более отчётливое размежевание подходов государств к правовому регулированию космической ресурсной деятельности. Делается вывод, что предварительный проект «Принципов природоресурсной деятельности в космосе», подготовленный под эгидой Рабочей группы, является компромиссным рекомендательным документом, способным получить широкую поддержку, но не устраняющим принципиальных разногласий по ключевым вопросам. В статье ставится вопрос о том, означает ли современная политико-правовая дифференциация позиций государств фрагментацию универсального международного космического права, основанного на Договоре о космосе 1967 года, подготовленном в условиях компромисса между СССР и США.

Ключевые слова:

природные ресурсы небесных тел; космические ресурсы; достоинство всего человечества; общее наследие человечества; Комитет ООН по космосу; принцип неприсвоения; Рабочая группа по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами; защита космической среды; проект «Принципов природоресурсной деятельности в космосе»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>

Дата поступления рукописи в редакцию:

Дата принятия к публикации:

Для связи с авторами / *Corresponding author:*

Email: danielalvy@mail.ru

m.e.muntyan@yandex.ru

Луна, другие небесные тела, включая астероиды¹, – это объекты международного космического права, безальтернативно-регулятора отношений государств, возникающих в связи с исследованием и использованием космического пространства [Василевская 1974]. Путь сообщения государств к согласованию на универсальном уровне договорных источников космического права² был трудным и полным хрупких компромиссов [Пирадов 1974]. Достаточно сопоставить положения о статусе небесных тел, предусмотренные Договором по космосу 1967 г. и Соглашением о Луне 1979 года. В соответствии с первым документом, «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества»³, а сами небесные тела не подлежат «национальному присвоению»⁴. Комментируя эти положения, ряд исследователей иногда не вполне точно утверждают, что только «Луна и её природные ресурсы являются общим наследием человечества» [Shaw 2017: 408]. По Соглашению о Луне 1979 г. его положения применяются и к другим небесным телам в пределах Солнечной системы, за исключением Земли⁵.

Создание в рамках ООН универсальных договорных источников международного космического права, в первую очередь Договора по космосу 1967 года, – это общепризнанная ценность [Chipman 1982], к которой человечество пришло после десятилетий напряжённых поисков взаимоприемлемых формулировок, в том числе о неприсвоении небесных тел «ни путём провозглашения на них суверенитета, ни путём использования или оккупации, ни любыми другими средствами»⁶. Но, как будет показано ниже, немало государств в своей правовой политике уже придерживаются законодательного курса на сепаратное занятие участков небесных тел, создания там «зон безопасности», разработки природных ресурсов небесных тел в целях присвоения добытых природных веществ.

США, Люксембург, ОАЭ и Япония приняли соответствующее национальное законодательство, позволяющее их частным лицам приобретать права собственности на добытые в космосе вещества. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. наделяет своих граждан правами на «добытые ресурсы астероидов и космические ресурсы, включая права владения, собственности, перевозки, пользования и продажи таковых» [Юзбашян 2017: 79]. Закон Люксембурга об исследовании и использовании косми-

¹ По определению Международного астрономического союза, астероид – это малое небесное тело, которое вращается вокруг Солнца или другой звезды или её остатков. URL: <https://astro4edu.org/resources/glossary/term/17/> (accessed: 28.09.2025).

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года, Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 года, Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами 1972 года, Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г. и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года.

³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. Ст. I. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. I.

⁴ Там же. Ст. II.

⁵ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 года. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. 1.

⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 года. Ст. I. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. II.

ческих ресурсов 2017 г. разрешает частным лицам разрабатывать такие ресурсы и получать соответствующие права собственности при условии «официального соглашения» уполномоченных государственных органов [Вылегжанин, Крохина 2024: 21]. Федеральный закон ОАЭ о регулировании деятельности в области космоса 2019 г. в редакции 2023 г.⁷ не содержит провозглашения *expressis verbis* права собственности на добытые на небесных телах вещества, но подразумевает его посредством наделения Совета министров ОАЭ полномочиями на выдачу разрешений на разведку, эксплуатацию и использование «космических ресурсов», включая приобретение, куплю-продажу, транспортировку и хранение таких ресурсов [Lyall, Larsen 2024: 199]. Закон Японии о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов, от 2021 г. позволяет лицам, занимающимся таким исследованием и разработкой, приобретать права собственности на те природные вещества, которые они добыли в соответствии с представленным ими планом природоресурсной деятельности [Вылегжанин и др. 2024: 60]. На данный момент имеется также информация о разработке национального законодательства о космической деятельности в Китае, где в том числе планируется «разъяснить правовой статус космических ресурсов, уточнить порядок получения права собственности на них, обеспечить соответствующее регулирование использования космических ресурсов и получение прибыли от них, а также установить правила добычи и использования космических ресурсов как государственными, так и частными организациями» [Jiang 2018: 27].

Означает ли это наступление в космическом праве феномена «*E unum pluribus*» (от единого – к множественному), начало тренда на разрушение единого междуна-

родно-правового режима небесных тел, в общем плане представленного в Договоре по космосу 1967 года [Black 1990: 536]? Чёткий ответ на данный вопрос, как будет далее показано в настоящей статье, на данном этапе давать преждевременно – до завершения деятельности названной Рабочей группы и принятия ею финальных документов. Именно поэтому значение имеет обобщение позиций государств, заявленных в Рабочей группе, а также анализ представленного ей Проекта.

Снимки природных веществ на поверхности Луны были получены ещё в 1966 году, после мягкой посадки советского аппарата «Луна-9» на поверхность этого спутника Земли [Нозари 1979: 173–181]. В 1969 г. на американском космическом корабле *Apollo-11* на Землю был доставлен образец лунного грунта⁸. В 2010 г. Японское агентство аэрокосмических исследований доставило на Землю грунт с околоземного астероида Итокава, что принесло Японии статус первого в мире государства, добывшего и доставившего на Землю образец пород с астероида [Вылегжанин и др. 2024: 51].

В некоторых исследованиях подтверждены потенциальные выгоды от осуществления космической природоресурсной деятельности. В отчёте «Добыча космических ресурсов: основные аспекты и вопросы, стоящие перед Конгрессом» (*Space Resource Extraction: Overview and Issues for Congress*) перечислены следующие природные ресурсы, представляющие особый интерес для человека в космосе: кислород и водород для поддержания жизни человека на небесных телах и создания ракетного топлива; железо, кремний и алюминий для использования в качестве строительных материалов на небесных телах; металлы платиновой группы для развития на Земле «зелёных технологий», таких как топливные элементы и катализаторы; лунный

⁷ В 2023 г. в закон были внесены поправки Декретом №46 «О регулировании космического сектора» (*Federal Decree by Law No. (46) of 2023 Concerning the Regulation of the Space Sector*).

⁸ Как доставляли грунт с поверхности Луны // ТАСС. 25.06.2024. URL: <https://tass.ru/info/21193447> (дата обращения: 28.09.2025).

реголит для использования в качестве строительного материала для посадочных площадок; гелий-3 для использования в качестве топлива для термоядерных реакторов, а также в медицине⁹. Сибирские учёные также отмечают, что добыча внеземных ресурсов «позволит создать на Луне самодостаточную экономику, снизив зависимость от поставок с Земли и стимулируя дальнейшее космическое исследование» [Кирсанов и др. 2024: 76].

Разработка природных ресурсов небесных тел нацелена не только на транспортировку добытого вещества на Землю, но и на его использование в космическом пространстве для обеспечения миссий, то есть на «использование ресурсов на месте» (*in situ resource utilization*¹⁰). Заместитель директора Центра космического права Национального космического управления Китая Ван Гоюй предложил подразделять потенциально полезные для человечества внеземные ресурсы на три категории: 1) ресурсы, которые необходимы для поддержания жизни в космосе (вода, кислород); 2) ресурсы, имеющие экономическую ценность (редкие металлы, другие минеральные ресурсы); 3) редкие источники энергии, представляющие особую ценность для экономики (например, гелий-3) [Wang, Huang 2024: 931]. С учётом затратности отправки добытых на небесных телах веществ на Землю, приоритетный экономический интерес представляет последняя категория в связи с её высокой рыночной стоимостью [Hein et al. 2020].

Что касается природных ресурсов астероидов, среди трёх их классов – М-класс, С-класс и S-класс – наибольший интерес представляет первая группа в связи с на-

личием драгоценных металлов: платины, золота и палладия [Кирсанов и др. 2024: 77]. Концентрация металлов платиновой группы в астероиде может составлять от 5 до 15 миллионных долей¹¹, что в тысячи раз выше, чем в земной коре, где содержание платины составляет всего 0,0005 миллионных долей¹². Из одного астероида возможно извлечь платину стоимостью от 25 до 50 млрд долларов [Garcia-del-Real et al. 2020: 42]. Тем не менее приведённые оценки считаются приблизительными, а указанные концентрации относятся лишь к довольно редкому типу астероидов. Другие виды астероидов могут содержать каменные материалы, металлы и редкоземельные элементы. Помимо экономических выгод, связанных с высокой концентрацией полезных веществ, их добыча имеет известные экологические преимущества [Hein et al. 2020], среди которых основным является потенциальное снижение выбросов CO₂, в частности за счёт возможности снабжения будущих лунных баз водой без необходимости её доставки с Земли. В отношении природоресурсной деятельности в космосе кометы представляют меньший интерес из-за высокой скорости движения и их состава [Кирсанов и др. 2024: 77].

Разработка природных ресурсов небесных тел ориентирована на научные цели. По состоянию на октябрь 2025 г. все образцы веществ были доставлены на Землю в рамках исследовательских миссий, проводимых национальными космическими агентствами. Образцы лунного реголита изымались в рамках американской космической программы «Аполлон» (1969, 1971, 1972)¹³, на советских автоматических межпланетных станциях серии «Луна» (1970,

⁹ Space Resource Extraction: Overview and Issues for Congress // Congressional Research Service. 29.07.2024. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R48144> (accessed: 28.09.2025).

¹⁰ Этот термин, часто используемый в англоязычной научной литературе по данной тематике, не равнозначен термину «природные ресурсы *in situ*», т.е. в местах их залегания, как будет показано ниже.

¹¹ Единица измерения относительных величин, равная $1 \cdot 10^{-6}$ от базового показателя.

¹² Asteroid Mining: Revolutionising Space Exploration in 2025 // Discovery Alert. 24.03.2025. URL: <https://discoveryalert.com.au/news/asteroid-mining-advances-importance-2025-explained/> (accessed: 28.09.2025).

¹³ NASA: Apollo Missions // National Aeronautics and Space Administration. URL: <https://www.nasa.gov/specials/apollo50th/missions.html> (accessed: 28.09.2025).

1972, 1976)¹⁴ и китайскими *Chang'e* (2020, 2024)¹⁵; образцы астероидов – в ходе японских миссий *Hayabusa* (2010, 2020)¹⁶ и американской *OSIRIS-REx* (2023)¹⁷. Указанные научные миссии увенчались доставкой на Землю относительно малых образцов массой от 5,4 грамма до 111 кг. Единственной космической миссией, завершившейся транспортировкой на Землю образцов вещества, добытого за пределами лунной орбиты, стала доставка около одного миллиграмма кометной и межзвёздной пыли межпланетной станцией *Stardust*, запущенной НАСА¹⁸.

Технологиями, необходимыми для доставки внеземных веществ на Землю, обладают США, Россия, Китай и Япония; в перспективе – Индия и ОАЭ. Только США, как объявлено, обладают технологиями использования природных ресурсов небесных тел *in situ* для обеспечения кос-

мических миссий на небесных телах¹⁹, хотя соответствующие проекты на разных стадиях проработки наличествуют, например в России²⁰, Китае²¹ и Европейском космическом агентстве²². Техническими возможностями природоресурсной деятельности в космосе обладают небольшое число государств, что, тем не менее, не сдерживает дискуссии, прежде всего в ООН, относительно уточнения международно-правового режима такой деятельности.

Общая информация о Рабочей группе ООН по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами

В соответствии с Договором по космосу 1967 г. небесные тела не подлежат «национальному присвоению ни путём провозглашения на них суверенитета, ни путём использования или оккупации, ни любыми другими средствами»²³. Они открыты «для

¹⁴ Зелёный Л.М. и др. «Луна-25» и другие миссии. Как развивалась отечественная лунная программа? // Русский космос. 2020. №40. С. 28–35.

¹⁵ Chang'e // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/technology/Change-Chinese-lunar-probes> (accessed: 28.09.2025).

¹⁶ Hayabusa // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Hayabusa-Japanese-spacecraft> (accessed: 28.09.2025).

¹⁷ NASA's OSIRIS-REx Mission to Asteroid Bennu // NASA. URL: <https://science.nasa.gov/mission/osiris-rex/> (accessed: 28.09.2025).

¹⁸ NASA: Stardust Mission // National Aeronautics and Space Administration. URL: <https://science.nasa.gov/mission/stardust/> (дата обращения: 28.09.2025).

¹⁹ Например, технология *MOXIE* (*Mars Oxygen In-Situ Resource Utilization Experiment*), в 2021 г. позволившая добыть кислород из углекислого газа в атмосфере Марса, а также эксперимент *PRIME-1*, запущенный в феврале 2025 г. для проведения демонстрации бурения на Луне. Источник: NASA's Oxygen-Generating Experiment MOXIE Completes Mars Mission // NASA. 06.09.2023. URL: <https://www.nasa.gov/missions/mars-2020-perseverance/perseverance-rover/nasas-oxygen-generating-experiment-moxie-completes-mars-mission/> (accessed: 28.09.2025).

²⁰ Например, совместный с Китаем проект Международной лунной научной станции, в рамках которого также планируется добыча лунного реголита с целью извлечения воды, кислорода и потенциальных строительных материалов. См.: Над созданием лунной станции с РФ и КНР будут работать 13 стран // ТАСС. 29.05.2025. URL: <https://tass.ru/kosmos/23811019> (дата обращения: 28.09.2025).

²¹ Например, будущие миссии *Chang'e 7* и *Chang'e 8*, совместный с Россией проект Международной лунной научной станции, а также *Mars Research Station*, целью которой является использование на месте природных ресурсов Марса. Источник: China unveils planetary exploration roadmap targeting habitability and extraterrestrial life // SpaceNews. 27.05.2025. URL: <https://spacenews.com/china-unveils-planetary-exploration-roadmap-targeting-habitability-and-extraterrestrial-life/> (accessed: 28.09.2025).

²² В первую очередь, миссия *In-Situ Resource Utilisation Demonstrator* // In-Situ Resource Utilisation // ESA. URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Human_and_Robotic_Exploration/Exploration/In-Situ_Resource_Utilisation (accessed: 28.09.2025).

²³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. Ст. I. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. II.

исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел»²⁴. Данные принципы приобрели обычную-правовой характер, являясь обязательными и для тех государств, которые не участвуют в Договоре по космосу 1967 года [Международное космическое право 1985: 27; Международное космическое право 1999: 56; Vereschetin, Danilenko 1985: 32]. При этом Договор по космосу 1967 г. не регулирует предметно вопросы разработки природных ресурсов небесных тел. В период его согласования государства-участники создавали общие основы универсального международного космического права, не стремясь уточнить международно-правовой режим природоресурсной деятельности в космосе.

В соответствии с Соглашением о Луне 1979 г. ресурсы *in situ* «не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица»²⁵. Вместе с тем документ предусматривает, что добытые при проведении научных исследований «образцы минеральных и других веществ» могут быть вывезены с Луны и остаются в распоряжении для использования в научных целях у тех государств, которые обеспечили их сбор²⁶. Но если по состоянию на апрель 2026 г. в

Договоре по космосу 1967 г. участвует более ста государств²⁷, то в Соглашении о Луне 1979 года – лишь 17 стран, причём среди них нет России, США и Китая²⁸.

В конце прошлого века разнились мнения относительно правомерности разработки природных ресурсов небесных тел [Право и космос... 2021: 46]; к середине 2020-х годов преобладает констатация, что в соответствии с действующим международным правом «природоресурсная деятельность на небесных телах не запрещена, но вместе с тем не установлены специальные международно-правовые нормы, детально определяющие её правовой режим» [Вылегжанин, Юзбашян 2024: 150]. Схожей позиции придерживался и профессор Ю.М. Колосов, отмечавший, что «нет свидетельств того, что понятие “небесные тела” подразумевало и их недра, а понятие “использование” небесных тел охватывало использование их природных ресурсов» [Международно-правовые основы недропользования 2007: 238].

Отсутствие детально сформулированного правового режима природоресурсной деятельности в космосе наряду с увеличивающимся количеством проектов космических миссий способствовало появлению в 2017 г. в повестке Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу пункта под названием «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов»²⁹. Термин «космические ресур-

²⁴ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. Ст. I. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. II.

²⁵ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (дата обращения: 28.09.2025). Ст. 11.

²⁶ Там же. П. 2 ст. 6.

²⁷ Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space // UN OOSA. 05.05.2025. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2025/aac_105c_22025crp/aac_105c_22025crp_9_0_html/AC105_C2_2025_CRPO9E.pdf (accessed: 28.09.2025).

²⁸ Ibid.

²⁹ Report of the Legal Subcommittee on its fifty-sixth session, held in Vienna from 27 March to 7 April 2017 // United Nations. 2017. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v17/023/56/pdf/v1702356.pdf> (accessed: 28.09.2025). Para. 221.

сы», взятый из упомянутого Закона США 2015 года, не предусмотрен ни одним из названных выше международных договоров по космосу, принятых под эгидой ООН. Работа по этому вопросу с тех пор ведётся в подкомитете на постоянной основе [Zwart et al. 2023: 159]. Результатом обсуждений стало создание в 2021 г. Рабочей группы по данному пункту повестки³⁰, впоследствии переименованной в Рабочую группу по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами (далее – Рабочая группа ООН)³¹. Она – единственная действующая под эгидой ООН узко специализированная профильная площадка для обмена мнениями государств по вопросам уточнения международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе. С 2016 г. с разной продолжительностью также функционировали Гаагская международная рабочая группа по управлению космическими ресурсами (2016–2019), Проектная группа по созданию международного правового и политического режима освоения и использования космических ресурсов Международной академии астронавтики (2017–2022), Глобальная экспертная группа по устойчивой деятельности на Луне (2021–2022) [Wang, Huang 2023: 919]. Все они действовали на площадках образовательных учреждений, научных подразделений и международных неправительственных организаций. Участие в их деятельности делегаций государств не было представительным, а в случае Рабочей группы Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу этот вопрос остаётся открытым и доступным для всех госу-

дарств-членов этого комитета [The COPUOS Briefing Book 2025: 94].

В её мандат входят сбор информации о природоресурсной деятельности государств в космосе; анализ действующего международного космического права; оценка преимуществ, которые в будущем может иметь создание специального международно-правового режима такой деятельности; подготовка рекомендаций для Комитета ООН по космосу в части разработки возможных правил; разработка первоначальных принципов для их дальнейшего рассмотрения и согласования на основе консенсуса в Комитете ООН по космосу и возможного последующего принятия Генеральной Ассамблеей в виде специального документа³².

В июне 2022 г. Рабочей группой ООН был представлен пятилетний план работы, в рамках которого в 2023–2024 годах были обозначены сбор информации о природоресурсной деятельности государств в космосе, а также первоначальный обмен мнениями о толковании существующей правовой основы такой деятельности, прежде всего Договора по космосу 1967 года. На 2025 г. был предусмотрен обмен мнениями о рекомендуемых первоначальных принципах природоресурсной деятельности в космосе. В плане на 2026 г. – подготовка финального проекта рекомендуемого комплекса первоначальных принципов такой деятельности. На 2027 г. намечено представить этот проект Комитету ООН по космосу³³.

В 2022–2024 годах свои позиции по вопросам установления специального международно-правового режима природоре-

³⁰ Report of the Legal Subcommittee on its sixtieth session, held in Vienna from 31 May to 11 June 2021 // United Nations. 2021. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v21/047/19/pdf/v2104719.pdf> (accessed: 28.09.2025). Para. 255.

³¹ Report of the Legal Subcommittee on its sixty-first session, held in Vienna from 28 March to 8 April 2022 // United Nations. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v22/022/51/pdf/v2202251.pdf> (accessed: 28.09.2025). Annex II, para. 5.

³² Report of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Sixty-fourth session (25 August–3 September 2021) // United Nations. 2021. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2021/a/a7620_0_html/A_76_20R.pdf (accessed: 28.09.2025). Annex III, para. 3.

³³ Report of the Legal Subcommittee on its sixty-first session, held in Vienna from 28 March to 8 April 2022 // United Nations. 2022. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v22/022/51/pdf/v2202251.pdf> (accessed: 28.09.2025). Annex II, Addendum.

сурсной деятельности в космосе представили 22 государства, а также Европейское космическое агентство (далее — ЕКА). Первоначальный проект Принципов природоресурсной деятельности в космосе был представлен в марте 2025 года. Между тем техническими возможностями для ведения такой деятельности обладают, как было отмечено, лишь небольшое число государств.

Позиции государств в рамках Рабочей группы Комитета ООН по космосу

В ходе обсуждений в названной Рабочей группе ООН в формате коллективных и индивидуальных заявлений приняли участие более 40 государств. Примерно половина из них представили позиции по изначальному приглашению Председателя Рабочей группы и его заместителя. Оставшаяся часть — в рамках комментариев к первоначальному проекту принципов природоресурсной деятельности в космосе и дополнительных соображений. В первом случае было предложено обозначить отношение государств к потенциальному международно-правовому режиму природоресурсной деятельности в космосе³⁴. Во втором случае предложения и комментарии со стороны правительственных делегаций отличились большим разнообразием.

Позиции государств по ключевым аспектам установления специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе можно структурировать по следующим тематиче-

ским блокам: понятие «космических ресурсов»; подлежащие международно-правовому регулированию виды деятельности с такими ресурсами и отношение государств к использованию ресурсов *in situ*³⁵; правомерность провозглашения права собственности частных лиц на добытые на небесных телах природные вещества; отношение государств к режиму, установленному Соглашением о Луне 1979 года; отношение государств к Соглашениям «Артемиды»; предложения о введении ограничений и квот на добычу невозобновляемых природных ресурсов; предложения о включении положений, касающихся защиты космической среды в ходе осуществления природоресурсной деятельности в космосе; установление так называемых зон безопасности на местах разработки природных ресурсов небесных тел; создание специального органа с целью регулирования природоресурсной деятельности в космосе и распределение выгод от добытых в космосе веществ.

Термин «космические ресурсы» для целей деятельности Рабочей группы ООН

Термин «космические ресурсы» не содержится ни в одном из пяти универсальных международных соглашений по космической деятельности, перечисленных выше. Договор по космосу 1967 г. содержит лишь понятие «небесные тела», но не понятие «космические ресурсы». В Соглашении о Луне 1979 г. предусмотрено поня-

³⁴ Виды природных ресурсов, наличествующих в космическом пространстве; деятельность с такими ресурсами, подлежащая международно-правовому регулированию; подлежащая анализу Рабочей группы соответствующая информация; отношение государств к существующей правовой базе, регулирующей потенциальную природоресурсную деятельность в космосе; обзор текущей практики и проблем, связанных с несовершенством имеющейся правовой базы; потенциальные преимущества и недостатки разработки специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе; факторы, подлежащие учёту при разработке первоначальных рекомендуемых принципов природоресурсной деятельности в космосе и пр. См.: Invitation by the Chair and Vice-Chair for Submissions from States members and organizations having permanent observer status with the Committee on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuouos/lsc/space-resources/index.html> (accessed: 28.09.2025).

³⁵ Лат. — «на месте», т.е. природные ресурсы, находящиеся на поверхности небесного тела или в его недрах.

³⁶ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (дата обращения: 28.09.2025). П. 1 ст. 11.

тие «природные ресурсы Луны и других небесных тел»³⁶, а также «недра» и «природные ресурсы там, где они находятся». Соглашение о Луне 1979 г. запрещает присвоение природных ресурсов небесных тел каким-либо государством, международной или национальной организацией или любым физическим лицом³⁷. Оно также предусматривает понятие «минеральные и другие вещества», которые могут быть собраны и вывезены с небесного тела в научных целях³⁸.

Использование в рамках Комитета ООН по космосу, в том числе в повестке дня его Юридического подкомитета «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов» и в названии самой Рабочей группы ООН, термина «космические ресурсы» обусловлено его распространением после принятия в США Закона об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 года³⁹. Привнесение этого термина из американского законодательства в документы ООН подверглось критике в международно-правовой науке [Вылегжанин и др. 2023: 23]. В американском законе термин «космический ресурс» определён как «абиотический (неживой) ресурс там, где он находится (*in situ*)», включая воду и минералы⁴⁰. Тот же термин используется в контексте провозглашения права собственности частных лиц на «добытые» ими «космические ресурсы»⁴¹.

Но правовой режим природных ресурсов *in situ* (как части природы) и извлечённого из естественной среды природного вещества разный [Международно-правовые основы недропользования 2007: 24–27]. Соглашение о Луне 1979 г. запрещает присвоение ресурсов *in situ*, но допускает после согласования соответствующего правового режима использование природного вещества, извлечённого из недр небесного тела или с его поверхности. Тем не менее в рамках деятельности Рабочей группы ООН все её участники стали использовать термин «космические ресурсы».

Для формирования универсального понятия «космических ресурсов» необходим анализ позиций различных государств, в том числе не являющихся на данный момент общепризнанными лидерами в исследовании и использовании космического пространства, поскольку будущий международно-правовой режим природоресурсной деятельности в космосе будет действовать на протяжении десятилетий, за которые государства, не являющиеся на данный момент космическими державами, могут приобрести необходимые для разработки природных ресурсов небесных тел технологии. Большинство представителей государств в Рабочей группе ООН настаивает на включении в это понятие абиотических ресурсов в местах их залегания⁴². Канада, Люксембург, Нидерланды и Австрия отдельно высказываются о необходимости включения в данное определение газоо-

³⁷ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (дата обращения: 28.09.2025). П. 3 ст. 11.

³⁸ Там же. П. 2 ст. 6.

³⁹ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act, Public Law 114-90 // U.S. Congress. 25.11.2015. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ90/PLAW-114publ90.pdf> (accessed: 28.09.2025).

⁴⁰ Ibid. §51301. Первоначальный проект Закона США об исследовании и использовании космических ресурсов предусматривал более широкое и абстрактное понимание «космических ресурсов», а именно: «природный ресурс *любого вида*, обнаруженный в месте его залегания в космическом пространстве». См.: Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 of 2015, Bill H.R.1508 // U.S. Congress. 2015. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1508/text> (accessed: 28.09.2025).

⁴¹ Ibid. §51303.

⁴² Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, США, Китай, ОАЭ, Канада, Франция, Нидерланды, Республика Корея.

бразных веществ, в то время как Франция и Республика Корея их исключают. Такое расхождение позиций государств отчасти объясняется зависимостью газообразных веществ от температуры и давления, что создаёт классификационные проблемы при едином определении.

Широкое определение космических ресурсов предложила ФРГ: «все биотические и абиотические ресурсы, а также элементы рельефа, такие как пики вечного света»⁴³. При этом в первую очередь необходимо уделить внимание ресурсам, доступным человечеству в кратко- и среднесрочной перспективе. Причисление к космическим ресурсам пиков вечного света поддерживает и Франция⁴⁴.

Ряд государств подошли к вопросу определения космических ресурсов исходя из их локализации. ОАЭ уточняют, что данное понятие должно распространяться только на те естественные ресурсы, которые располагаются на высоте более 80 км над уровнем моря. Франция и Китай исключают из него любые природные ресурсы, попадающие на Землю «естественным путём». Иордания не предлагает уточнённое определение, но отмечает, что деятельность Рабочей группы должна распространяться на природные ресурсы Луны, Марса, астероидов, спутников планет Солнечной системы, в особенности спутников газовых гигантов⁴⁵.

Примечательна позиция Японии: в 2021 г. был принят Закон о поощрении предпринимательской деятельности, связанной с исследованием и освоением космических ресурсов, определяющий космические ресурсы как «воду, полезные ископаемые и другие природные ресурсы, существующие в космическом пространстве, в том числе на Луне и других небесных телах»⁴⁶. С учётом слов «другие природные ресурсы» высказываются соображения о намеренном расширении японским законодателем понятия «космические ресурсы», допуская включение в него биотических ресурсов [Мунтян, Сигаури-Горский 2023: 231].

Относительно предложений о причислении радиочастот и спутниковых орбит к космическим ресурсам ряд государств⁴⁷ отмечают, что, хотя они могут именоваться космическими ресурсами, в рамках деятельности Рабочей группы ООН рассматриваться не должны, поскольку это – компетенция Международного союза электросвязи. Большинство государств – участников Рабочей группы отрицают целесообразность отнесения к космическим ресурсам энергии Солнца. Противоположной точки зрения придерживается Иран, поскольку такой подход ограничивает масштабы потенциального использования внеземных ресурсов, а рассмотрение в рамках деятельности Рабочей группы ООН

⁴³ Contribution of Germany to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_13_0_html/AC105_C2_2023_CRP13E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁴⁴ Пики вечного света – это возвышающиеся районы вблизи лунных полюсов, практически всё время освещённые Солнцем и не затемнённые другими элементами рельефа Луны [Elvis et al. 2016: 2]. Предполагается, что такие точки могут наличествовать и на других небесных телах. Пики вечного света представляют особый интерес для проведения научных экспериментов или расположения в их местах обитаемых станций, т.к. благодаря наличию практически постоянного источника солнечного света упрощается использование необходимых для обитания приборов.

⁴⁵ Планеты-гиганты, состоящие в основном из водорода и гелия. В Солнечной системе к таковым относятся Юпитер и Сатурн, для которых открыто наибольшее количество спутников среди всех планет Солнечной системы.

⁴⁶ Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data Act on Ensuring Appropriate Handling of Satellite Remote Sensing Data (Act No. 77 of November 16, 2016) // Cabinet Office, Government of Japan. URL: https://www8.cao.go.jp/space/english/rs/rs_act.pdf (accessed: 28.09.2025). Art. 2 (i).

⁴⁷ В т.ч. Греция, Канада, Франция, Люксембург, Новая Зеландия, Великобритания, США, Россия и Австралия.

атмосферных ресурсов, в том числе и солнечной энергии, способствовало бы созданию правовой базы, более подготовленной к будущим космическим проектам. Марокко присоединяется к широкому толкованию понятия «космические ресурсы» и понимает под ними «все типы ресурсов, в том числе орбитальные ресурсы и полезные ископаемые»⁴⁸.

Россия считает термин «космические ресурсы» широким. Он может означать «любые объекты, находящиеся за пределами поверхности, гидросферы, атмосферы Земли и её недр, включая природные, природно-антропогенные, техногенные и рукотворные объекты независимо от их практической применимости в настоящем или будущем». Такими ресурсами могут быть «небесные тела и их пространства, минеральные ресурсы, жидкости и газы, различные виды излучений, орбиты и радиочастоты». В 2025 г. позиция Москвы была уточнена: под «космическими ресурсами» понимаются «элементы космической среды, которые используются или могут быть использованы в экономической и иной деятельности и имеют потребительскую ценность». Было предложено разделять такие ресурсы на три категории: вещества (во всех агрегатных состояниях), пространства и энергию.

С точки зрения российских представителей в Рабочей группе ООН, необходимо принять во внимание следующие факты: 1) не все виды деятельности, связанной с природными ресурсами небесных тел,

требуют специального международно-правового регулирования и контроля; 2) такая необходимость возникает только в случае ограниченности ресурса или доступа к нему, а также при наличии угрозы жизни как на Земле, так и в космосе здоровью, имуществу, экономическому положению отдельных государств и международного сообщества в целом; 3) регулирование использования некоторых видов космических ресурсов может относиться к компетенции иных международных организаций, например Международного союза электросвязи. Российская делегация предложила следующее определение космических ресурсов для целей деятельности Рабочей группы ООН: «минеральные ресурсы, жидкости и газы, находящиеся в космическом пространстве, в т.ч. на небесных телах»⁴⁹. При этом Россия, наряду с Беларусью, предлагает после уточнения терминологии провести разделение космических ресурсов на группы по определённым признакам⁵⁰.

Обратим внимание на проектно-ориентированное понимание космических ресурсов, предложенное ЕКА. Несмотря на отсутствие в представленных агентством документах конкретной дефиниции, позиция ЕКА нацелена на упорядочение деятельности, связанной с добычей и использованием «лунного реголита, кислорода (в качестве окислителя или для жизнеобеспечения) и металлических сплавов (полученных из определённых составов реголита)», а также льда⁵¹. Во многом по-

⁴⁸ Contribution of Morocco to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/LSC2023/StatesResponses/Morocco_NV4-2023.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁴⁹ Contribution of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_20_0_html/AC105_C2_2023_CRP20E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁵⁰ Contribution of Belarus to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_10_0_html/AC105_C2_2023_CRP10E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁵¹ Contribution of the European Space Agency to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_22_0_html/AC105_C2_2023_CRP22E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1–2.

зация ЕКА обусловлена планами запуска соответствующих миссий, будущее которых остаётся неясным, в частности в связи с финансовыми проблемами⁵².

Содержание природоресурсной деятельности в космосе

В отношении содержания природоресурсной деятельности в космосе также наблюдается разнообразие мнений. Например, американская делегация считает, что речь идёт о «любой деятельности, осуществляемой в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с целью добычи и использования космических ресурсов»⁵³. При этом французская сторона предоставила перечень конкретных действий. Среди объективированных государствами в Рабочей группе ООН позиций прослеживаются два критерия для выявления содержания данного понятия: функциональный и структурный.

Из первого критерия, где на первое место выходит цель природоресурсной деятельности в космосе (научная или же коммерческая), исходит Бельгия, которая понимает под такой деятельностью «исследование, использование и/или эксплуатацию природных ресурсов небесных тел в целях обеспечения научных исследований и долгосрочного присутствия человека на небесных телах»⁵⁴. Схожей позиции придерживается и Пятая республика: в её заявлении от 2022 г. такая деятельность включает в себя картографирование и раз-

ведку на месте с целью выявления наличия востребованных «космических ресурсов»; логистическую деятельность⁵⁵; доставку космических ресурсов на Землю; восстановление объектов и инфраструктуры, созданных для эксплуатации космических ресурсов; научные исследования; поддержку миссий по разведке потенциальных месторождений; коммерческую деятельность, не связанную с проведением таких миссий. В заявлении относительно предварительного проекта Принципов природоресурсной деятельности в космосе 2025 г. Франция предлагает использовать термины «добыча» и «использование» в качестве обобщающих для всех указанных выше действий, при этом акцент сделан именно на их осуществлении в научных целях⁵⁶. Великобритания также отметила, что первоочередной задачей Рабочей группы ООН должно быть обеспечение международного консенсуса по вопросам регулирования космической природоресурсной деятельности для целей научных исследований.

Примечательно, что данное утверждение не было включено в замечания государства по первоначальному проекту Принципов, где под такой деятельностью понимаются «действия, осуществляемые в космическом пространстве с целью разведки космических ресурсов, извлечения таких ресурсов, извлечения из них минерального сырья или летучих материалов, включая строительство и эксплуатацию

⁵² Will ESA's 'fair contribution' reinvigorate Europe's space ambitions? No, it won't // SpaceNews. 15.07.2024. URL: <https://spacenews.com/will-esas-fair-contribution-reinvigorate-europes-space-ambitions-no-it-wont/> (accessed: 28.09.2025).

⁵³ Contribution of the United States to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_37_0_html/AC105_C2_2023_CRP37E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 4.

⁵⁴ Contribution of Belgium to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_36_0_html/AC105_C2_2023_CRP36E.pdf (accessed: 28.09.2025). Annex. P. 1.

⁵⁵ Использование и обработка ресурсов для обеспечения жизнедеятельности, строительства или производства топлива.

⁵⁶ Contribution of France to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/spaceresources/DraftPrincipleContributions/241220_French_contribution_French_resources.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

связанных с этим систем добычи, восстановления, переработки и транспортировки, а также использование этих ресурсов»⁵⁷. Греция относит к природоресурсной деятельности «использование ресурсов *in situ*, а также добычу и коммерческую эксплуатацию природных ресурсов небесных тел»⁵⁸.

Большая часть государств избегает уточнения цели такой деятельности, придерживаясь структурного подхода. В понимании Канады речь идёт об «операциях, осуществляемых с целью идентификации, разведки, извлечения, добычи, обработки, хранения, транспортировки или использования космических ресурсов, включающих в том числе строительство и эксплуатацию станций, установок, оборудования или космических аппаратов, связанных с такими операциями»⁵⁹. Схожее определение космической природоресурсной деятельности отображено Японией: «добыча полезных ископаемых, их извлечение и другие аналогичные виды деятельности, соответствующая обработка, хранение и транспортировка космических ресурсов, а также их разведка»⁶⁰. Закон Японии о космиче-

ских ресурсах 2021 года не распространяется на деятельность, осуществляемую исключительно в научных целях⁶¹. Люксембург и Нидерланды, предлагающие аналогичное толкование, исключают из природоресурсной деятельности в космосе «вторичное» использование космических ресурсов, т.е. «использование сырья, полученного из космических ресурсов, куплю-продажу и распределение космических ресурсов»⁶². Данный подход нашёл своё отражение в документе ранее упоминавшейся Гаагской рабочей группы под названием «Основные элементы для разработки международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе» (*Building Blocks for the Development of an International Framework on Space Resource Activities*) ещё в 2019 году⁶³, а в последующем получил поддержку Нидерландов, Люксембурга, Австралии и Новой Зеландии. Последняя при этом отмечает, что любое определение, которое будет впоследствии принято Рабочей группой ООН, должно быть достаточно гибким, чтобы гарантировать «отсутствие препятствий для инно-

⁵⁷ Contribution of the United Kingdom to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/20241113_Final_WG_SRU_-_UK_Proposals_for_ISRU_Principles_1.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁵⁸ Contribution of Greece to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_14_0_html/AC105_C2_2023_CRP14E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 2.

⁵⁹ Contribution of Canada to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_11_0_html/AC105_C2_2023_CRP11E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁶⁰ Contribution of Japan to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_33_0_html/AC105_C2_2023_CRP33E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁶¹ Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources (Act No. 83 of 2021) // Japanese Law Translation. 2021. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en> (accessed: 28.09.2025). Art. 2(ii).

⁶² Joint Contribution of Luxembourg and the Netherlands to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/LU_NL_Joint_Submission_20241115_FINAL.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 3.

⁶³ Building Blocks for the Development of an International Framework on Space Resource Activities // The Hague International Space Resources Governance Working Group. 2019. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/rechtsgeleerdheid/instituut-voor-publiekrecht/lucht--en-ruimterecht/space-resources/bb-thissrwg--cover.pdf> (accessed: 28.09.2025).

ваций»⁶⁴. ОАЭ включают в рассматриваемое понятие владение, куплю-продажу и поставку «космических ресурсов».

Италия предлагает в первую очередь сосредоточиться на использовании космических ресурсов *in situ* для обеспечения присутствия человека в космосе. Германия, напротив, даёт довольно общее определение, а также делает оговорку о необходимости отдать предпочтение научной деятельности: «все виды деятельности, связанные с космическими ресурсами, независимо от их характера, местоположения, времени или ответственной организации, в научных и ненаучных целях», при этом «научные интересы имеют наивысший приоритет и принимаются во внимание при планировании любой миссии»⁶⁵. Широко подходит к определению природоресурсной деятельности в космосе Китай, предлагающий рассмотреть в качестве её составляющих «всю деятельность, осуществляемую в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с целью изучения, освоения и использования космических ресурсов», отмечая, что такая деятельность может включать их «разведку, добычу, переработку и транспортировку»⁶⁶. ЕКА не приводит собственное определение природоресурсной деятельности в космосе, но отмечает необходимость разделять её на использование космических ресурсов для исследования и использования космоса в целях устойчивого развития, с одной стороны, и – с другой – использование космических ресур-

сов для наземной инфраструктуры и коммерческих целей.

В ходе анализа позиций государств относительно понимания содержания природоресурсной деятельности в космосе становится очевидно, что в период с 2022 по 2025 г. ряд стран изменили своё понимание такой деятельности в качестве сугубо научной. При этом большая часть государств, если и проводят различие между использованием ресурсов на небесных телах в целях поддержки научных миссий и доставкой добытых веществ на Землю для коммерческого использования, то не отдают предпочтение какому-либо из этих видов деятельности. Другие, например, Германия и Италия, настаивают на особой значимости и необходимости обратить первостепенное внимание Рабочей группы на регулирование именно первого вида использования космических ресурсов.

Позиции государств в отношении права собственности частных лиц на добытые ими в космосе вещества

Ещё до подписания Договора по космосу 1967 г. австрийский юрист Эрнст Фазан предположил, что «метеориты нельзя рассматривать в качестве не подлежащих присвоению небесных тел в том смысле, как об этом говорится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН»⁶⁷ [Фазан 1963: 299], потенциально рассматривая в качестве не подпадающих под данный принцип и более крупные небесные тела. Профессор Г.П. Жуков подверг критике данную идею,

⁶⁴ Contribution of New Zealand to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_18_0_html/AC105_C2_2023_CRP18E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁶⁵ Contribution of Germany to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_13_0_html/AC105_C2_2023_CRP13E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁶⁶ Contribution of China to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/English_China_Submission_to_the_Working_Group_on_Space_Resources.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁶⁷ Имеется в виду Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства, принятая резолюцией 1962 (XVIII) Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1963 года.

обратив внимание, что «выдвинутый Э. Фазаном критерий присвоения небесных тел нельзя считать стабильным с точки зрения развития научно-технического прогресса» [Жуков 1966: 230], а правовой режим небесных тел не следует противопоставлять режиму космического пространства, в связи с чем разделение небесных тел на категории на основании возможности их присвоения нежелательно. Вступивший в силу Договор по космосу 1967 г. поставил точку в этом вопросе, запретив присвоение всяких небесных тел.

Несмотря на то что в международном космическом праве отсутствует определение термина «небесное тело», государства, представившие свои позиции в рамках деятельности Рабочей группы ООН, едины в понимании того, что ни Луна, ни другие небесные тела не могут быть присвоены каким-либо государством, международной организацией или частным лицом. Тем не менее Австралия, США, Канада и Япония открыто заявляют о неприменимости данного принципа к природным ресурсам небесных тел. Люксембург и Нидерланды исходят из того, что будущие «международно-правовые нормы должны обеспечивать, чтобы права на минеральное сырьё и летучие материалы, добываемые из космических ресурсов, а также получаемые из них

продукты могли быть законно приобретены на основе внутреннего законодательства, двусторонних и/или многосторонних соглашений»⁶⁸. Франция, не говоря напрямую о невозможности провозглашения прав собственности частных лиц на добытые в космосе вещества, отмечает, что «использование космических ресурсов не должно представлять собой национальное присвоение по смыслу ст. II Договора по космосу»⁶⁹. Норвегия и Иордания призывают к обсуждению соответствующего вопроса в рамках Рабочей группы ООН, но не выражают своей позиции относительно правомерности закрепления в национальном законодательстве права на добытые в космосе природные вещества. Индонезия и Иран настаивают на применении к природным ресурсам небесных тел положений об «общем наследии человечества»⁷⁰, предусмотренных в Соглашении 1979 года. Тем не менее данные принципы стали одной из причин отказа от его подписания космическими державами, в первую очередь США, открыто отрицающими возможность применения положений к природным ресурсам небесных тел⁷¹.

Россия отметила, что природные ресурсы небесных тел являются неотъемлемой частью космического пространства и небесного тела, с которого они добыты, в связи

⁶⁸ Joint Contribution of Luxembourg and the Netherlands to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/LU_NL_Joint_Submission_20241115_FINAL.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 5, para. 8.1.

⁶⁹ Contribution of France to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: Contribution of France to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/241220_French_contribution_French_ressources.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 4.

⁷⁰ В соответствии с Соглашением о Луне 1979 года, международно-правовой режим природоресурсной деятельности в космосе должен включать в себя упорядоченное и безопасное освоение природных ресурсов небесных тел, «рациональное регулирование этих ресурсов, расширение возможностей в деле использования этих ресурсов и справедливое распределение между всеми государствами-участниками благ, получаемых от этих ресурсов, с особым учётом интересов и нужд развивающихся стран, а также усилий тех стран, которые прямо или косвенно внесли свой вклад в исследование Луны». См. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/ru/ourwork/spacelaw/treaties/moon-agreement.html> (дата обращения: 28.09.2025). П. 1 ст. 11; П. 7 ст. 11.

⁷¹ President Signs Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // U.S. Department of Commerce. 06.04.2020. URL: <https://space.commerce.gov/president-signs-executive-order-on-space-resource-utilization/> (accessed: 28.09.2025).

с чем даже после изъятия они «не теряют своего уникального природного внеземного происхождения в отличие от ресурса, добытого на Земле»⁷², а приобретение этими добытыми веществами «природно-антропогенного характера» после их извлечения «не порождает права собственности на них»⁷³. По этой причине российская делегация предложила Рабочей группе ООН чётко разграничивать понятия «использование» и «присвоение путём использования» в отношении космического пространства, а также уточнить правовой статус уже добытых в космосе природных веществ.

Позиции государств относительно специального режима, предусмотренного Соглашением о Луне 1979 г.

Соглашение о Луне 1979 года, кратко охарактеризованное выше⁷⁴, не нашло поддержки большинства государств по ряду причин: придание природным ресурсам небесных тел статуса «общего наследия человечества» [Gaggero, Ripoll 1981]; отсутствие конкретных принципов эксплуатации таких ресурсов [Hanlon 2024], сопряжённое со значительными ограничениями для развития коммерческого использования космоса [Hobe et al. 2013].

Тем не менее Соглашение о Луне 1979 г. всё ещё имеет сторонников. Бельгия и Австрия выступают за присоединение к Соглашению, хотя сами эти государства

являются участниками Соглашений «Артемиды», инициатор которых в лице США неоднократно высказывался о невозможности применения положения Соглашения о Луне 1979 г. к современным реалиям⁷⁵. Австралия и Мексика также участвуют в Соглашениях «Артемиды», но отрицают их противоречие положениям Соглашения о Луне 1979 года. Российская делегация отметила, что считает необходимым «должным образом учитывать положения Соглашения о Луне при разработке» международно-правового режима исследования и использования космических ресурсов⁷⁶.

Соединённые Штаты активнее всего выступают против Соглашения о Луне 1979 года. В соответствии с указом Президента США 2020 г. «О поощрении международной поддержки разведки, добычи и использования космических ресурсов»⁷⁷, Вашингтон «не считает Соглашение о Луне эффективным или необходимым документом, которым государствам следует пользоваться в качестве руководства в отношении поощрения коммерческого участия в долгосрочном исследовании, научном открытии и использовании Луны, Марса или других небесных тел». Государственному секретарю США поручено «возражать против всяких попыток любого другого государства или международной организации рассматривать это соглашение как отражающее или иным образом выражающее

⁷² Contribution of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_20_0_html/AC105_C2_2023_CRP20E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 5.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Подробнее о правовом режиме природоресурсной деятельности в соответствии с Соглашением о Луне 1979 г. см.: Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р. Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств // государство и право. 2024. №1. С. 147–158.

⁷⁵ President Signs Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // U.S. Department of Commerce. 06.04.2020. URL: <https://space.commerce.gov/president-signs-executive-order-on-space-resource-utilization/> (accessed: 28.09.2025).

⁷⁶ Contribution of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/Russian_Federation_Contribution_to_the_WG_on_space_resources.pdf (accessed: 28.09.2025).

⁷⁷ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // Trump White House. 06.04.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed: 28.09.2025).

обычное международное право»⁷⁸. Вместе с тем данная позиция не была воспроизведена в заявлениях Соединённых Штатов в Рабочей группе ООН. Участвующие в ней государства не спешат полностью отказываться от положений, содержащихся в Соглашении о Луне 1979 года. Кроме США, ни одно государство не выразило официального отказа от участия в нём, в то время как ряд американских партнёров не видят противоречия между Соглашением о Луне 1979 г. и американскими Соглашениями «Артемиды».

Позиции государств относительно Соглашений «Артемиды»

Соглашения «Артемиды» между НАСА и правительствами, космическими агентствами и профильными министерствами стран, участвующих в одноимённой программе США, нацелены на изучение Луны, Марса, комет и астероидов. По состоянию на начало 2026 г. участником Соглашений являются 61 государство. В научной литературе отмечается их двойственная природа: в тексте самих Соглашений указывается, что они являются «политическим обязательством», но все документы государств-участников, «такие как меморандумы о взаимопонимании, межведомственные договорённости и иные, которые будут заключены такими государствами» о деятельности в космосе в будущем, «должны ссылаться на Соглашения “Артемиды” и включать положения о выполнении принципов, в них установленных» [Вылегжанин и др. 2023: 20].

В рамках деятельности Рабочей группы ООН американские Соглашения «Артемиды» нашли в основном позитивный отклик. На такие соглашения как на пер-

вый шаг к установлению специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе ссылаются, помимо США, также Австралия, Бельгия, Канада, Новая Зеландия, Мексика, Япония. С критикой этих документов выступает несравнимо меньшее количество государств. Лишь Марокко с сожалением отмечает увеличение инициатив, в т.ч. в рамках программы «Артемиды», направленных на «поощрение освоения космических ресурсов», что может нести риск нанесения «ущерба интересам государств, которые не в состоянии развивать деятельность по освоению таких ресурсов»⁷⁹.

Ограничения на разработку природных ресурсов небесных тел и защита космической среды

В ходе обсуждений была затронута и тема ограниченности ряда природных ресурсов небесных тел, в связи с чем некоторыми делегациями было предложено ввести ограничения на их добычу, предусмотрев соответствующие положения в будущем перечне принципов природоресурсной деятельности в космосе. Предложение связано с разделением ресурсов на исчерпаемые и неисчерпаемые: ранее к первым относили ископаемые в виде минералов и других залежей, а ко вторым – космические лучи и газы [Нозари 1979: 189], но с продвижением научных исследований состава небесных тел подобное деление может быть изменено. Например, Канада обратила внимание на необходимость предотвращения «полного истощения “космического ресурса” или разрушения небесного тела, на котором добывается такой ресурс»⁸⁰. Если существует вероятность истощения ресурса, государство, планирующее соот-

⁷⁸ Ibid. Section 2.

⁷⁹ Contribution of Morocco to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/LSC2023/StatesResponses/Morocco_NV4-2023.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 1.

⁸⁰ Submission of Canada to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities of the Legal Subcommittee of COPUOS // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/Submission_of_Canada_to_the_Working_Group_on_Space_Resource_Activities_-_Draft_Set_of_Principles_14_November_2025.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 7.

ветствующую деятельность по его добыче, должно провести международные консультации. Турция предлагает ввести «непосредственные ограничения на объём добычи ресурсов для научных исследований»⁸¹. В соответствии с позицией России Рабочей группе ООН предлагается рассмотреть вопросы не только потенциального истощения «космических ресурсов», но и «определения приоритетности и количества допустимых миссий в свете физических характеристик небесного тела»⁸². Великобритания предлагает возложить на государства обязанность учитывать при добыче «ограниченных ресурсов», таких как лёд на Луне, «интересы других потенциальных пользователей, воздействие такой деятельности на научную ценность небесного тела и окружающую среду»⁸³. В случае разработки распространённых ресурсов, например лунного реголита, предлагается закрепить обязательство о предотвращении долговременных опасностей для космической навигации.

Каждое государство, представившее свою позицию в рамках деятельности Рабочей группы, подчеркнуло необходимость защиты космической среды, а также осуществления природоресурсной деятельности в целях устойчивого развития и в соответствии с положениями международного права о предотвращении загрязнения космического пространства. Тем не менее степень проработки соответствующих предло-

жений различна: от общих предложений об обязательном рассмотрении экологических аспектов добычи космических ресурсов и включении соответствующих положений в будущие принципы природоресурсной деятельности в космосе⁸⁴ до конкретных обязательств о предварительной оценке воздействия планируемых миссий на космическую среду⁸⁵. При этом Германия настаивает на необходимости представления в ООН информации о районах Луны, имеющих особую экологическую или научную ценность, а также на рассмотрении вопроса об объявлении этих районов особо охраняемой территорией на основании п. 3 ст. 7 Соглашения о Луне 1979 года⁸⁶. Предложение выглядит значимым на фоне всё чаще звучащих утверждений о необходимости предоставления особой защиты местам посадки исторически значимых космических объектов, поскольку подобные заявления могут привести к появлению в международном космическом праве нового института особо охраняемых природных, культурных и исторических зон.

Турция внесла предложение о рассмотрении Рабочей группой способов и средств обеспечения централизованного мониторинга окружающей среды небесных тел. Такое предложение сопряжено с политическими и техническими сложностями, поскольку, скорее всего, потребует создания единой информационной системы, собирающей данные с национальных

⁸¹ Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities on Scope and Topics to be addressed at the International Conference to be held in 2024 Contributions from: Algeria, Australia, Brazil, Cuba, Ecuador, Russian Federation, Slovak Republic, and Türkiye // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_1052023crp/aac_1052023crp_7_0_html/AC105_2003_CRP07E.pdf. P. 6.

⁸² Contribution of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_20_0_html/AC105_C2_2023_CRP20E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 6.

⁸³ Contribution of the United Kingdom to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/20241113_Final_WG_SRU_-_UK_Proposals_for_ISRU_Principles_1.pdf (accessed: 28.09.2025). Para. 3.2.

⁸⁴ Китай, Россия, ОАЭ, Иран, Бахрейн, Франция, Великобритания, Словакия, Австралия.

⁸⁵ Мексика, Индонезия, Нидерланды, Люксембург, Германия.

⁸⁶ Отметим, что в указанной статье Соглашения о Луне 1979 г. речь идёт лишь о районах, представляющих научный интерес, а также объявления их не особо охраняемыми зонами, а международными научными заповедниками.

систем регистрации. Иран предложил разработать международные стандарты процедуры оценки воздействия на космическую среду, а также основу для проведения предварительных консультаций в целях снижения совокупного воздействия на космическую экосистему. Австралия, Австрия, Бахрейн, Азербайджан и Марокко делают акцент на предварительной разработке правового режима борьбы с космическим мусором.

Важно отметить, что, несмотря на относительно высокое внимание государств к экологическим аспектам природоресурсной деятельности в космосе, подобные заявления по большей части несут декларативный характер.

Установление зон безопасности на небесных телах

Термин «зоны безопасности» по отношению к космическому пространству получил широкое распространение в 2019 г. в связи с деятельностью Гагской рабочей группы по управлению космическими ресурсами. Положения о таких зонах были включены в текст Соглашений «Артемиды» в 2020 г. в качестве областей, в отношении которых будут осуществляться уведомления и координация в целях предотвращения помех на местах добычи природных ресурсов небесных тел. В Соглашениях также предусматривается возможность «расширения и развития» таких зон в зависимости от характера проводимой в их рамках деятельности. Абстрактный характер таких положений не позволяет оценить их соответствие принципам неприисвоения и свободы доступа во все районы небесных тел, предусмотренным в Договоре по космосу 1967 года. Поставлены следующие вопросы относительно предусмотренных Соглашениями «Артемиды» зон: «с какими целями и при каких обстоятельствах они будут использоваться; на каких основаниях

будет определяться целесообразность установления подобных зон; что подразумевает собой “изменение” и “развитие” зон; как согласуется сам факт установления зоны безопасности с принципом свободы доступа всех государств ко всем районам небесных тел, приверженность которому также содержится в тексте Соглашений?» [Мунтян 2025: 281]. Ещё в XX веке юрист Фариборз Нозари отмечал, как «трудно представить себе, каким образом отдельное государство может эксплуатировать природные ресурсы, особенно минеральные ресурсы, какой-либо территории небесного тела в своих национальных интересах без эффективной оккупации и, следовательно, фактического присвоения» [Нозари 1979: 188].

Тем не менее названные положения о зонах безопасности не отвергнуты *expressis verbis* в Рабочей группе ООН. Предусмотреть такие зоны для обеспечения безопасности природоресурсной деятельности в космосе предлагают Австралия, Нидерланды, Люксембург. Австрия, в целом поддерживая данную идею, предлагает следующие ограничения: «зоны безопасности должны соответствовать “принципу минимальной необходимости” и, следовательно, быть разумно ограничены в отношении 1) сферы охвата, 2) пространственных размеров, 3) продолжительности действия, 4) режима раскрытия информации, 5) режимов консультаций и 6) применения принудительных мер, чтобы обеспечить их использование другими государствами»⁸⁷. Схожей точки зрения придерживается и Канада, дополнительно отмечая целесообразность окончательного согласования размеров и продолжительности действия предлагаемой зоны со всеми государствами, вовлечёнными в природоресурсную деятельность в космосе.

Открыто с критикой универсализации положений о зонах безопасности, содержа-

⁸⁷ Contribution of Austria to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/DraftPrinciplesContributions/Blg_Contribution_by_Austria_on_elements_for_an_initial_draft_set_of_recommended_principles_for_space_resource_activities.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 3.

щихся в Соглашениях «Артемида», выступил только Иран. С точки зрения этого государства, «необходимость обеспечения безопасности инфраструктуры в ходе использования космических ресурсов не должна служить оправданием для создания зон, которые могут способствовать фактическому присвоению космического пространства и его ресурсов»⁸⁸.

Создание специального органа по контролю за природоресурсной деятельностью в космосе и распределению полученных выгод

Одним из первых идею о создании особого органа, обладающего полномочиями по управлению природными ресурсами небесных тел от лица всего человечества, выразил аргентинский юрист А.А. Кокка, назвавший III Конференцию ООН по морскому праву «моделью преодоления череды неудач», связанных с подготовкой текста Соглашения о Луне 1979 года [Вуопо 2025]. Включение формулировки «общее наследие человечества» по отношению к природным ресурсам небесных тел подразумевало последующее создание особой структуры по аналогии с Международным органом по морскому дну, целью которой стало бы обеспечение справедливого распределения полученных выгод. Подобное предложение не нашло отражения в Соглашении о Луне 1979 года, а концепция «общего наследия человечества» применительно к природным ресурсам небесных тел не получила широкой поддержки. В этой связи А.А. Кокка с сожалением констатировал, что «было бы правильно, чтобы именно наш комитет (*прим. авт.* — Комитет ООН по космосу), первопроходец в этом вопросе [...], дал этой концепции соответствующее развитие» [Вуопо 2025].

Бельгия, хотя и признаёт возможность создания специального органа по управлению космическими ресурсами, всё же относит это скорее к недостаткам форми-

рования специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе. Россия использует осторожные формулировки, предлагая рассмотреть целесообразность создания специального международного органа, ответственного за соблюдение универсального режима исследования, разработки и использования космических ресурсов, по аналогии с Международным союзом электросвязи и Международным органом по морскому дну. Решительно за учреждение такого органа высказываются лишь Иран и Индонезия, при этом последняя предлагает наделить его полномочиями по выдаче лицензий на осуществление природоресурсной деятельности в космосе.

Большая часть государств подчёркивает необходимость осуществления природоресурсной деятельности на благо всех стран независимо от уровня экономического или научного развития. Франция называет желательным предоставление части космических ресурсов в распоряжение заинтересованных государств и международного научного сообщества для проведения исследований. Россия акцентирует необходимость рационального управления космическими ресурсами и справедливого распределения выгод, получаемых от их использования, понимая под последним соответствие получаемых выгод реальным усилиям и материальному вкладу участвующих в природоресурсной деятельности субъектов. Австрия предлагает включить в будущие принципы природоресурсной деятельности в космосе положения о предотвращении монополизации отрасли в ущерб другим законным интересам, например научным исследованиям. Люксембург и Нидерланды традиционно поддерживают подход, предложенный Гаагской рабочей группой, в соответствии с которой выгоды от природоресурсной деятельности могут включать развитие космической науки и техники; образование и про-

⁸⁸ Islamic Republic of Iran's Perspective on "The Initial draft set of recommended principles for space resource activities" // UNOOSA. 2025. URL: <https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/2507037E.pdf> (accessed: 28.09.2025). P. 5.

фессиональную подготовку; создание совместных предприятий; обмен опытом, информацией и технологиями. Соответственно, распределению могут подлежать не только финансовые выгоды.

В научном сообществе также высказываются предложения о целесообразности создания так называемого Международного космического фонда. Возможны две формы его организации: фонд или механизм фондового типа, взимающий «роялти» от природоресурсной деятельности в космосе и впоследствии распределяющий их между всеми государствами для совместного использования денежных выгод; или фонд для наращивания неденежного потенциала и/или обеспечения устойчивого развития сферы [McKeown et al. 2025: 2]. В официальных документах государств данная идея пока не нашла отражения.

В Рабочей группе ООН обозначена также потребность в согласованном механизме обмена информацией о планируемой природоресурсной деятельности в космосе, её итогах и выгодах. Индонезия выразила надежду на включение в проект «Принципов природоресурсной деятельности в космосе» положения о передаче космических технологий развивающимся странам. Этот вопрос был затронут ещё в 1990 г. Г.М. Даниленко, отметившим, что «специфика космической технологии (прим. авт. – речь идёт о её потенциальном двойном назначении) не может не оказывать решающего влияния на определение позиций государств по проблемам её передачи третьим странам» [Даниленко 1990: 87]. Предложения о передаче техно-

логий зачастую исходят от развивающихся государств, в то время как уже имеющие богатый опыт в исследовании и использовании космического пространства державы не спешат взять на себя соответствующие обязательства, что во многом обусловлено не только экономическими затратами, но и соображениями национальной безопасности.

Проект Принципов природоресурсной деятельности в космосе

Промежуточным результатом обсуждений в Рабочей группе ООН стал предварительный проект «Принципов природоресурсной деятельности в космосе»⁸⁹ (далее также – проект Принципов). К планируемому моменту завершения деятельности этой структуры ООН в 2027 г. данный документ претерпит ряд изменений, но некоторые его характеристики можно предложить уже в настоящее время. Проект Принципов был подготовлен Председателем Рабочей группы Стивеном Фриландом⁹⁰ – австралийским юристом-международником. Проект находится на стадии доработки посредством направления замечаний и предложений со стороны государств-членов Комитета ООН по космосу⁹¹. Документ Фриланда уже отражает ряд поправок, внесённых в ходе 64-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу.

В преамбуле содержится указание на его правовую природу: «Принципы не создают юридических прав и обязанностей», поэтому документ не содержит международно-правовых норм. В то же время в нём под-

⁸⁹ Updated initial draft set of recommended principles for space resource activities // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/Updated_Initial_draft_set_of_recommended_principles_WG_SRA.pdf (accessed: 28.09.2025). Прим. авт.: в русскоязычной версии первоначального проекта используется следующее название проекта – «Первоначальный проект свода рекомендуемых принципов осуществления деятельности, связанной с космическими ресурсами». См.: Initial draft set of recommended principles for space resource activities (Russian version) // United Nations. 2025. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v25/021/88/pdf/v2502188.pdf> (accessed: 28.09.2025).

⁹⁰ На момент подготовки проекта С. Фриланд являлся заместителем Председателя Рабочей группы.

⁹¹ Initial draft set of recommended principles for space resource activities (Russian version) // United Nations. 2025. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v25/021/88/pdf/v2502188.pdf> (accessed: 28.09.2025). P. 3.

чёркивается, что стороны осознают «необходимость выявления передовой практики и обеспечения правовой ясности в отношении космических ресурсов и природоресурсной деятельности в космосе». В преамбулу было также включено одно из положений, содержащихся в официальной позиции России: «космические ресурсы как объект правового регулирования являются неотъемлемой частью космического пространства»⁹².

Проект Принципов подчёркивает необходимость соответствия природоресурсной деятельности в космосе международному праву, в том числе Договору по космосу 1967 года, но не упоминает Соглашение о Луне 1979 года. Некоторые положения дублируют принципы международного космического права, содержащиеся в Договоре по космосу.

Отдельно указывается, что природоресурсная деятельность в космосе не должна нарушать принципы свободы доступа во все районы небесных тел и их неприсвоения, что означает признание государствами, в т.ч. не подписавшими Соглашение о Луне 1979 года, соответствия такой деятельности международному праву.

В ходе 64-й сессии были согласованы предварительные определения терминов «космические ресурсы» и «природоресурсная деятельность в космосе», подлежащие включению в текст принципов. Под космическими ресурсами предлагается понимать «извлекаемые и/или восстанавливаемые природные, абиотические ресурсы [материалы] [такие, как минералы, вода, лёд, другие жидкости и газы], расположенные [*in situ*] в космическом пространстве, включая [на поверхности или в недрах] Луны и других небесных тел [и не включающие спутниковые орбиты, радиочас-

тотный спектр, солнечную энергию или другие ресурсы, не имеющие физической природы]». Термин «природоресурсная деятельность в космосе»⁹³ определён в проекте как «деятельность, осуществляемая в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с [основной] целью поиска, добычи, [исследования] эксплуатации и использования космических ресурсов [, а также связанная с этим деятельность, такая как обработка и транспортировка [, осуществляемая в космическом пространстве]]»⁹⁴. Отдельно в проекте указывается на необходимость осуществления такой деятельности безопасным образом и с учетом приоритета жизни и здоровья человека.

Предусмотрены и положения о защите космической среды в ходе разработки природных ресурсов небесных тел, в соответствии с которыми государства принимают все необходимые меры для обеспечения соответствия такой деятельности принципам устойчивого развития, предотвращения загрязнения космического пространства, восстановления всех районов, затронутых такой деятельностью и приведения их в первоначальное состояние по завершении такой деятельности. Наличие положения о «справедливом распределении выгод» в части, касающейся соображений безопасности и защиты космической среды, выглядит излишним, но стоит отметить отсутствие в остальной части проекта какого-либо иного упоминания о распределении выгод, полученных от разработки «космических ресурсов».

Интересно в данном контексте положение, являющееся своеобразной адаптацией текста статьи I Договора по космосу 1967 года. «Природоресурсная деятельность в космосе осуществляется на благо и

⁹² Contribution of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UNOOSA. 2023. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_20_0_html/AC105_C2_2023_CRP20E.pdf (accessed: 28.09.2025). P. 5.

⁹³ Альтернативный перевод — «деятельность с космическими ресурсами».

⁹⁴ Updated initial draft set of recommended principles for space resource activities // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/Updated_Initial_draft_set_of_recommended_principles_WG_SRA.pdf (accessed: 28.09.2025). Principle XXX.

в интересах всего человечества и является достоянием всего человечества»⁹⁵. Указанная статья Договора по космосу даёт такую же характеристику широкому виду деятельности, а именно: «исследованию и использованию космического пространства» в целом.

Проект призывает государства отдавать приоритет научно-исследовательским миссиям, направленным на продвижение интересов всего человечества, использованию космических ресурсов на месте для обеспечения миссий на небесных телах, а также должным образом «учитывать соответствующие интересы всех других государств, включая государства, которые в настоящее время не имеют возможности осуществлять природоресурсную деятельность в космосе или участвовать в ней, но, возможно, пожелают сделать это в будущем»⁹⁶.

В проекте предусмотрено также положение о своевременном обмене соответствующими научными и техническими данными, а также опытом, накопленным при осуществлении природоресурсной деятельности в космосе.

Положения об установлении зон безопасности не нашли отражения в предварительном проекте, но были предложены в качестве возможных и подлежащих рассмотрению в будущем.

* * *

Несмотря на узкий круг стран, чьи миссии по доставке образцов природных ресурсов небесных тел на Землю можно к настоящему времени назвать успешными, текущие и плановые проекты в данной области подтверждают научный и коммерческий интерес во многих странах мира к добыче внеземных веществ и последующему их использованию.

Само создание данной Рабочей группы ООН представляет собой шаг к формиро-

ванию взаимоприемлемого понимания содержания будущего международно-правового порядка природоресурсной деятельности в космосе, включая согласование стандартов обеспечения безопасности и устойчивости такой деятельности. Вовлечение в деятельность этой структуры ООН более чем 40 государств ведущих космических держав, свидетельствует о глобальном признании необходимости многостороннего диалога, когда техническими возможностями добычи природных ресурсов небесных тел обладают всего несколько государств. В Рабочей группе ООН не обозначено возражений государств против согласования универсального специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе, хотя его контуры обозначены лишь в виде принципов рекомендательного характера. При этом большинство представителей государств сходятся в понимании термина «космические ресурсы» как абиотических веществ в местах их залегания, исключая при этом орбиты, радиочастоты и солнечную энергию. Наиболее дискуссионными остаются вопросы установления права собственности на добытые природные ресурсы небесных тел, распределение полученных при такой добыче выгод, ограничения и квоты на разработку определённых видов таких природных ресурсов, а также создания зон безопасности вокруг мест их разработки. Довольно общими являются и положения проекта о защите космической среды в ходе разработки природных ресурсов небесных тел, что отражает стремление интегрировать принципы устойчивого развития в правовой режим природоресурсной деятельности в ущерб конкретике согласуемых природоохранных стандартов.

В целом же проект «Принципов природоресурсной деятельности в космосе» представляет собой глобальный компо-

⁹⁵ Updated initial draft set of recommended principles for space resource activities // UNOOSA. 2025. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/Updated_Initial_draft_set_of_recommended_principles_WG_SRA.pdf (accessed: 28.09.2025). Principle 6.

⁹⁶ Ibid. Principle 9.

миссный документ, дублирующий ключевые нормы Договора по космосу 1967 г. и в то же время вводящий ряд новых содержательных правовых элементов прежде всего в части понятийного аппарата; обозначения приоритета научных косми-

ческих миссий; порядка использования природных ресурсов небесных тел *in situ*. Предполагаемый в проекте рекомендательный характер «Принципов» облегчает их согласование и продвижение на универсальном уровне.

Список литературы

- Василевская Э.Г.* Содержание юридического понятия «небесные тела» // Международное космическое право / под ред. А.С. Пирадова. М.: Издательство «Международные отношения». 1974. С. 97–100.
- Вылегжанин А., Юзбашян М., Алексеев М.* Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызовов большинству государств? // Международные процессы. 2023. Т. 21. №3. С. 6–30. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.5
- Вылегжанин А.Н., Крохина П.А.* Законодательство Люксембурга о природных ресурсах небесных тел и международное право // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 17–35. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-17-35
- Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.* Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств // Государство и право. 2024. № 1. С. 147–158. DOI: 10.31857/S1026945224010143
- Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Мунтян М.Е.* Космическая политика Японии: международно-правовой ракурс // Японские исследования. 2024. № 4. С. 48–69. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-48-69
- Даниленко Г.М.* Передача космической технологии: правовые проблемы // Новое в космическом праве / под ред. В.С. Верещетина. М.: Академия наук СССР, Институт государства и права, 1990. С. 77–91.
- Жуков Г.П.* Космическое право М.: Международные отношения, 1966. 296 с.
- Кирсанов А.К., Вохмин С.А., Курчин Г.С., Волков Е.П.* Добыча полезных ископаемых в космосе: обзор современных исследований и разработок // Горная промышленность. 2024. № 4. С. 75–80. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-4-75-80
- Международное космическое право / под ред. А.С. Пирадова. М.: Международные отношения, 1985. 208 с.
- Международное космическое право / под ред. Г.П. Жукова, Ю.М. Колосова. М.: Международные отношения, 1999. 360 с.
- Международно-правовые основы недропользования / под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: Норма, 2007. 528 с.
- Мунтян М.Е.* Международно-правовые аспекты управления космическим движением // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2(68). С. 277–302. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-277-302
- Мунтян М.Е., Сигаури-Горский Е.Р.* Опыт Японии в области исследования и использования космического пространства: национальные и международно-правовые аспекты // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8(184). С. 226–233. DOI 10.24158/tipor.2023.8.29
- Нозари Ф.* Космическое право / под ред. Ю.М. Колосова. М.: Юридическая литература, 1979. 230 с.
- Пирадов А.С.* История становления космического права // Международное космическое право. Международное космическое право / под ред. А.С. Пирадова. М. 1974. С. 36–54.
- Право и космос в эпоху глобальных социальных и экономических изменений / под общ. ред. В.В. Блажеева, О.А. Ястребова, Г.П. Толстопятенко. М.: Проспект, 2021. 200 с.
- Фазан Э.* К вопросу о правовом режиме небесных тел // Современные проблемы космического права. М.: ИЛ, 1963. С. 290–304.
- Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. 2017. №2. С. 71–86. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-71-86
- Black H.C.* Black's Law Dictionary. St. Paul, MN: West Publishing Co., 1990. 1657 p.
- Buono S.S.* Governing the Moon: A History. Washington, DC: NASA, 2025. 98 p.
- Chipman R.* The World in Space: A Survey of Space Activities and Issues Prepared for UNISPACE 82. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1982. 682 p.

- Elvis M., Milligan T., Krolkowski A. The peaks of eternal light: A near-term property issue on the moon // *Space Policy*. 2016. Vol. 38. P. 30–38. DOI: 10.1016/j.spacepol.2016.05.011
- Gaggero E.D., Ripoll R.P. *Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies*. McGill University, 1981. 480 p.
- Garcia-del-Real J., Barakos G., Mischo H. Space mining is the industry of the future ... or maybe the present? // *Mining Engineering*. 2020. Vol. 72. No. 2. P. 40–48.
- Hanlon M.L.D. *The Moon Agreement—A Swan Song // International Space Law in the New Space Era: Principles and Challenges* / ed. by S.B. Bhat, D. Ukey, A. Variath. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 143–164. DOI: 10.1093/9780198909415.003.0008
- Hein A.M., Matheson R., Fries D. A techno-economic analysis of asteroid mining // *Acta Astronautica*. 2020. Vol. 168. P. 104–115. DOI: 10.1016/j.actaastro.2019.05.009
- Hobe S., Schmidt-Tedd B., Shroff K.-U. *Cologne Commentary on Space Law*. Vol. 2. Berlin: BWV, 2013. 472 p.
- Jiang S. The Aftermath of the US Space Resource Exploration and Utilization Act: What's Left for China? // *Journal of East Asia and International Law*. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 9–34. DOI: 10.14330/jeail.2018.11.1.01
- Lyall F., Larsen P. *Space Law: A Treatise*. New York; London: Routledge, 2024. 532 p. DOI: 10.4324/9781003496502
- McKeown B., Dempster A.G., Saydam S., Coulton J. The space resources fund: A solution to the space resources benefit sharing dilemma? // *Space Policy*. 2025. Vol. 75. 101663. DOI: 10.1016/j.spacepol.2024.101663
- Shaw M. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 1033 p.
- The COPUOS Briefing Book* / ed. by C.D. Johnson. Secure World Foundation, 2025. 107 p.
- Vereschetin V.S., Danilenko G.M. Custom as a Source of International Law of Outer Space // *Journal of Space Law*. 1985. Vol. 13. No. 1. P. 22–34.
- Wang G., Huang X. On the common heritage of mankind principle in space // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 211. P. 926–938. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.07.002
- Wang G., Huang X. The establishment of the priority right in space resources activities // *Advances in Space Research*. 2024. Vol. 73. No. 1. P. 918–932. DOI: 10.1016/j.asr.2023.11.031
- Zwart M., Henderson S., Neumann M. Space resource activities and the evolution of international space law // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 211. P. 155–162. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.06.009

SPACE RESOURCE ACTIVITIES IN THE UN *E UNUM PLURIBUS?**

ALEXANDER VYLEGZHANIN
MARINA MUNTIAN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

This article examines the work of the United Nations Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities in the context of the emerging special international legal regime governing the use of natural resources in outer space. It analyzes the positions of states and the European Space Agency on key issues, including the definition of “space resources”; the scope of space resource activities; the permissibility of recognizing private property rights over natural substances extracted from celestial bodies; attitudes toward the 1979 Moon Agreement and the Artemis Accords; possible restrictions and quotas on resource extraction; protection of the space environment; the establishment of “safety zones” at resource

* Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-18-00977 (<https://rscf.ru/project/23-18-00977/>).

development sites; the creation of a special international body; and the equitable sharing of benefits derived from space resource activities. The article shows that an increasingly clear differentiation of state approaches to the legal regulation of space resource activities is taking shape within the United Nations, the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, its specialized subcommittees and working groups. It argues that the preliminary draft Principles on Space Resource Activities, prepared under the auspices of the Working Group, is a compromise instrument of a recommendatory nature, which may facilitate its broad support at the universal level but does not eliminate fundamental disagreements among states on key issues. The article raises the question whether the current political and legal differentiation of state positions amounts to a fragmentation of universal international space law, whose core remains the 1967 Outer Space Treaty, elaborated through a difficult Soviet-American compromise. Against the background of growing economic interest in the natural resources of celestial bodies, this question is examined as one of the central challenges for the future development of international space law.

Keywords:

outer space; natural resources of celestial bodies; space resources; province of all mankind; common heritage of mankind; Committee on the Peaceful Uses of Outer Space; COPUOS; principle of non-appropriation; Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities; protection of the space environment; Draft set of recommended principles for space resource activities

References

- Black H.C. (1990). *Black's Law Dictionary*. St. Paul, MN: West Publishing Co. 1657 p.
- Blazheev V.V., Yastrebov O.A., Tolstopyatenko G.P. (eds) (2021). *Pravo i kosmos v epokhu global'nykh sotsial'nykh i ekonomicheskikh izmenenii* [Law and Space in the Era of Global Social and Economic Changes]. Moscow: Prospekt. 200 p.
- Buono S.S. (2025). *Governing the Moon: A History*. Washington, DC: NASA. 98 p.
- Chipman R. (1982). *The World in Space: A Survey of Space Activities and Issues Prepared for UNISPACE 82*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. 682 p.
- Danilenko G.M. (1990). Peredacha kosmicheskoi tekhnologii: pravovye problemy [Transfer of Space Technology: Legal Problems]. In: V.S. Vereshchetin (ed.) *Novoe v kosmicheskoy prave* [New in Space Law]. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of State and Law. P. 77–91.
- Elvis M., Milligan T., Krolkowski A. (2016). The peaks of eternal light: A near-term property issue on the moon. *Space Policy*. Vol. 38. P. 30–38. DOI: 10.1016/j.spacepol.2016.05.011
- Fazan E. (1963). *K voprosu o pravovom rezhime nebesnykh tel* [On the Question of the Legal Regime of Celestial Bodies]. In: *Sovremennye problemy kosmicheskogo prava* [Current issues of outer space law]. Moscow: IL. P. 290–304.
- Gaggero E.D., Ripoll R.P. (1981). *Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies*. McGill University. 480 p.
- Garcia-del-Real J., Barakos G., Mischo H. (2020). Space mining is the industry of the future ... or maybe the present? *Mining Engineering*. Vol. 72. No. 2. P. 40–48.
- Hanlon M.L.D. (2024). The Moon Agreement—A Swan Song. In: S.B. Bhat, D. Ukey, A. Variath (eds) *International Space Law in the New Space Era: Principles and Challenges*. Oxford: Oxford University Press. P. 143–164. DOI: 10.1093/9780198909415.003.0008
- Hein A.M., Matheson R., Fries D. (2020). A techno-economic analysis of asteroid mining. *Acta Astronautica*. Vol. 168. P. 104–115. DOI: 10.1016/j.actaastro.2019.05.009
- Hobe S., Schmidt-Tedd B., Shrogl' K.-U. (2013). *Cologne Commentary on Space Law*. Vol. 2. Berlin: BWV. 472 p.
- Jiang S. (2018). The Aftermath of the US Space Resource Exploration and Utilization Act: What's Left for China? *Journal of East Asia and International Law*. Vol. 11. No. 1. P. 9–34. DOI: 10.14330/jeail.2018.11.1.01
- Kirsanov A.K., Vokhmin S.A., Kurchin G.S., Volkov E.P. (2024). Dobycha poleznykh iskopaemykh v kosmose: obzor sovremennykh issledovaniy i razrabotok [Space Mining: a Review of Current Research and Developments]. *Mining Industry Journal / Gornay Promishlennost'*. No. 4. P. 75–80. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-4-75-80
- Lyall F., Larsen P. (2024). *Space Law: A Treatise*. New York; London: Routledge. 532 p. DOI 10.4324/9781003496502
- McKeown B., Dempster A.G., Saydam S., Coulton J. (2025). The space resources fund: A solution to the space resources benefit sharing dilemma? *Space Policy*. Vol. 75. 101663. DOI: 10.1016/j.spacepol.2024.101663

- Muntian M.E. (2025). Mezhdunarodno-pravovye aspekty upravleniya kosmicheskimi dvizheniyami [International Legal Aspects of Space Traffic Management]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. No. 2(68). P. 277–302. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-277-302
- Muntian M.E., Sigauri-Gorskii E.R. (2023). Opyt Yaponii v oblasti issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva: nacional'nye i mezhdunarodno-pravovye aspekty [Japan's Experience in the Exploration and Use of Outer Space: National and International Legal Aspects]. *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 8(184). P. 226–233. DOI 10.24158/tipor.2023.8.29.
- Nozari F. (1979). *Kosmicheskoe pravo* [Space Law]. Ed. by Yu. M. Kolosov. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 230 p.
- Piradov A.S. (1974). Istoriya stanovleniya kosmicheskogo prava [History of the Formation of Space Law]. In: A. S. Piradov. *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law]. Moscow. P. 36–54.
- Piradov A.S. (ed.) (1985). *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 208 p.
- Shaw M. (2017). *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
- Johnson C.D. (ed.) (2025) *The COPUOS Briefing Book*. Secure World Foundation. 107 p.
- Vasilevskaya E.G. (1974). Soderzhanie yuridicheskogo ponyatiya «nebesnye tela» [The content of the legal concept of "celestial bodies"]. In: A.S. Piradov (ed.) *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law]. Moscow. P. 97–100.
- Vereschetin V.S., Danilenko G.M. (1985). Custom as a Source of International Law of Outer Space. *Journal of Space Law*. Vol. 13. No. 1. P. 22–34.
- Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Alekseev M. (2023). Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SShA: priglashenie k utochneniyu statusa prirodnykh resursov nebesnykh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 21. No. 3. P. 6–30. DOI: 10.17994/IT.2023.21.3.74.5
- Vylegzhanin A.N. (ed.) (2007). *Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovaniya* [International legal bases of subsoil use]. Moscow: Norma. 528 p.
- Vylegzhanin A.N., Krokhina P.A. (2024). Zakonodatel'stvo Lyuksemburga o prirodnykh resursakh nebesnykh tel i mezhdunarodnoe pravo [Legislation of Luxemburg on Natural Resources of Celestial Bodies and International Law]. *Moscow Journal of International Law*. No. 3. P. 17–35. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-17-35
- Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M. (2024). Status prirodnykh resursov nebesnykh tel: novelty, oboznachennoye praktikoy gosudarstv [Status of the Natural Resources of Celestial Bodies: Novelty of the Practice of States]. *State and Law*. No. 1. P. 147–158. DOI: 10.31857/S1026945224010143
- Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Muntian M.E. (2024). Kosmicheskaya politika Yaponii: mezhdunarodno-pravovoi rakurs [Japanese space policy: An international legal perspective]. *Japanese Studies in Russia*. No. 4. P. 48–69. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-48-69
- Wang G., Huang X. (2023). On the common heritage of mankind principle in space. *Acta Astronautica*. Vol. 211. P. 926–938. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.07.002
- Wang G., Huang X. (2024). The establishment of the priority right in space resources activities. *Advances in Space Research*. Vol. 73. No. 1. P. 918–932. DOI: 10.1016/j.asr.2023.11.031
- Yuzbashyan M.R. (2017). Zakon SShA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskikh resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law]. *Moscow Journal of International Law*. No. 2. P. 71–86. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-71-86
- Zhukov G.P. (1966). *Kosmicheskoe pravo* [Space Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 296 p.
- Zhukov G.P., Kolosov Yu.M. (eds) (1999). *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law] (1999). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 360 p.
- Zwart M., Henderson S., Neumann M. (2023). Space resource activities and the evolution of international space law. *Acta Astronautica*. Vol. 211. P. 155–162. DOI: 10.1016/j.actaastro.2023.06.009

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ ГЕНЕАЛОГИИ ПОНЯТИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

ПАВЕЛ ДОЦЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается соотношение понятий «историческая политика» и «политика памяти» в Центральной Европе после 1989 года. В фокусе внимания автора находятся политические и коммеморативные формы обращения к прошлому, сложившиеся в условиях посткоммунистической трансформации, демократического транзита и евроинтеграции. Особое место занимает анализ процесса рукотворного соотношения национальных исторических нарративов с наднациональными европейскими нормами и символическими рамками. На материале польской, венгерской, чешской и словацкой понятийных традиций показано, что историческая политика и политика памяти в научном и публичном дискурсах часто сближаются, но не сводятся друг к другу. Историческая политика в большей степени относится к институционализированным стратегиям публичной власти по управлению прошлым, тогда как политика памяти охватывает более широкий социокультурный и коммеморативный регистр практик. В целом различие между этими понятиями сохраняет самостоятельное аналитико-методологическое значение для исследования центральноевропейских режимов памяти после 1989 года.

Ключевые слова:

Центральная Европа; историческая политика; политика памяти; евроинтеграция.

Введение

Обращение к прошлому как политическому ресурсу не ново и составляет предмет классической историографии, связанной с конструированием национальных нарративов в XIX–XX веках [Berger 2007: 31, 39–40, 54]. В этой традиции вопрос об «исторической политике» следует рассматривать не только как часть более широкой проблематики национальной истории и

национальной идентичности, но и в рамках становления европейской государственности в целом. Характер и пределы взаимопроникновения политики и истории стали предметом размышлений в исторической науке уже в первой половине XIX века, в частности в работе Леопольда фон Ранке «О пересечении и углублении истории и политики», написанной в 1836 году¹. Историки XIX–XX веков играли важную роль

¹ Ranke Leopold von. Über das Verhältnis der Geschichte zur Politik. Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/ranke/histpoli/histpoli.html> (дата обращения: 05.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.11.2025

Дата принятия к публикации: 16.05.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: paveldotsenko1998@mail.ru

в формировании национального сознания, тогда как государство стремилось влиять на интерпретацию прошлого через образовательную, кадровую и архивную политику. На раннем этапе влияние на интерпретацию прошлого осуществлялось главным образом через кадровый контроль в университетах, организацию архивов и систему школьного исторического образования, однако со временем спектр таких институциональных механизмов расширился. Политические и социальные процессы влияли также на развитие исторической культуры: расцвет интереса к прошлому сменялся периодами его проблематизации и вытеснения.

Именно столкновение обществ с революциями, колониальными войнами и прежде всего двумя мировыми войнами породило травмирующий опыт, приведший не к утрате памяти в буквальном смысле, а к кризису публичных режимов осмысления прошлого и вытеснению отдельных пластов исторического опыта [Hobsbawm 1994: 3–4, 12–14, 26; Huyssen 2000: 23]. Процессы утраты и возрождения исторической памяти никогда не были беспристрастными, а актуализация одних традиций и забвение других определялись потребностями настоящего, включая поиск смысла, солидарности, идентичности и чувства принадлежности, что делало их связь с текущей политической линией неизбежной.

«Долгий» XIX век превратил обращение к прошлому в институционально организованный ресурс государственности посредством стандартизированных школьных канонов, унифицированных языков и героических нарративов «возрождений» и «освободительных войн». Речь шла не о простой популяризации исторического знания, а о формировании новых граждан через дисциплинарные практики урока, парада, памятника и юбилея, то есть «изобретённых традиций», которые скрепляли современные политики в условиях всеобщей

воинской повинности и расширения избирательного права [Hobsbawm 1983: 263]. Вместе с тем канонизировалась и идея о необходимости селективности памяти: уже в конце XIX века Э. Ренан утверждал, что нации питаются как общей памятью, так и «полезным забвением», без которого невозможен политический консенсус². В совокупности это создавало механизм, благодаря которому административная унификация и правовая кодификация получали символическое оправдание, а территориальная власть — культурные основания, признанные большинством. Эта длительная историческая траектория важна постольку, поскольку позволяет рассматривать обращение к прошлому не как ситуативный эффект политических кризисов, а как устойчивый механизм воспроизводства легитимности.

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет период после 1989 года, когда в Центральной Европе обращение к прошлому было заново институционализировано в условиях демократического транзита, евроинтеграции и переопределения национальных нарративов. Именно в этот период различие между исторической политикой и политической памяти приобретает не только терминологическое, но и аналитико-методологическое значение. Цель статьи заключается в выявлении аналитико-методологического значения различия между понятиями «историческая политика» и «политика памяти» применительно к Центральной Европе после 1989 года. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проследить историческую и концептуальную эволюцию политического обращения к прошлому в европейском контексте; определить содержание европеизации памяти как нормативного и институционального процесса; сопоставить национальные понятийные традиции Центральной Европы, прежде всего польскую, венгерскую, чешскую и словацкую;

² Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Conférence faite en Sorbonne. Paris: Calmann Lévy, 1882. P. 7–11.

установить, в каких случаях понятия «историческая политика» и «политика памяти» выступают как аналитически разграниченные, а в каких – как частично пересекающиеся. Исследовательская гипотеза статьи состоит в том, что историческая политика и политика памяти в постсоциалистической Центральной Европе представляют собой пересекающиеся, но не тождественные способы политического обращения к прошлому, различающиеся по составу акторов, инструментов и уровней институционализации. Проверка данной гипотезы предполагает, с одной стороны, анализ европеизации памяти как процесса институциональной и нормативной перестройки обращения к прошлому, а с другой – сопоставление национальных понятийных традиций, в которых различие между исторической политикой и политикой памяти получает различную степень аналитической артикуляции.

Степень разработанности рассматриваемой проблемы следует признать значительной, но неравномерной. Теоретические основания исследования памяти, коллективных представлений о прошлом и их политической институционализации были заложены в работах А. Ассман, показавшей роль памяти в формировании культурных и нормативных рамок современного европейского пространства [Assmann 2006; Assmann 2007]. Проблема общеевропейских режимов памяти, их внутренней иерархии и включения в них восточноевропейского опыта получила развитие в исследованиях Ш. Леггеве и М. Мьяльксоо [Leggewie 2008; Mälksoo 2009]. Политико-институциональное измерение памяти и конфликты вокруг прошлого в странах Центральной и Восточной Европы были подробно рассмотрены Ж. Минком и Л. Ноймайер [Mink, Neumayer 2013]. В свою очередь, собственно соотношение понятий историческая политика и политика памяти, их генеалогия, нормативная нагруженность и связь с государственными стратегиями интерпретации прошлого анализируются в работах как зарубежных [Troebst 2014; Traba 2015; Корецек 2008;

Nagy 2020], так и отечественных исследователей [Миллер 2012; Малинова 2019; Бетмакаев 2021]. Таким образом, проблема достаточно хорошо разработана на уровне теории памяти, национальных кейсов и исследований публичной коммеморации, однако остаётся недостаточно прояснённой в сравнительно-понятийном и методологическом отношении, особенно применительно к Центральной Европе после 1989 года.

Методология исследования определяется междисциплинарным характером поставленной проблемы. В статье используется сочетание сравнительно-историографического, сравнительно-понятийного и проблемно-исторического подходов. Сравнительно-историографический подход позволяет реконструировать, как в различных национальных академических традициях осмыслились историческая политика, политика памяти и их соотношение. Сравнительно-понятийный анализ даёт возможность выявить семантические, дисциплинарные и методологические различия между соответствующими категориями в немецком, польском, чешском, словацком, венгерском и англоязычном научных полях. Проблемно-исторический подход используется для анализа европеизации памяти после 1989 года как процесса, в рамках которого национальные режимы обращения к прошлому соотносятся с наднациональными нормами, институтами и символическими ожиданиями.

Вместе с тем принципиальное значение приобретает не только выбор исследовательских подходов, но и операционализация ключевых понятий. Понятие «память» в настоящей статье понимается как социальное и политически опосредованный комплекс представлений о прошлом, циркулирующих в публичной сфере и закрепляемых в институтах, ритуалах, символах, образовательных практиках, музейных репрезентациях и правовых нормах. Под «европеизацией памяти» понимается процесс, в ходе которого национальные режимы обращения к прошлому частично перестраиваются под воздействием наднацио-

нальных европейских норм, институтов и символических рамок. Речь идёт не о вытеснении национальных исторических нарративов, а об их соотношении с обще-европейскими стандартами критической рефлексии о войне, тоталитаризме, Холокосте, правах человека и демократической ответственности. Понятие «режим памяти» означает совокупность правил, институтов и доминирующих представлений, которые определяют, как общество «помнит» прошлое в публичном пространстве.

Структура статьи подчинена логике решения поставленных задач. В первой части рассматривается европеизация памяти и формирование нормативных режимов обращения к прошлому в Европе, что позволяет обозначить наднациональный контекст центрально-европейских трансформаций после 1989 года. Во второй части анализируются терминологические генеалогии и национальные контексты употребления понятий «историческая политика» и «политика памяти» в странах Центральной Европы. В заключении обобщаются результаты исследования и формулируются выводы о пределах и аналитической продуктивности разграничения указанных понятий.

Европеизация памяти и нормативные режимы

Опыт Первой мировой войны радикально изменил способы публичного осмысления прошлого, развернув повсеместные практики скорби и ритуалы коллективного траура. Появление культа Неизвестного солдата, массовых воинских мемориалов и «ландшафтов скорби» встретило опыт тотальной мобилизации и смерти в повседневность, придав коммеморации статус языка государственного объяснения налогов, социальной политики и моральных претензий государства на лояльность [Winter 2014: 1–5]. Исследователь Дж. Л. Мосс ещё во второй половине XX века показал, как политическая эстетика и символика войны – парады, монументы – «национализуют массы», связывая аффект скорби с патриотическим воображением, дисципли-

наруя граждан в пространстве ритуалов [Mosse 1975: 21–22, 76, 208]. В результате коммеморация перестаёт быть лишь компонентом политики: она становится технологией, через которую государство управляет эмоциями и нормирует рамки легитимного политического участия. Этот сдвиг создал предпосылки для активной инструментализации прошлого межвоенными режимами в целях массовой мобилизации, тогда как официально конструируемые образы прошлого легитимировали практики исключения и насилия.

Вторая мировая война и Холокост реорганизовали европейские «режимы памяти», введя язык преступлений против человечности и персональной ответственности в институциональный оборот. Нюрнбергские процессы и национальные суды трансформировали историческое осмысление в правовую артикуляцию, став основой для легитимации послевоенных порядков через дистанцирование от недавнего прошлого и институционализацию новых норм ответственности и правосудия [Magrus 1997: 228–235, 244].

Однако в Польше, Чехословакии и Венгрии официальная «версия памяти» сочеталась с практиками вытеснения неудобных тем – репрессий, депортаций, погромов – и с полуофициальными формами коммеморации. К 1970–1980-м годам именно эти формы памяти подпитывали альтернативные гражданские идентичности и языки прав человека, готовя символический ресурс будущих «Бархатных революций». Вместе с тем в западноевропейских демократиях происходила постепенная «централизация» темы Холокоста в публичной истории: исследования, журналистские расследования, новые музеи и учебные реформы изменили баланс между героической и «проблемной» историей. Этот поворот соответствовал переходу к истории как нравственно-правовому уроку, где государственная легитимность всё более зависела от способности признавать провалы и защищать права, а не от апелляции к героическому происхождению [Assmann 2007: 11–14].

Одновременно развивались локальные практики коммеморации и мемориальные инициативы, смещавшие внимание к судьбам конкретных жертв и микроисторическим сюжетам и тем самым формировавшие новую «грамматику» публичной истории, уже различимую в музейном и образовательном поле 1980-х годов. Эта новая «грамматика», опирающаяся на ответственность, свидетельство и права, подготовила условия для послевоенной европеизации памяти, хотя институционализация наднационального уровня последует уже после 1989 года [Assmann 2006: 213–216, 220–223].

В то же время процесс европейской интеграции XX–XXI веков предъявлял новые запросы к общеевропейской памяти и общим историческим нарративам. При этом обращение к тематике европейской идентичности началось задолго до Маастрихтского договора. Уже в «Декларации о европейской идентичности», принятой в Копенгагене 14 декабря 1973 года, главы государств и правительств стран Европейских сообществ предприняли попытку определить общие основания европейского единства, связав их с политическими ценностями, общим наследием и признанием культурного многообразия Европы³. Маастрихтский договор 1992 г. не открыл эту проблематику, а придал ей новую институциональную и политико-правовую форму, закрепив Европейский союз как политическое сообщество и учредив гражданство ЕС⁴. Тем самым символическое измерение интеграции, ранее артикулированное преимущественно на уровне деклараций и политического языка, получило более чёткое договорное оформление.

Именно в этих рамках память о трагическом опыте XX века всё более отчётливо приобретала статус одного из оснований

европейской публичности. Уже тогда исследователями высказывалась идея «конституционного патриотизма», в рамках которого приверженность общим идеалам, проявляющаяся в контексте конкретных демократических институтов, особенно конституции, может оказаться гораздо более инклюзивным и мощным катализатором для создания общей политической идентичности [Habermas 1996: 499, 506–507, 512–514].

В условиях, когда страны Вишеградской группы стремились продемонстрировать свою культурно-цивилизационную принадлежность к Европе и дистанцироваться от советского наследия, историческая политика стала инструментом включения в этот дискурс. Концепты «возвращения в Европу» и «разрыва с тоталитарным прошлым» требовали от новых демократий переосмысления национальной истории, акцентирования тех её элементов, которые могли бы служить доказательством европейской идентичности. Обращение к памяти о демократиях межвоенного периода, традициях либерального национализма или сопротивления тоталитаризму оказывалось не просто внутренним инструментом легитимации, но и внешнеполитическим сигналом, адресованным Брюсселю и западным партнёрам. Новейшие исследования международных отношений показывают, что политика памяти может выступать не только формой внутренней символической мобилизации, но и инструментом внешнеполитического сдерживания: государства стремятся воспрепятствовать действиям других акторов, если те угрожают коллективным нарративам, лежащим в основании их онтологической безопасности. Для этого используются политическая риторика, декларации, коммеморативные практики и «законы памяти» [Gustafsson, Mälksoo 2024: 1–3].

³ Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. CVCE. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (accessed: 05.011.2025).

⁴ Treaty on European Union. Maastricht, 1992. European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A11997M%2FTXT> (accessed: 05.11.2025).

Одновременно с этим историческая политика становилась связующим звеном между внутренними процессами построения новых обществ и внешними задачами интеграции. Она позволяла не только закрепить новую легитимацию власти внутри страны, но и продемонстрировать способность к разделению общих ценностей, зафиксированных в европейских договорах. В этом смысле именно память о трагических событиях XX века — мировых войнах, тоталитарных режимах, массовых репрессиях — была переосмыслена в качестве общего исторического фундамента европейской государственности. В контексте ЕС это означало необходимость выработки общеевропейского режима памяти, в которую национальные нарративы должны были встроиться, чтобы подчеркнуть принадлежность к европейскому пространству памяти⁵.

После 1989 г. историческая политика стала одним из ключевых инструментов в государствах Центральной Европы. Исследования показывают, что конфликты вокруг памяти — от люстрации до переименований улиц и законодательства о «национальной памяти» — оказались встроены в повседневную демократическую конкуренцию, а не сводились к одноразовым актам переходного правосудия [Mink, Neumayer 2013: 1–3]. В период нахождения у власти прокоммунистических лидеров в странах Центральной Европы этнонациональные исторические нарративы нередко подавлялись, однако после 1989–1991 годов возвращение к собственной национальной истории стало одним из главных средств легитимации вновь обретённого суверенитета. Национальные элиты несколько противоречиво строили новые государственные идентичности, пытаясь опереться на исторические традиции, легитимизируя «вновь обретённую национальную суверенность» и одно-

временно доказывая «принадлежность к Европе», что нашло отражение в конституциях и преамбулах к ним в 1990-х годах [Halász 2024: 131–134].

Отечественный исследователь Валерий Алексеевич Ачкасов отмечает, что в результате начавшихся «войн памяти» в Восточной Европе произошёл радикальный пересмотр исторического прошлого: на первый план вышла политическая конъюнктура и вопросы национального строительства. Соперничество исторических нарративов, вызванное национализацией истории, с одной стороны, служило обоснованию уже достигнутого, а с другой — утверждению желаемого политическими элитами положения, что неизбежно вело к проведению исторической политики [Ачкасов 2013: 111–112]. В молодых демократиях Центральной Европы историческое прошлое стало аргументом для демонстрации преемственности с «той Европой, контуры которой совпадали с границами Евросоюза», а в национальных исторических нарративах, наряду с тезисом об исключительности собственной истории, звучали идеи о «единстве национальной истории с европейской». Реставрация классического национального нарратива одновременно служила и способом публично отмежеваться от коммунистического прошлого как «чуждого, навязанного извне».

Вместе с тем присоединение к обязательствам Европейского союза и Совета Европы с самого начала предполагало признание восточноевропейскими государствами необходимости сохранения памяти о Холокосте и Второй мировой войне как «общеевропейской ответственности». Форумировки рекомендаций Комитета министров Совета Европы «о преподавании истории в Европе XXI века»⁶ или ряд резолюций Парламентской ассамблеи уже

⁵ Leggewie C. Seven Circles of European Memory. Eurozine. 20.12.2010. URL: <https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/> (accessed: 05.11.2025).

⁶ Council of Europe. Committee of Ministers. Recommendation to Member States on History Teaching in Twenty-First-Century Europe (adopted 31 October 2001). Strasbourg: Council of Europe. URL: <https://search.coe.int/cm/?i=09000016805e2c31> (accessed: 05.11.2025).

закладывали нормы «критического отношения к прошлому»⁷.

Однако упорядочение исторических дискурсов шло сложно: изучение центральной европейской истории выявило, что «общей положительной памяти» не существует – страны разделены не только прошлым, но и различной памятью о нём [Бетмакаев 2021]. В этом смысле историческая политика стран Вишеградской группы в 1990-е годы выполняла двойную функцию: она была инструментом внутренней демократической легитимации и одновременно средством «европеизации» идентичности. Память о тоталитарном опыте и национальных формах сопротивления этому опыту использовалась для конструирования образа государств как «жертв» коммунизма и как носителей европейских ценностей свободы и демократии. Подобное использование прошлого позволяло вписать национальные истории в метанарратив европейской государственности, где центральное место занимал опыт преодоления трагического XX века и утверждение новых норм политического сообщества.

Уже к концу 1990-х – началу 2010-х годов складывается признанная исследовательская модель «кружковой» или концентрических сфер европейской памяти, где Холокост выступает «отрицательным основанием» и нормативным центром, а вокруг него выстраиваются другие пласты: ГУЛАГ, депортации и изгнания, колониализм, миграция, европейская интеграция как «успех» [Leggewie 2008: 219–223, 228–231]. Эта модель одновременно аналитическая и нормативная: она задаёт архитектуру согласования конкурирующих нарративов, но фиксирует иерархию «уроков», тем самым формируя рамки «общеευропейского канона» памяти.

С другой стороны, восточноевропейские стратегии утверждения собственной европейской принадлежности настаивали на включении в общеевропейское пространство памяти специфического опыта региона, прежде всего памяти о коммунистических репрессиях и тоталитарном прошлом, что периодически порождало коллизии – от напряжения между памятью о Холокосте как нормативном центре европейской памяти и памятью о преступлениях коммунистических режимов до споров об их соотношении – и требовало от наднациональных институтов выработки более гибких процедурных решений [Mälksoo 2009: 660–667; Kucia 2016: 99–112]. В результате после 1989 г. европейская государственность обрела символическую основу, но сохранила множественность центров исторического повествования, которые интегрировались не в рамках единого нарратива, а посредством правовых норм, мемориальных институтов и практик публичной коммеморации [Littoz-Monnet 2012: 1183]. Работа с прошлым в Центральной Европе перестала быть исключительно сферой культурной коммеморации и приобрела выраженное институциональное и нормативное измерение. Европеизация памяти сделала прошлое не только ресурсом символической самоидентификации, но и инструментом внутренней легитимации, правовой кодификации и внешнеполитического позиционирования.

Терминологические генеалогии и национальные контексты

В этих условиях особое значение приобретает разграничение понятий, с помощью которых описываются политические формы обращения к прошлому. Там, где «память» фиксирует широкий культурно-символический регистр, понятие «историческая

⁷ Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). Resolution 1096 on Measures to Dismantle the Heritage of Former Communist Totalitarian Systems. Strasbourg: Council of Europe, 1996. URL: <https://pace.coe.int/en/files/16507> (accessed: 05.11.2025); Resolution 1481 Need for International Condemnation of Crimes of Totalitarian Communist Regimes. Strasbourg: Council of Europe, 2006. URL: <https://pace.coe.int/en/files/17403> (accessed: 05.11.2025); European Parliament. European Parliament Resolution of 2 April 2009 on European Conscience and Totalitarianism. Official Journal of the European Union. 27.05.2010. P. 25–27. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52009IPI0213> (accessed: 05.11.2025).

политика» задаёт целенаправленность государственных вмешательств в обращение к прошлому.

Различные движения с XIX века и ранее мобилизовали прошлое для легитимации, но истоки современной формулировки понятия «историческая политика» (нем. *Geschichtspolitik*) берут своё начало в 1980-х годах, когда к власти в Германии пришли христианские демократы. Они предприняли попытку пересмотра сложившейся вокруг «негативного мифа» о Холокосте традиции «проработки прошлого», которая к тому моменту складывалась в немецкой мемориальной культуре (нем. *Vergangenheitsbewältigung*) [Troebst 2014]. Общественно-политическая дискуссия привела к возникновению в академической среде так называемого спора историков (нем. *Historikerstreit*), завязавшегося между, с одной стороны, сторонниками пересмотра немецкой национальной идентичности, возникшей за десятилетия после окончания Второй мировой войны, а с другой – теми, для кого её ядром оставался категорический императив признания коллективной вины за Холокост. Несмотря на победу вторых, эта полемика повлияла на восприятие понятия «историческая политика» как ревизионистского [Калинин 2021: 357]. Историки, анализировавшие немецкие прецеденты и дискуссии, включая *Historikerstreit* и последующую рефлексию, развили представление об исторической политике как о сложном явлении, где академическое знание, политическая интенция и общественная практика пересекаются в борьбе за «власть» над интерпретацией прошлого.

Постепенно это понятие перешло в польский научный и политический дискурс и было воспринято как терминологическое, так и содержательно как *polityka historyczna*, а впоследствии вошло и в русский язык в виде уже известного нам понятия «историческая политика». В Польше на протяжении длительного времени исторические дебаты занимали существенное пространство публичных дискуссий, а само понятие историческая политика во многом было призвано критически осмыслить собствен-

ное прошлое и национальные традиции [Wolff-Powęska 2007: 3–44; Traba 2015: 11–14]. Однако ближе к середине 2000-х годов ряд польских историков призвал к активному переосмыслению исторической политики в русле более «патриотичного» взгляда на польскую историю и укрепления государственной репутации на международной арене [Gawin, Kowal 2005: 11–14]. Польский историк Р. Траба охарактеризовал её как «новую историческую политику», главной чертой которой стал отказ от ранее принятого «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии [Траба 2009: 44–47]. С этого момента в польском публичном дискурсе значение *polityka historyczna* сузилось, обозначая резкую интенсификацию использования истории в политических целях, а уже в начале XXI века такая трактовка распространилась и в других посткоммунистических странах Восточной Европы [Миллер 2012: 7–8].

Говоря об исторической политике как специфическом аналитическом обозначении, важно отдельно отметить, что в академической литературе это понятие прочно утвердилось в исследованиях, посвящённых Центральной и Восточной Европе, где после 1989 г. политика в отношении прошлого со временем начала приобретать новую интенсивность и институциональную форму. Сложность вопросу добавляет тот факт, что трансляция понятия в другие языки и научно-политические поля сопровождалась семантической адаптацией. Вследствие этого даже исследователи, исследовательские школы и политические акторы, имея в виду одно и то же эмпирическое явление, нередко используют различными понятиями, причём каждое из этих решений несёт в себе собственную семантическую нагрузку и методологический акцент.

Различия обусловлены по меньшей мере несколькими факторами. *Во-первых*, переводческими практиками и национальной интеллектуальной традицией – перевод иностранных концептов часто сопровождается локальной семантической корректировкой. *Во-вторых*, нормативной окраской

понятия — понятия «память» и «история» могут различно соотносить степень политической инструментализации и научной авторитетности, где, например, «память» может подчёркивать многоголосие и практики воспоминания. В результате семантическая «мозаика» совпадений и различий создаёт ситуацию, в которой одни и те же действия — переименование топонимов, реформы школьных программ, установление памятных дат, создание мемориалов — описываются разными терминами и понятиями, а разные по характеру явления оказываются объединены под одной лексемой в зависимости от исследовательской перспективы и коммуникативной цели.

В центральноевропейских исследованиях нет единого подхода к этой проблеме. Польский социолог Лех Михаил Нияковский выступает за прямое употребление понятия «политики памяти», а не «исторической политики» [Nijakowski 2008: 28–29; 44], при этом многие его коллеги не согласны с ним. Как резюмировала Анна Вольф-Повеска, «историческая политика — это искусство делать выводы из прошлого» [Wolff-Powęska 2007: 38], намекая на значение понятия для критического осмысления польской истории. Некоторые современные польские исследователи, пытаясь балансировать между негативной и позитивной коннотациями понятия, говорят, что историческая политика является своего рода способом «заниматься политикой», в ходе которого истинные или более или менее сфальсифицированные и мифологизированные знания об истории рассматриваются как средство для удержания власти, её завоевания или участия в ней [Ponczek 2013: 7–8]. При этом они упоминают, что все страны реализуют и признают необходимость проведения исторической политики, а Польше просто требуется её более «взвешенная и демократическая» версия, которая бы формировала «патриотизм». С одной стороны, польская литература раз-

водит *polityka historyczna* как государственные координируемые меры «управления прошлым», и *polityka pamięci* как более широкий социокультурный и коммеморативный регистр [Ponczek 2013: 12]. С другой стороны, в польских работах нередко встречается и синонимизация [Wójszick 2016: 439], особенно когда речь идёт о внешнеполитических или имиджевых задачах, что отражает конвергенцию понятий в публицистике и прикладных исследованиях. Практика деятельности польского Института национальной памяти (*Instytut Pamięci Narodowej, IPN*) дополнительно размывает границу между исторической политикой и политической памяти, поскольку этот институт одновременно работает в сфере государственного регулирования интерпретаций прошлого и в сфере публичной коммеморации.

С определёнными оговорками к этому мнению присоединяются некоторые венгерские исследователи. В частности, Грета Сипос положительно оценивает политику памяти (венгер. *emlékezetpolitika*) как способ критического осмысления прошлого, но при этом предостерегает от самооправдания и создания официальных «нарративов памяти» [Sipos 2015: 147–148]. Такое использование понятия *emlékezetpolitika* для критического осмысления прошлого перекликается с изначальным польским вариантом *polityka historyczna*. Венгерское академическое сообщество также разделено в оценке политики памяти или исторической политики. Например, в процессе публичной дискуссии историк Балаш Аблонци указал, что реальная история не имеет ничего общего с политикой памяти, тогда как другой исследователь, Атилла Пок, призвал быть менее радикальными и резюмировал: «Мы должны отказаться от претензии на то, что только мы знаем правильный путь в историю, в прошлое»⁸.

При этом в венгерском академическом и публичном поле пара *emlékezetpolitika* и историческая политика (венгер. *történe-*

⁸ *Fazekas Z. Léteznek olyan politikai hatalom, amely erővel próbálja ráerőltetni a nézeteit a tudományra. Qubit. 19.04.2019. URL: <https://qubit.hu/2019/04/19/letezik-olyan-politikai-hatalom-amely-erovel-probalja-raeroltetni-a-nezeteit-a-tudomanyra> (дата обращения: 05.11.2025).*

lempolitika) функционирует как конкурирующие, но часто взаимозаменяемые ярлыки. В историографических обзорах прямо фиксируется их параллельность (венгер. *emlékezetpolitika vagy történelempolitika*) [Nagy 2020: 181–182], то есть употребление политики памяти (или политики истории) как эквивалентных обозначений. Одновременно в венгерских исследованиях фиксируются переводческие трудности и размытость границ между понятиями [Fischer 2012: 389–390]. Институционально это закрепляется через государственные структуры памяти, например «Комитет национальной памяти», что фактически нормирует *emlékezetpolitika* как правовой и управленческий регистр, охватывающий и то, что в других традициях относили бы к «политике истории»⁹. Таким образом, в венгерском корпусе присутствуют обе линии — терминологическое разведение в аналитике и практическая синонимизация в употреблении.

В словацком контексте устойчиво сосуществуют историческая политика (словак. *politika dejín*) и политика памяти (словак. *politika pamäti/pamätová politika*), причём первое выражение в исследованиях политической истории и транзитологии описывает институционализацию и нормативизацию интерпретации прошлого, тогда как второе употребляется для обозначения коммеморативных режимов, программ и практик публичного воспоминания. Кроме того, в сравнительных и тематических работах оба понятия функционируют рядом и нередко взаимно пересекаются, что видно как в академических публикациях, например о *pamätová politika* применительно к 1968 году¹⁰, так и в работах по *politika dejín* в связи с идеей «примирения с прошлым» (словак. *vyrovnávanie sa s minulosťou*)¹¹. Наконец, правовой и институциональный якорь в виде «Института национальной

памяти» закрепляет политику памяти на уровне государственных практик, что в медийном и прикладном дискурсе ведёт к частичному размыванию границы с «политикой истории».

В чешском академическом сообществе также нет единства мнений не только в отношении взаимосвязи рассматриваемых понятий, но и в вопросе их трактовки. Ряд исследователей интерпретирует историческую политику (чеш. *politika dějin*) как попытку институционализировать и юридически или политически урегулировать отношение всего общества к прошлому, в основном к непосредственно предшествующему, добавляя, что она эквивалентна несколько неопределённому понятию «политики примирения» с коммунистическим прошлым в чешском контексте. При этом они отделяют от этого политику памяти (чеш. *politika paměti*), определяя её как часть более широкой политики идентичности, которая должна обозначать стремление подчеркнуть и продвинуть в политическом процессе или использовать конкретную форму коллективной исторической памяти [Gjuričová, Koreček, Roubal, Suk, Zahradníček 2012: 10–12]. Исследователи также отмечают, что в научном и в ещё большей степени в медийном дискурсе оба понятия нередко «перекрываются» и смешиваются, вследствие чего границы их значений остаются недостаточно чёткими. Чешский историк Михаил Копечек в своей работе на английском языке не проводит чёткого разделения понятий историческая политика (*politics of history*) и политика памяти (*politics of memory*), следуя практической полисемии и переключая понятия в зависимости от обсуждаемого кейса. Показательно в этом смысле, что, анализируя польскую *polityka historyczna*, М. Копечек сопоставляет её с «национальной памятью», включая институты нацио-

⁹ Magyarország. Évi CCXLI. Törvény a Nemzeti Emlékezet Bizottságáról. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1300241.tv> (accessed: 05.11.2025).

¹⁰ Jašek P. Rok 1968 v pamätovej politike na Slovensku // Soudobé dějiny. 2019. Vol. 26. No. 4. P. 541.

¹¹ Kmet' N. Politická história a spoločnosť po roku 1989 // Studia Politica Slovaca. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 6.

нальной памяти, и прямо описывает *national memory* как часть *state-driven politics of history*, а далее, уже в критическом пассаже, говорит о *politics of memory*, которая стремится вытеснить исследовательскую историческую работу единой нормативной интерпретацией [Корецек 2008: 87–89, 91–92]. Тем самым понятия в английском тексте могут работать как частично совпадающие обозначения одного и того же политико-культурного феномена, где конкретный выбор слов определяется контекстом примеров и ожиданиями англоязычной аудитории, для которой граница между двумя выражениями в научном и медийном употреблении давно размыта.

Исходя из этих наблюдений можно обозначить, что проблема носит не языковую, а концептуально-методологическую природу. Синонимическое употребление *politics of history* и *politics of memory* в англоязычной литературе, в том числе у М. Копечека, отражает не столько описание одного и того же явления, сколько переводческо-дисциплинарную конвергенцию разнородных традиций. В немецком и центральноевропейском научном обиходе сложились две разные генеалогии: *Geschichtspolitik* – политика использования истории государством и элитами (учебные программы, музеи, законы, институциональные реформы), и *Erinnerungspolitik* – борьба за формы публичной коммеморации и режимы коллективной памяти. В англоязычном поле *memory studies* эти линии часто размываются, *politics of memory* становится зонтичной категорией для всего спектра «управления прошлым», а *politics of history* употребляется как её частная или стилистическая альтернатива.

Другая сторона проблемы – систематическое смещение уровней анализа при межязыковых переносах. Когда историческая политика (в значении институционально-правового вмешательства государства) и политика памяти (в значении широкой совокупности практик коммеморации и их социокультурной динамики) переводятся на английский без оговорок, исследователь невольно сопоставляет несоизмеримые объекты: например, законы и

ведомства одного контекста с сетями гражданских инициатив и символических практик другого. Это порождает категориальные ошибки в сравнительных исследованиях, где одинаковыми словами описываются разные конфигурации акторов, ресурсов и норм. Польская дискуссия хорошо демонстрирует подобную ситуацию, где пара *polityka historyczna* и *polityka pamięci* в академическом польском чаще разводится, однако в англоязычных обзорах довольно часто конвертируется в *politics of memory/history* без сохранения локальной семантики [Labno 2023: 109–110; Musiał 2023: 75].

В этом смысле «историческая политика» ближе к понятию *policy* в его классическом значении, то есть к совокупности целенаправленных решений и инструментов публичной власти, тогда как политика памяти представляет собой более широкую категорию, охватывающую не только институционализированные стратегии государства, но и неинституциональные, социальные и субнациональные практики обращения к прошлому. Именно поэтому такие явления, как *memory laws*, следует рассматривать прежде всего в рамках исторической политики: в современной научной литературе под ними понимаются законы и иные нормативно-правовые акты, посредством которых государство устанавливает допустимые пределы публичной интерпретации прошлого, его коммеморации и правовой оценки отдельных исторических событий. В этом качестве *memory laws* выступают инструментом институционального закрепления предпочтительных версий прошлого, что особенно характерно для посткоммунистического пространства. Немецкий историк Харальд Шмидт, опираясь на данные количественного анализа употребления соответствующих категорий, пришёл к выводу, что именно понятие историческая политика наиболее прочно утвердилось в немецкоязычном научно-публицистическом дискурсе как ключевое обозначение политического обращения к прошлому [Schmid 2009: 69–70]. Для Центральной Европы, однако, важен не сам факт закрепления данного термина в немецко-

зичном поле, а то, каким образом он был переосмыслен в польском, венгерском, чешском и словацком контекстах, где его значение, функции и соотношение с понятием политика памяти оказались различными.

Анализ дискуссий вокруг понятий историческая политика и политика памяти в различных национальных и дисциплинарных контекстах позволяет предположить, что разграничение между ними носит не только лингвистический, но и концептуально-методологический характер. Отдельные исследователи отмечают, что практически каждая историческая политика — это политика в отношении памяти, однако между ними всегда есть определённая разница [Hahn 2008: 39].

Выбор конкретного понятия должен предопределять исследовательский фокус, где обращение к исторической политике, скорее, акцентирует внимание на институционализированных формах управления прошлым и политико-административных механизмах его репрезентации, тогда как политика памяти открывает пространство для анализа неформальных, культурных, субнациональных и транснациональных практик, а также множественности и конкуренции нарративов. Аргумент «тождественности», утверждающий, что это синонимичные обозначения одной и той же практики, опирается на расширительное понимание политики, когда любая публичная практика обращения с прошлым (памятники, праздники, школьные программы, музеи, публичные речи) — это политика памяти, а историческая политика выступает как терминологическая вариация. Если быть более точным, то различие заключается в том, что политика памяти чаще описывает поле символического и культурного противоборства о значении прошлого (ритуалы, нарративы, конкурирующие версии), тогда как историческая политика акцентирует институциональную, бюрократическую и нормативно-правовую сторону — создание органов, принятие бюджетов и законов, а также внешнеполитические практики, направленные на управление прошлым.

В новейшем обзоре литературы профессор Маастрихтского университета Алин Сирп вновь подчёркивает продуктивность различения между этими понятиями. Как замечает исследователь, если политика памяти связана с практическими и правовыми формами обращения с прошлым, то историческая политика относится к политической коммуникации и символической борьбе за культурную гегемонию [Sierp 2025: 1468]. Отечественный историк Ольга Юрьевна Малинова также считает, что историческая политика является либо отдельным случаем политики памяти, либо оба этих понятия функционируют как гипонимы по отношению к гиперониму «политическое использование прошлого», являясь лишь частными проявлениями общего [Малинова 2019: 289–291].

Исследователь Алексей Ильич Миллер определяет понятие историческая политика как совокупность действий политических акторов, включая государственные институты, политические партии, ведомства культуры, суды и внешнеполитические структуры, направленных на организацию и использование исторического знания для внутривнутриполитических и внешнеполитических целей [Миллер 2012: 19–20]. Польский исследователь Ян Шумский отмечает, что в современном западном дискурсе понятие историческая политика используется для обозначения широкого спектра тем, связанных с историей идей, интеллектуальной жизнью и культурой, а также исторической памятью. Вместе с тем исследователь подчёркивает концептуальную преемственность отечественной трактовки, говоря о её соответствии польскому варианту *polityka historyczna*, указывая на институциональный характер понятия [Szumski 2019: 61–62]. Впрочем, в вопросе размежевания понятий историческая политика и политика памяти, подытоживает историк Александр Георгиевич Цымбал, наблюдается наибольшее расхождение оценок и трактовок. Например, оценки варьируются от их включения в более широкую категорию «символической политики» в понимании О.Ю. Малиновой, то есть публичной деятельности, связанной с

производством и закреплением общественно значимых интерпретаций социальной реальности, до признания исторической политики частным случаем политики памяти [Цымбал 2023: 38–41; Малинова 2019: 289].

Сравнительный анализ национальных понятийных традиций подтверждает, что различие между понятиями историческая политика и политика памяти в Центральной Европе носит не только лексический, но и аналитико-методологический характер. Если первая преимущественно фиксирует институционально-правовые, образовательные и внешнеполитические механизмы управления прошлым, то вторая охватывает более широкий социокультурный, коммеморативный и медийный регистр. Следовательно, их частичное сближение в англоязычном и транснациональном обороте следует рассматривать не как доказательство полной тождественности, а как результат межъязыкового переноса и дисциплинарной конвергенции.

Заключение

Таким образом, обращение к прошлому в Центральной Европе выступает не побочным продуктом политических перемен, а устойчивым механизмом производства легитимности, проходящим долгую траекторию от национализирующих практик «долгого» XIX века через травматический опыт мировых войн к институционализированным режимам памяти конца XX — начала XXI веков. В этой траектории память сперва оформляется как язык массовой мобилизации и гражданской социализации, а затем как нормативно-правовой и моральный ресурс, интегрирующий национальные сообщества и предлагающий им стандарты публичной саморефлексии. После 1989 г. память выступает в качестве инструмента европеизации, согласующего локальные исторические сюжеты с наднациональными ожиданиями и правилами.

Именно в этой логике разделение исторической политики и политики памяти оказывается аналитически продуктивным: если первая фиксирует целенаправленные вмешательства публичной власти в сферу интерпре-

таций, то вторая охватывает более широкий социокультурный регистр мнемонических практик, причём их эмпирические пересечения не отменяют различия исследовательских фокусов. Вместе с тем смешение этих уровней — частая проблема межъязыковых переносов, когда различия, обусловленные национальными контекстами, трансформируются в транснациональном контексте, что приводит к определённой «путанице».

Сравнительная перспектива показывает, что в странах Центральной Европы управление прошлым складывается на пересечении национальных приоритетов и общеевропейских ориентиров, причём европейский уровень не снимает конфликтов интерпретации, а переводит их в процедурную плоскость, где наднациональные нормы и институциональные формы организации памяти задают рамку сопоставимости и взаимного признания, оставляя пространство для локальных и региональных вариаций. Именно поэтому центральноевропейские сюжеты — от оценки коммунистического прошлого до сопоставления травм — становятся предметом многоуровневых «переговоров» между правом, наукой, гражданским обществом и внешнеполитическими целеполаганиями.

Выдвинутая гипотеза о том, что различие между понятиями историческая политика и политика памяти в Центральной Европе после 1989 г. имеет не только терминологическое, но и аналитико-методологическое значение, в целом находит подтверждение. *Во-первых*, реконструкция исторической траектории обращения к прошлому показала, что память в регионе выступает не только культурным, но и институционально-нормативным ресурсом политической легитимации. *Во-вторых*, анализ европеизации памяти после 1989 г. продемонстрировал, что прошлое стало важным инструментом внутренней демократической легитимации и одновременно средством включения центральноевропейских государств в наднациональное европейское пространство норм, ценностей и символических ожиданий. *В-третьих*, сопоставление польской, венгерской, словацкой и чешской понятийных

традиций, а также их англоязычных трансляций, показало, что историческая политика устойчивее связана с институционализированными стратегиями публичной власти

по управлению прошлым, тогда как политика памяти охватывает более широкий культурно-коммеморативный регистр мнемонических практик.

Список литературы

- Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 106–123.
- Бетмакаев А.М. Влияние политики памяти в странах Вишеградской группы на формирование региональной идентичности // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2021. № 37. С. 47–54.
- Калинин И. Историческая политика // Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 335–375.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 289–291.
- Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 7–33.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 43–64.
- Цымбал А.Г. Историческая политика: к проблеме концептуализации понятия // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2023. № 4. С. 38–41.
- Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / ed. by E. R. Goodin, C. Tilly. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 210–224. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0011
- Assmann A. Europe: A Community of Memory? // GHI Bulletin. 2007. No. 40. P. 11–25.
- Berger S. The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe // Writing the Nation: A Global Perspective / ed. by S. Berger. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 30–62.
- Fischer H. Public history, emlékezetkultúra, történelempolitika. Helyük Németország jelenkori történettudományában // Történelmi Szemle. 2012. Vol. 54. No. 3. O. 389–410.
- Gawin D., Kowal P. Polska Polityka Historyczna // Polityka Historyczna: Historycy – Politycy – Prasa Konferencja pod honorowym patronatem Jana Nowaka-Jeziorańskiego, Pałac Raczyńskich w Warszawie / ed. by A. Paneka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. S. 11–14.
- Gustafsson K., Målksoo M. Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion // International Studies Quarterly. 2024. Vol. 68. No. 1. P. 1–12. Article sqae006. DOI: 10.1093/isq/sqae006
- Gjuričová A., Kopeček M., Roubal P., Suk J., Zahradníček T. Rozdělení minulosti: Vytváření politických identit v České republice po roce 1989. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2012. 414 s.
- Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 631 p.
- Hahn H. Pamięć zbiorowa — przedmiot polityki historycznej // Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej / ed. by B. Korzeniewski. Poznań: Instytut Zachodni, 2008. S. 29–42.
- Halász I. The Central European History in Constitutional Preambles: State Narrative and Governance Implications // Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2024. Vol. 32. No. 1. P. 131–148. DOI: 10.1080/25739638.2024.2319995
- Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 263–308.
- Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Michael Joseph, 1994. 614 p.
- Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // Public Culture. 2000. Vol. 12. No. 1. P. 21–38.
- Kopeček M. In Search of “National Memory”: The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989 / ed. by M. Kopeček. Budapest; New York: Central European University Press, 2008. P. 75–92.
- Labno A. The Legal Aspects of the Politics of Memory // Politics of Memory / ed. by J. Lubecka, M. Zakrzewski. Krakow: Ignatianum University Press, 2023. P. 107–126.
- Leggiewie C. A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory // Social Research. 2008. Vol. 75. No. 1. P. 217–234.
- Littaz-Monnet A. The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? // West European Politics. 2012. Vol. 35. No. 5. P. 1182–1202.

- Mälksoo M.* The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 653–680.
- Kucia M.* The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1177/0888325415599195
- Marrus M.R.* *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46: A Documentary History*. Boston; New York: Bedford/St. Martin's, 1997. 288 p.
- Mink G., Neumayer L.* *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. London: Palgrave Macmillan, 2013. 270 p. DOI: 10.1057/9781137302052_1
- Mosse G.L.* *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975. 288 p.
- Musiak F.* *The Politics of Memory and History* // *Politics of Memory* / ed. by J. Lubecka, M. Zakrzewski. Krakow: Ignatianum University Press, 2023. P. 73–88.
- Nagy Á.* Az emlékezet forrásai – emlékezetpolitika vagy történelempolitika // *Korall*. 2020. Vol. 81. P. 181–196.
- Nijakowski L.* *Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny*. Warszawa: Wydawn. Akademickie i Profesjonalne, 2008. 286 s.
- Ponczek E.* Polityka wobec pamięci versus polityka historyczna: aspekty semantyczny, aksjologiczny i merytoryczny w narracji polskiej // *Przegląd Politologiczny*. 2013. Vol. 2. S. 7–22. DOI: 10.14746/pp.2013.18.2.1
- Schmid H.* Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie "Geschichtspolitik" // *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis* / ed. by H. Schmid. Göttingen: V&R Unipress, 2009. S. 53–75.
- Sipos G.* Emlékezetpolitika és felelősség // *Magyar Rendészet*. 2015. Vol. 1. No. 2. O. 137–150.
- Sierp A.* *The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict* // *Government and Opposition*. 2025. Vol. 60. No. 4. P. 1464–1483. DOI: 10.1017/gov.2025.10011
- Szumski J.* The USSR's Politics of History toward the Slavic Countries of the Eastern Bloc: Formal and Institutional Frameworks, 1945–1989 // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2019. Vol. 64. No. 4. P. 61–81. DOI: 10.4467/0023589XKHNT.19.031.11039
- Traba R.* *The Past in the Present. The Construction of Polish History*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 336 p.
- Winter J.* *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Canto Classics. 310 p.
- Wójcik A.* Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej // *Świat Idei i Polityki*. 2016. Vol. 15. S. 438–451.
- Wolff-Powęska A.* *Polskie spory o historię i pamięć: Polityka historyczna* // *Przegląd Zachodni*. 2007. Vol. 63. No. 1. S. 3–44.

HISTORICAL POLITICS AND MEMORY POLITICS IN CENTRAL EUROPE

GENEALOGIES OF CONCEPTS, NATIONAL CONTEXTS, AND THE EUROPEANIZATION OF MEMORY

PAVEL DOTSENKO

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia

Abstract

This article examines the relationship between the concepts of “historical politics” and “politics of memory” in Central Europe after 1989. The author focuses on the political and commemorative forms of engaging with the past that have emerged in the context of post-socialist transformation, democratic

transition, and European integration. Particular attention is given to the analysis of the Europeanization of memory as a process in which national historical narratives are correlated with supranational European norms and symbolic frameworks. Drawing on Polish, Hungarian, Czech, and Slovak conceptual traditions, the author demonstrates that historical politics and the politics of memory in scholarly and public discourse often converge but are not reducible to one another. Historical politics refers primarily to institutionalized strategies of public authorities for managing the past, whereas memory politics encompasses a broader sociocultural and commemorative register of practices. Overall, the distinction between these concepts retains independent analytical and methodological significance for the study of Central European approaches to the past after 1989.

Keywords:

Central Europe, historical politics, politics of memory, European integration

References

- Achkasov V.A. (2013). "Politika pamyati" kak instrument stroitel'stva postsotsialisticheskikh natsii ["The politics of memory" as a tool for building post-socialist nations]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 16. No. 4. P. 106–123.
- Assmann A. (2006). Memory, Individual and Collective. In: E. R. Goodin, C. Tilly (eds) *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press. P. 210–224. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0011
- Assmann A. (2007). Europe: A Community of Memory? *GHI Bulletin*. No. 40. P. 11–25.
- Berger S. (2007). The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: S. Berger (ed.) *Writing the Nation: A Global Perspective*. London: Palgrave Macmillan. P. 30–62.
- Betmakaev A.M. (2021). Vliyaniye politiki pamyati v stranakh Vishegradskoi gruppy na formirovaniye regional'noi identichnosti [The influence of memory politics in the Visegrad Group countries on the formation of regional identity]. *Diary of the Altai School of Political Studies*. No. 37. P. 47–54.
- Fischer H. (2012). Public history, emlékezetkultúra, történelempolitika. Helyük Németország jelenkori történettudományában. *Történelmi Szemle*. Vol. 54. No. 3. o. 389–410.
- Gawin D., Kowal P. (2005). Polska Polityka Historyczna. In: A. Panecka (ed.) *Polityka Historyczna: Historycy – Politycy – Prasa Konferencja pod honorowym patronatem Jana Nowaka-Jeziorańskiego, Pałac Raczyńskich w Warszawie*. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego. s. 11–14.
- Gustafsson K., Mälksoo M. (2024). Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion. *International Studies Quarterly*. Vol. 68. No. 1. P. 1–12. Article sqae006. DOI: 10.1093/isq/sqae006
- Gjurčiová A., Kopeček M., Roubal P., Suk J., Zahradníček T. (2012). *Rozdělení minulosti: Vytváření politických identit v České republice po roce 1989*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR. 414 s.
- Habermas J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press. 631 p.
- Hahn H. (2008). Pamięć zbiorowa — przedmiot polityki historycznej. In: B. Korzeniewski (ed.) *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej*. Poznań: Instytut Zachodni. s. 29–42.
- Halász I. (2024). The Central European History in Constitutional Preambles: State Narrative and Governance Implications. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. Vol. 32. No. 1. P. 131–148. DOI: 10.1080/25739638.2024.2319995
- Hobsbawm E. (1983). Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914. In: E. Hobsbawm, T. Ranger (eds) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 263–308.
- Hobsbawm E. (1994). *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. London: Michael Joseph. 614 p.
- Huysen A. (2000). Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*. Vol. 12. No. 1. P. 21–38.
- Kalinin I. (2021). Istoricheskaya politika [Historical politics]. In: A. Zavatsky, V. Dubina (eds) *Theory and Practice of Public History*. Moscow: New Publishing House. P. 335–375.
- Kopeček M. (2008). In Search of "National Memory": The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe. In: M. Kopeček (ed.) *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. Budapest; New York: Central European University Press. P. 75–92.
- Kopeček M. (2021). From Narrating Dissidence to Post-Dissident Narratives of Democracy: Anti-totalitarianism, Politics of Memory and Culture Wars in East-Central Europe 1970s–2000s. In: P. Barša, Z. Hesová, O. Slačálek (eds) *Central European Culture Wars: Beyond Post-communism and Populism*. Prague: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. P. 28–84.

- Kucia M. (2016). The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*. Vol. 30. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1177/0888325415599195
- Labno A. (2023). The Legal Aspects of the Politics of Memory. In: J. Lubecka, M. Zakrzewski (eds) *Politics of Memory*. Krakow: Ignatianum University Press. P. 107–126.
- Leggewie C. (2008). A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory. *Social Research*. Vol. 75. No. 1. P. 217–234.
- Littoz-Monnet A. (2012). The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? *West European Politics*. Vol. 35. No. 5. P. 1182–1202.
- Malinova O.Yu. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Memory politics as a field of symbolic politics]. *METHOD: Moscow Annual of Social Sciences*. No. 9. P. 289–291.
- Mälksoo M. (2009). The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*. Vol. 15. No. 4. P. 653–680.
- Marrus M.R. (1997). *The Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46: A Documentary History*. Boston; New York: Bedford/St. Martin's. 288 p.
- Miller A. (2012). Istoricheskaya politika v Rossii: novyi povorot? [Historical Politics in Russia: A New Turn?]. In: A. Miller, M. Lipman (eds) *Historical Politics in the 21st Century*. Moscow: New Literary Review. P. 7–33.
- Mink G., Neumayer L. (2013). *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. London: Palgrave Macmillan. 270 p. DOI: 10.1057/9781137302052_1
- Mosse G.L. (1975). *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 288 p.
- Musiał F. (2023). The Politics of Memory and History. In: J. Lubecka, M. Zakrzewski (eds) *Politics of Memory*. Krakow: Ignatianum University Press. P. 73–88.
- Nagy Á. (2020). Az emlékezet forrásai – emlékezetpolitika vagy történelempolitika. *Korall*. Vol. 81. P. 181–196.
- Nijakowski L. (2008). *Polska polityka pamięci*. Esej socjologiczny. Warszawa: Wydawn. Akademickie i Profesjonalne. 286 s.
- Ponczek E. (2013). Polityka wobec pamięci versus polityka historyczna: aspekty semantyczny, aksjologiczny i merytoryczny w narracji polskiej. *Przegląd Politologiczny*. Vol. 2. s. 7–22. DOI: 10.14746/pp.2013.18.2.1
- Schmid H. (2009). Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie "Geschichtspolitik". In: H. Schmid (ed.) *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*. Göttingen: V&R Unipress. S. 53–75.
- Sipos G. (2015). Emlékezetpolitika és felelősség. *Magyar Rendészet*. Vol. 1. No. 2. o. 137–150.
- Sierp A. (2025). The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict. *Government and Opposition*. Vol. 60. No. 4. P. 1464–1483. DOI: 10.1017/gov.2025.10011
- Szumski J. (2019). The USSR's Politics of History toward the Slavic Countries of the Eastern Bloc: Formal and Institutional Frameworks, 1945–1989. *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. Vol. 64. No. 4. P. 61–81. DOI: 10.4467/0023589XKHNT.19.031.11039
- Traba R. (2009). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et Contra*. No. 3–4(46). P. 43–64.
- Traba R. (2015). *The Past in the Present. The Construction of Polish History*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 336 p.
- Troebst S. (2014). Geschichtspolitik. In: *Docupedia-Zeitgeschichte*. Available at: https://docupedia.de/zg/troebst_geschichtspolitik_v1_de_2014 (accessed 05.11.2025) DOI: 10.14765/zfz.dok.2.590.v1
- Tsymbal A.G. (2023). Istoricheskaya politika: k probleme kontseptualizatsii ponyatiya [Historical politics: towards conceptualizing the concept]. *Vysheyshaya Shkola: Scientific, Methodological, and Publicistic Journal*. No. 4. P. 38–41.
- Winter J. (2014). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press. Canto Classics. 310 p.
- Wójcik A. (2016). Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej. *Świat Idei i Polityki*. Vol. 15. s. 438–451.
- Wolff-Powęska A. (2007). Polskie spory o historię i pamięć: Polityka historyczna. *Przegląd Zachodni*. Vol. 63. No. 1. s. 3–44.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИГНАЛОВ ЕС О ГРЯДУЩИХ И ВВЕДЕННЫХ САНКЦИЯХ НА ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ РОССИИ

ВЛАДИСЛАВ РЫЧКОВ^{1,2}

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Резюме

В исследовании на основе анализа санкционной политики ЕС в отношении России выдвигается концепция информационного санкционного воздействия как автономного «финансового оружия». Автор показывает, что механизмы опережающей переоценки рисков участниками рынка способны генерировать реальный стоимостный ущерб, сопоставимый с эффектом от материальной имплементации ограничений или превышающий его. В работе обосновывается статус информационных сигналов как самостоятельного инструмента принуждения, провоцирующего волатильность рыночных котировок (валютных курсов, фондовых индексов и доходностей облигаций) независимо от последующей физической реализации угроз. На конкретных примерах продемонстрировано, что краткосрочный эффект от официально не введённых мер может достигать триллионных значений, выполняя функцию триггера, запускающего системный стресс финансовой системы. Исследование фиксирует качественную трансформацию реакции рынков в условиях «санкционного цунами» после 2022 года: выявлено снижение амплитуды отклика на фактические пакеты мер ЕС, что говорит, с одной стороны, о том, что система адаптировалась к непосредственно механизмам ограничений, однако, с другой стороны, сохранила высокую чувствительность к информационному фону. Полученные результаты расширяют теоретическое понимание санкций как многоканального инструмента и подтверждают универсальность модели трансмиссии санкционного влияния через каналы финансовых рынков.

Ключевые слова:

санкции, Россия, Евросоюз, информационное воздействие санкций, финансовые рынки, реакция рынков, мягкая сила.

Введение

В своей работе Д.В. Дрезнер [Drezner 1999: 2–3] определяет экономические санкции как угрозу или действие со стороны «страны-инициатора» (или коалиции стран),

направленное на нарушение экономического обмена со «страной-мишенью» для того, чтобы вынудить его подчиниться конкретному политическому требованию. Ключевым условием при этом выступает

Автор искренне благодарит рецензентов за полезные обсуждения и помощь в структуризации исследования, редакторов – за терпение и тщательную работу с текстом. Автор также выражает благодарность Софье Меньшиковой – студентке бакалавриата 4-го года обучения ПГНИУ – за помощь в сборе и обработке данных.

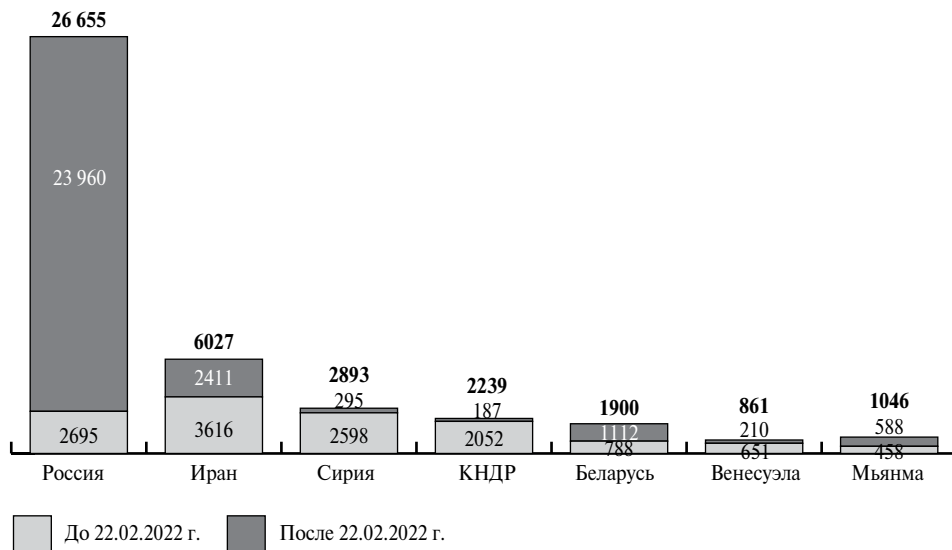
Дата поступления рукописи в редакцию: 28.11.2025

Дата принятия к публикации: 09.04.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: v.rychkov@inno.mgimo.ru

Рисунок 1
Количество санкций, введенных против России до и после начала СВО

Источник: составлено автором по данным Castellum. AI²

наличие у государства-инициатора достаточной мощи и политической воли для поддержания основополагающих норм межгосударственных отношений [Keohane, Nye 2015]. Инструментарий экономических санкций включает не только торговые ограничения и эмбарго, но и замораживание активов, приостановку финансовой помощи, манипулирование тарифными ставками [Drezner 1999; Carro 2022].

Санкции в современном мире стали одним из ключевых инструментов внешней политики¹. Важно отметить, что санкционный инструментарий постоянно эволюционирует, трансформируясь вслед за развитием человеческой цивилизации. На смену широкомасштабным ограничениям, затрагивающим экономику страны в целом, приходят более точечные, «умные» и «таргетированные» санкции, ориентированные

на отдельных лиц и организации, что символично отмечается в работе того же автора спустя 15 лет [Drezner 2015: 755; Giumelli 2016]. Формат такого адресного воздействия санкций затрудняют оценку их эффекта в масштабе страны.

Изменения коснулись не только качественных характеристик санкций, но и их количественных показателей. В качестве иллюстрации на рис. 1 приведены данные о числе ограничительных мер, введенных против России до и после начала СВО. Их количество увеличилось почти в 9 раз (с 2 695 до начала СВО до 23 960 после).

Это значительно усложняет методологию оценки воздействия ограничительных мер, поскольку «размываются границы отдельного случая как единицы анализа» [Тимофеев 2024: 287]. Оценить эффект одной санкции от влияния других сопут-

¹ Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. The Global Sanctions Data Base // School of Economics Working Paper Series. 2020. No. 2020-02. LeBow College of Business, Drexel University.

² Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.08.2023).

ствующих ограничений становится крайне сложно.

Параллельно с этим, усиливающаяся цифровизация современного общества [Brynjolfsson, McAfee 2014], напрямую затрагивает и сферу международных экономических отношений. На фоне того, что за 12 лет (2012–2024 гг.) среднесуточное время пребывания в интернете выросло на 59%³, информационные технологии, социальные сети и медиaprостранство становятся ключевыми инструментами оказания влияния и легитимизации санкционной политики. Это приобретает особую значимость в условиях, когда современный человек, ежедневно потребляя огромные объёмы медиаинформации, во многом основывает на ней свои решения и оценки [Valkenburg, Peter 2013].

Ещё в 1970-х годах президент США Ричард Никсон на заседании Совета национальной безопасности по вопросу бюджетных расходов, заявил, что «один доллар, вложенный в информацию и пропаганду, является более ценным, чем десять долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно»⁴. В эпоху цифровых технологий данный тезис становится ключом к пониманию современных конфликтов.

Отечественные исследователи подтверждают, что глобальное распространение интернета не только открыло новые возможности, но и породило серьезные риски для внутренней стабильности государства [Беленков, Конча, Ахременко 2024]. В этом контексте в рамках данного исследования предлагается рассматривать не отдельные случаи применения санкций, а информационные «пакеты», под которыми понимается совокупность новостей и сигналов о планируемых и вводимых гра-

ничительных мерах. Гипотеза исследования состоит в том, что информационная составляющая санкционной политики может быть более значимой для финансовых рынков, чем её материальные проявления. Научная новизна работы заключается в выделении и обосновании автором особого типа санкционного давления – информационного.

Выбор российских финансовых рынков в качестве объекта исследования неслучаен и обусловлен их системообразующей ролью в функционировании государства. Эта роль ёмко выражена в афоризме, приписываемом Томасу Гоббсу: «Деньги – это кровь государства»⁵. Несмотря на то что точная цитата в его работах не найдена, она является квинтэссенцией взглядов философа на финансы как основу жизнеспособности государства. Именно поэтому санкционное воздействие, направленное на финансовую сферу, обладает потенциалом оказывать непропорционально значительное и быстрое влияние.

В этой связи особый исследовательский интерес представляет не только само введение ограничительных мер, но и информационные сигналы о потенциальных санкциях, которые служат самостоятельным каналом трансляции внешнеполитических рисков. Новости о планируемых санкциях выступают специфическим механизмом давления на финансовые рынки, функционирующим независимо от фактического применения ограничений. Даже при отсутствии или последующем смягчении реальных мер, один лишь информационный фон способен провоцировать заметную негативную реакцию со стороны участников рынка, формируемую через ожидания ухудшения экономической конъюнктуры.

Оригинальный вклад настоящей работы заключается в концептуализации феномена «информационного санкционного

³ Daily time spent with media worldwide 2011-2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/256233/media-use-in-the-us-time-spent-per-day/> (дата обращения: 29.06.2024).

⁴ Информация как инструмент власти. URL: <https://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/265/informacziya-kak-instrument-vlasti-812> (дата обращения: 04.05.2024).

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – Москва : Мысль, 1991. – Глава 24, с. 190–195.

воздействия» как самостоятельного канала давления на российскую финансовую систему. Исследование развивает ранее предложенную методологию количественной оценки влияния новостного фона на финансовые рынки [Рычков 2024], углубляя ее анализом информационной составляющей санкционного воздействия и апробацией методологии на антироссийских санкциях ЕС, что обусловлено нарастающей дивергенцией санкционных практик США и ЕС⁶ и стремлением ЕС «к большей акторности и независимости в своих действиях на международной арене» [Калугина, Сергеев 2025: 1; Сергеев 2024]. Поэтому в отличие от предшествующих исследований консолидированного санкционного воздействия [Рычков 2024], в данной работе акцент сделан на изолированное изучение ограничительных мер ЕС. Историческая интегрированность России и Европы в энергетической, промышленной и финансовой сферах делает методологически оправданным выделение именно европейских санкций из общего пула ограничений для выявления их воздействия на финансовые рынки России.

Основной целью данного исследования является проверка гипотезы о том, что сообщения о планируемых, но ещё не введенных санкциях ЕС в отношении России функционируют как самостоятельный канал давления на российские финансовые рынки. Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи:

1. Провести количественный анализ реакции ключевых финансовых индикаторов (курс национальной валюты, фондовые индексы, доходности государственных облигаций) на информационные сигналы о потенциальных санкциях со стороны ЕС.

2. Сравнить динамику финансовых показателей до и после распространения информации о планах введения ограничи-

тельных мер для оценки масштаба и значимости информационного санкционного воздействия.

3. Определить, сохраняется ли влияние информационного санкционного воздействия в случаях, когда реальные санкции оказываются менее жесткими, чем ожидалось участниками рынка.

4. Выявить структурные изменения в реакции основных российских финансовых рынков на новости о санкциях в динамике на протяжении более чем десятилетнего антироссийского санкционного давления.

Это позволит лучше понять механизмы трансляции внешнеполитических рисков на национальную финансовую систему и оценить эффективность использования информационного пространства в качестве инструмента «мягкой силы» [Паре 1997; Лебедева 2017].

Обзор литературы

Исследование влияния информационных сигналов о планируемых или уже введенных санкциях на экономику до сих пор остаётся слабо изученной темой в научной литературе. В отдельных работах, однако, затрагиваются смежные аспекты. Так, в публикации авторов Е. Морет и др. отмечается: «Санкции были наиболее эффективны в том, чтобы сигнализировать России и всему миру...»⁷. В этой же работе подчёркивается, что «стратегическое использование угрозы санкций также могло бы оказаться полезным». Таким образом, хотя сигнальная функция санкций упоминается, системный анализ именно информационного воздействия подобных сигналов на экономические ожидания и поведение рынков в существующих исследованиях представлен фрагментарно.

Этот тезис находит развитие и в других исследованиях, где подчёркивается, что

⁶ Divergent U.S. and EU sanctions reflect growing Western geopolitical rift. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/us-eu-sanctions/> (дата обращения: 16.07.2025).

⁷ Moret E., Biersteker Th., Giumelli F., Portela C., Veber M., Bastiat-Jarosz D., Bobocea C. The New Deterrent? International sanctions against Russia over the Ukraine crisis: Impacts, costs and further action. Geneva, 2016. P. 11.

цель ограничительных мер не всегда сводится к нанесению непосредственного экономического ущерба. Часть из них выполняет демонстративную или превентивную функцию, выступая инструментом долгосрочной стратегии разрешения международных споров [Morgan, Schwebach 1997; Vapat, Heinrich, Morgan 2013; Morgan, Vapat, Kobayashi 2014; Miadzvetskaya, Challet 2022].

Несмотря на значительный объем исследований, посвящённых экономическим и финансовым последствиям санкций, включая их влияние на торговлю [Caruso 2003; Early 2009; Saaro 2022], приток прямых иностранных инвестиций [Biglaiser, Lektzian 2011; Colin, Kleinberg 2015] и отдельные исследования реакции фондовых рынков [Jensen, Schmith 2005; Ankudinov, Ibragimov, Lebedev 2017; Hoffmann M, Neuenkirch 2017; Das et al. 2023], в существующей научной литературе не уделяется должного внимания информационному каналу влияния санкций. В большинстве эмпирических работ акцент сделан на фактических экономических ограничениях, каналах их передачи, а также на гетерогенности эффектов в зависимости от типа санкций [Hufbauer et al. 2007; Fishman 2017].

Существующие методологические подходы к изучению экономических санкций сосредоточены главным образом на последствиях уже введённых ограничений, оценивая макроэкономические показатели, торговлю и инвестиции постфактум. При этом почти отсутствуют исследования, в которых бы раздельно исследовались эффекты от ожиданий участников рынков, связанных с уведомлениями о планах и публичными заявлениями о намерении ввести санкции, по сравнению с их фактическим применением.

Указанный пробел усугубляется методологической неоднозначностью: в литературе отсутствует консенсус относительно выделения единого механизма влияния санкций на финансовые рынки, причём порой противоречия наблюдаются даже в рамках работ одного исследовательского коллектива. В качестве иллюстрации мож-

но привести исследование группы отечественных авторов, изучавших влияние санкций на российские финансовые рынки. В работе, посвящённой воздействию тональности новостей на кредитный рынок в условиях санкций, отмечается, что «экономические факторы имеют большую значимость, чем эмоциональная окраска новостей...» [Федорова et al. 2021: 100]], а также, «выявленное воздействие сентимент-признаков... оказывалось менее значимым, чем влияние прочих экономических факторов» [Федорова et al. 2021: 113].

Однако в рамках исследования влияния санкций на капитализацию российских компаний, авторами были разработаны индексы освещения санкций на основе текстового анализа материалов СМИ и проведено моделирование влияния тональности новостей на отраслевые индексы ММВБ [Федорова et al. 2023]. Установлено, что санкционные индексы и тональность новостей оказывают негативное воздействие на фондовые индикаторы, причём информационные факторы превосходят по значимости фундаментальные макропоказатели. В следующей работе авторов раскрываются отраслевые аспекты влияния санкций и отмечается, что «на приращение отраслевых индексов влияют не все новости о санкциях, а сообщения на отдельные тематики с учётом отраслевой специфики» [Федорова, Невредин 2024: 1].

Подобные противоречия наглядно иллюстрируют отсутствие целостной, единой и последовательной теоретической модели, объясняющей воздействие санкций на отечественные финансовые рынки.

Уже приведённые ранее исследования, рассматривающие краткосрочные реакции и волатильность [Ankudinov et al. 2017; Hoffmann, Neuenkirch 2017], дополняются работами, в которых изучается влияние санкций на финансовый рынок России в более широком смысле. М.Ю. Евсин в исследовании фокусируется на разборе конкретных кейсов и ретроспективном анализе их последствий. При этом вопросы о том, как в ценовом виде отражают вероятность введения санкций, и проводят ли

участники рынка смысловое различие между декларацией намерений и фактической реализацией ограничений, остаются в значительной степени неразработанными [Евсин et al. 2022].

В ряде современных исследований отмечается, что антироссийские санкции послужили причиной роста волатильности на глобальных рынках [Wu et al. 2023] и негативно повлияли на его эффективность, нарушив нормальное функционирование и снизив предсказуемость цен [Gaio et al. 2022].

В работах некоторых отечественных исследователей нашёл отражение информационный аспект санкционной политики, но лишь как часть механизма «раскрутки» и внедрения санкций – процесса трансформации неподкреплённых законом инициатив в официальные ограничения [Энтин et al. 2024: 8]. Как отмечают авторы, существует три системообразующих элемента механизма «раскрутки» санкционной политики стран G7. Первым из указанных элементов является «информационный шум вокруг санкционных инициатив» [Энтин et al. 2024: 13].

Однако отсутствие внимания к информационному измерению санкций, анализу динамики его влияния на финансовые рынки – от освещённого в новостях намерения до нормативно закреплённого акта – имеет практические и научные последствия.

Во-первых, игнорирование данных сигналов может привести к недооценке краткосрочной ценовой нестабильности, порождённой новостями, и к ошибочной атрибуции рыночных движений исключительно экономическим каналам трансмиссии санкций. *Во-вторых*, принципиальное значение имеет разграничение эффектов от угроз и публичных заявлений, когда санкции выступают инструментом демонстрации решимости и носят преимущественно символический характер [Selden 1999], и эффектов от их фактической имплементации. Такое различие является ключевым для анализа динамики ожиданий инвесторов. *В-третьих*, фокус на

информационном канале позволяет оценить степень, в которой рынки в цене уже учли прошлый опыт, адаптируясь к санкционной риторике. Например, понимание того, что экспортные или финансовые ограничения зачастую нейтрализуются через переориентацию потоков и создание новых каналов сотрудничества [Selden 1999; Early, Jadoon 2016], может быть уже учтено в ценах, снижая реакцию на повторяющиеся сигналы.

Кроме того, как отметил в своем исследовании И.Н. Тимофеев [Тимофеев, Чуприянов, Троцкая 2023; Тимофеев 2024], существует методологическая проблема оценки влияния санкций. Это связано с распространением таргетированных санкций, когда ограничения вводятся не против страны в целом, а против конкретных лиц и организаций. В этой ситуации неясно, что считать отдельным случаем: пакет санкций или ограничения против одного субъекта. Также возникает вопрос об оценке результативности санкций. Если раньше можно было смотреть на изменение политического курса страны-цели, то теперь необходимо оценивать «поведение» отдельных лиц, что значительно сложнее. Также появляются проблемы сопоставимости «веса» субъектов – ущерб от санкций против крупного банка и рядового военнослужащего несоизмерим.

Анализ рассмотренных источников продемонстрировал, что основной методологической проблемой оценки воздействия санкций является размывание границ между отдельными случаями применения санкций; появление новых форм санкционного воздействия; долговременное санкционное противостояние, где вводимые ограничительные меры являются сигнальными и представляют собой средство демонстрации решимости отправителя противостоять целевому государству [Whang, Kim 2015; Grauvogel, Licht, von Soest 2017].

Стремительная эволюция информационно-коммуникационных технологий превратила санкционные сигналы в автономный инструмент внешнеполитического

принуждения. При этом в современной литературе наблюдается дефицит исследований, раскрывающих специфику влияния данного фактора на динамику финансовых рынков.

Несмотря на наличие прочного теоретического базиса для оценки прямых материальных последствий санкций, механизмы конвертации информационного фона в экономический ущерб остаются малоизученными. Незавершенными остаются вопросы определения конкретных драйверов волатильности и формирования методологии изолированной оценки стоимостного ущерба от информационных санкционных шоков.

Методология исследования

Информационное санкционное воздействие и оценка его ущерба

Теоретическую основу исследования составляют труды, относящиеся к макроэкономической теории, в частности, к её направлению, изучающему механизмы формирования ожиданий экономических агентов и их влияние на макроэкономическую динамику, а также работы в области поведенческих финансов, теории международных отношений и исследований санкций.

Теория рациональных ожиданий предполагает, что экономические агенты используют всю доступную информацию для формирования своих ожиданий, что отражено в работах Б. Фридмана [Friedman 1979]. В этом контексте новость о санкциях может вызвать неопределённость на рынке, поскольку она представляет собой новую информацию, которая может повлиять на будущие экономические условия. Это соответствует выводам Б. Фридмана, который исследовал влияние различных факторов на поведение индивидов и групп.

Поведенческие финансы, концептуальные основы которых были заложены в работе Д. Канемана и А. Тверски [Kahneman, Tversky 1979], представляют собой область исследований, которая объединяет психологию и экономику для объяснения реше-

ний, принимаемых участниками рынка. Важно отметить, что теория рациональных ожиданий и поведенческие финансы являются не взаимоисключающими областями исследований и могут быть использованы для объяснения различных аспектов принятия решений в условиях неопределённости, причиной которых могут быть в том числе экономические санкции.

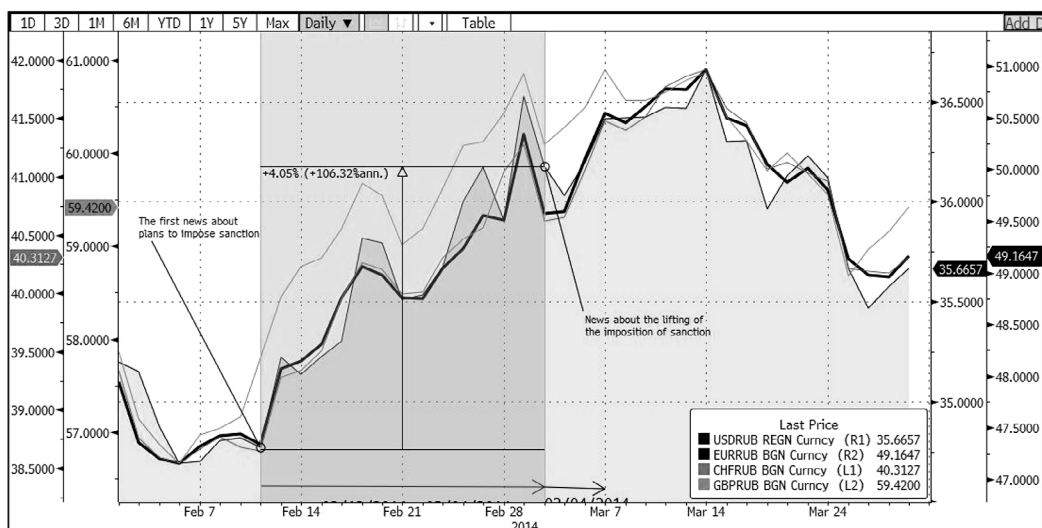
Реакция рынков на санкции может быть также объяснена с позиций концепции «мягкой силы» [Pape 1997; Elliott, Davis, Slatick 1998; Askari et al. 2003; Лебедева 2017] и подхода «боль-выгода» [Nye 1990]. На стадии объявления санкций рынки реагируют на саму угрозу ограничений: возникает «боль» в виде неопределённости и роста рисков, тогда как реальных ограничений ещё нет, и потому компенсирующего эффекта не возникает. Когда санкции вводятся, начинается реальное принуждение. Однако если итоговые меры оказываются мягче, чем ожидалось, возникает эффект «выгоды» – частичное восстановление цен за счёт меньших, чем прогнозировалось, потерь. Таким образом, подход описывает смену «боли» и «выгоды» на разных этапах санкционного процесса.

Применительно к финансовым рынкам мы используем двумя моделями, разработанными нами ранее: двухэтапной моделью влияния новостей о санкциях на финансовые рынки [Рычков 2024] и моделью трансмиссии санкционного влияния через каналы финансовых рынков [Арапова 2025: 84–97]. Данный синтез позволяет рассматривать информационное поле не как пассивное отражение политических решений, а как автономный канал влияния, генерирующий системный стресс посредством манипуляции ожиданиями экономических агентов.

Совокупность указанных теоретических направлений, моделей и методов формирует целостный подход, позволяющий исследовать механизм трансформации информации о санкциях – как о планируемых, так и о введённых – в ценовые колебания финансовых рынков. Использование этой теоретической оптики для решения кон-

Рисунок 2

Влияние новостей о введении санкций со стороны ЕС и Великобритании в отношении России из-за кризиса на Украине на курс евро к рублю (EUR/RUB)

Источник: рассчитано автором по данным ЦБ РФ и Bloomberg

кретной исследовательской задачи определили дизайн исследования:

1. во-первых, необходимо идентифицировать наиболее значимые меры в массиве антироссийских санкций;

2. во-вторых, соотносить каждую из них с датами соответствующих публикаций в СМИ;

3. в-третьих, оценить влияние этих санкций путём сопоставления динамики финансовых активов до и после появления новостей о них

4. и, наконец, проанализировать полученные результаты в их временном развитии.

Внимание на информационном санкционном воздействии в качестве самостоятельного дестабилизирующего фактора позволяет расширить рамки анализа по сравнению с традиционными подходами, сосредоточенными преимущественно на ex post оценке уже введённых и юридически оформленных ограничений.

Иллюстрацией влияния информационного канала как «финансового оружия» служит эпизод февраля–марта 2014 года,

когда активное обсуждение планов введения санкций со стороны ЕС и Великобритании (табл. 1) спровоцировало системный стресс финансовой системы РФ еще до их официальной публикации. Несмотря на то что часть анонсированных мер была впоследствии отложена или заменена на менее жесткие, механизмы рациональных ожиданий запустили процесс масштабной релокации капитала. В результате краткосрочный эффект от не введенных на практике санкций материализовался в снижении капитализации рынков и девальвации национальной валюты, достигнув в стоимостном выражении 2,5 трлн руб. (табл. 2).

ЕС и Великобритания объявили о планах введения санкций в отношении России из-за «кризиса на Украине». В табл. 1 приводится выборка, отражающая новости о планах введения санкции и новости об отмене введения санкции. Для каждой новости указан её источник и дата.

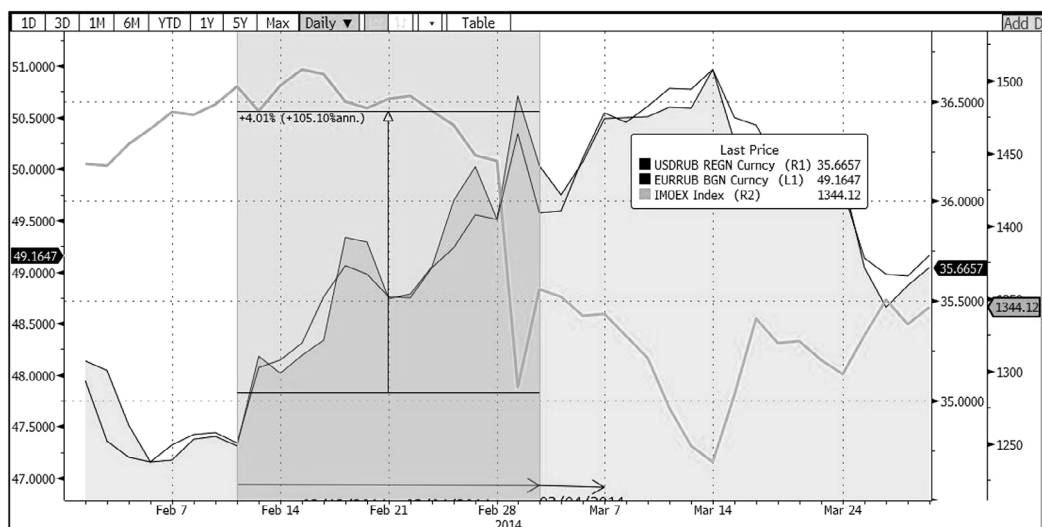
На основе данных табл. 1 на графике курса евро к рублю (рис. 2) был выделен временной интервал, соответствующий периоду активного обсуждения планов

Таблица 1
Новости о планах введения санкций и об отмене их введения

Планы введения		Отмена введения	
Дата	Новость / Источник	Дата	Новость / Источник
12.02.2014	ЕС приближается к введению санкций против Украины / BGV (Bloomberg Government)	04.03.2014	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / BN (Bloomberg News)
16.02.2014	Туск говорит, что порекомендует ЕС ввести санкции на Украину / AFP (Agence France Presse)	04.03.2014	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / AFP (Agence France Presse)
20.02.2014	Туск говорит, что порекомендует ЕС ввести санкции на Украину / ITA (ITAR-TASS)	04.03.2014	Украинский кризис: Великобритания готовится исключить санкции против России на фоне угрозы / ITA (ITAR-TASS)
26.02.2014	ЕС согласен ввести санкции против Украины в связи с эскалацией насилия / BGV (Bloomberg Government)	04.03.2014	Великобритания исключает экономические санкции против России, сообщает BBC / BFW (Bloomberg First World)
02.03.2014	Керри заявил, что США рассматривают возможность введения санкций против России ради Украины / BN (Bloomberg News)	07.03.2014	Лидеры ЕС согласились снизить импортные пошлины для Украины и отложить санкции против России / BFW (Bloomberg First World)
03.03.2014	Мартони видит возможное обсуждение ЕС санкций в отношении России / BN (Bloomberg News)	07.03.2014	ЕС вводит первоначальные санкции в отношении России / BGV (Bloomberg Government)
03.03.2014	ЕС планирует переговоры перед санкциями для смягчения российско-украинского кризиса / ITA (ITAR-TASS)		
03.03.2014	ЕС рассмотрит вопрос о санкциях против России и призывает к «деэскалации» / BFW (Bloomberg First World)		
03.03.2014	Коморовский заявил, что Польша будет настаивать на санкциях ЕС против России / BFW (Bloomberg First World)		
03.03.2014	Мартони видит возможность обсуждения ЕС санкций против России / BGV (Bloomberg Government)		
04.03.2014	ЕС грозит ввести «целевые санкции» против России / BN (Bloomberg News)		
04.03.2014	Санкции ЕС против России: 6 направлений маневра / BGV (Bloomberg Government)		
04.03.2014	Путин вряд ли отпугнет санкции; ЕС зависит от российской нефти / BFW (Bloomberg First World)		
04.03.2014	Гага Великобритании: «Возможности открыты» по санкциям против России / BFW (Bloomberg First World)		
Период	12.02.2014-04.03.2014	Период	04.03.2014-07.03.2014

Источник: составлено автором по данным Bloomberg

Рисунок 3
Влияние новостей о введении санкций со стороны ЕС и Великобритании в отношении России на фондовый индекс МосБиржи (IMOEX)

Источник: рассчитано автором по данным ЦБ РФ и Bloomberg

введения санкций. Его границами стали момент первой публикации о подготовке ограничений и момент появления новости об их отмене.

На рис. 2 видно, что курс евро к рублю демонстрирует тенденцию к росту в течение всего периода появления новостей о планах введения санкций. Для наглядности на том же графике представлена динамика других валютных пар — доллара США, швейцарского франка и британского фунта к рублю, что подтверждает, что ослабление рубля не ограничивается его отношением к евро.

На рис. 2 заливкой выделен интервал с 12 февраля по 3 марта 2014 года.

12 февраля появились первые сообщения о подготовке санкций против России со стороны ЕС и Великобритании. В последующие дни были также опубликованы новости о планах их введения. На протяжении всего этого периода курс евро к рублю демонстрировал уверенный рост.

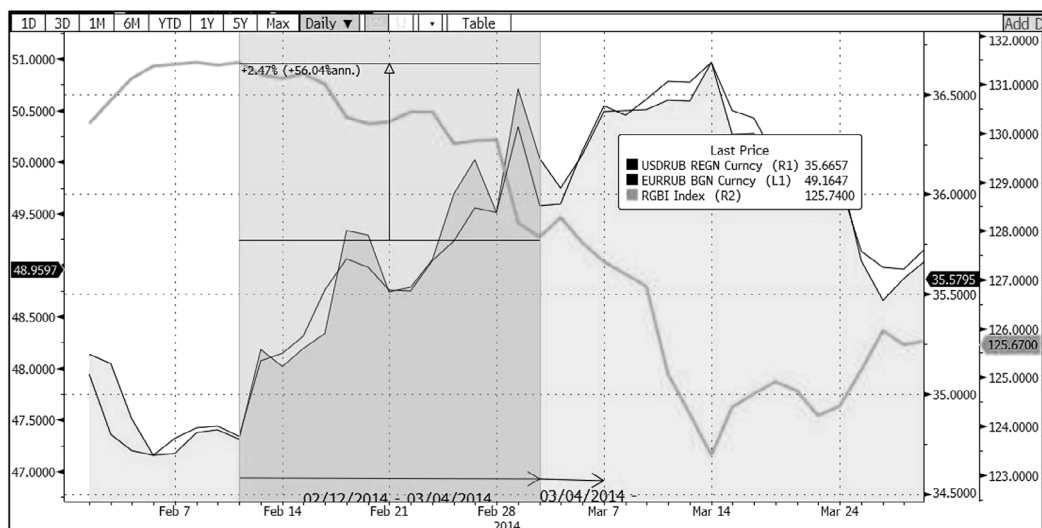
Незначительный рост после новостей об отмене санкции объясняется сообщениями о планах введения «других санкций» в отношении России из-за кризиса на Украине со стороны США и ЕС. Официальные документы о введении этих санкций были опубликованы 16 и 17 марта 2014 г. соответственно. Как видно на графике, курс также отреагировал на эти сигналы ростом, что согласуется с выдвинутой нами гипотезой о влиянии информационного фона.

Далее рассмотрим влияние санкционного информационного давления на фондовый рынок на примере индекса МосБиржи⁸ (IMOEX) — основного российского фондового индекса, представляющего собой взвешенный по рыночной капитализации ценовой показатель, в корзину которого входят наиболее ликвидные акции крупнейших эмитентов.

На рис. 3 видно, что фондовый индекс IMOEX реагирует на экономические новости, причём динамике подвержены и дру-

⁸ Индекс МосБиржи. URL: <https://www.moex.com/ru/index/IMOEX> (дата обращения: 17.02.2026).

Рисунок 4
Влияние новости о введении санкций со стороны ЕС и Великобритании в отношении России
на индекс государственных долговых обязательств (RGBI)

Источник: рассчитано автором по данным ЦБ РФ и Bloomberg

гие финансовые индикаторы, включая валютные курсы.

На фоне появления сообщений о подготовке санкций против России со стороны ЕС и Великобритании, обозначилось падение фондового индекса *IMOEX*. Первые новости об отмене санкций появились 4 марта 2014 года. 3 марта 2014 года наблюдается пик, а затем продолжился спад.

Небольшое падение после отмены санкций объясняется новостями о возможных других санкциях из-за кризиса на Украине. Санкции были объявлены 16 и 17 марта 2014 года, и, как видно на графике, фондовый индекс также снижал свою стоимость, подтверждая выдвинутую гипотезу.

Далее рассмотрим поведение индекса государственных долговых обязательств *RGBI* на том же временном отрезке.

С 12 февраля по 3 марта 2014 г. индекс *RGBI* показывал нисходящий тренд. Это подтверждает влияние новостей о введении санкций на финансовые показатели. 3 марта 2014 года, когда были опубликованы первые новости об отмене санкций, индекс продолжил снижение.

Однако после этого наблюдается дальнейшее падение, связанное с возможностью введения новых санкций в связи с кризисом на Украине. Эти санкции были объявлены 16 и 17 марта 2014 года, и, индекс *RGBI* снова начал расти.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что информационные сигналы о планируемых, но не реализованных санкциях оказывают значимое негативное влияние на ключевые сегменты российского финансового рынка. Динамика курса евро к рублю демонстрирует чёткую реакцию на санкционный новостной фон. В период между первыми сообщениями о планируемых ограничениях и новостями об их отмене наблюдался устойчивый рост курса евро, то есть ослабление рубля. Примечательно, что даже после отмены первоначального пакета последующие анонсы новых потенциальных санкций продолжили оказывать повышательное давление на курс.

Фондовый индекс *IMOEX* также проявил чувствительность, показав тенденцию к снижению на протяжении всего периода

Таблица 2

Оценка ущерба от не введённой санкции на основании изменения бенчмарков основных российских финансовых рынков в результате информационного санкционного воздействия

	Курс EUR/RUB	IMOEX	RGBI Index
Изменение	4,05%	4,01%	2,47%
Объём рынка	784,4 млрд евро	23,2 трлн руб.	4,5 трлн руб.
Оценка ущерба	31,8 млрд евро	0,9 трлн руб.	0,1 трлн руб.

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы, Министерства финансов и ИА *Cbonds*

активного обсуждения санкций. После отмены санкций наблюдается небольшое падение, вызванное новостями о новых санкциях.

Индекс *RGBI* также показывает нисходящий тренд – с момента появления новостей о санкциях до их отмены. Таким образом, на основании этого примера можно сделать вывод, что информация даже о не введённых санкциях оказывает значительное негативное влияние на финансовые рынки.

Зная капитализацию каждого из рынков, проведём расчёт ущерба, полученного национальной финансовой системой в результате данного информационного санкционного воздействия.

Краткосрочный эффект от «несуществующей» санкции оказался вполне материальным и составил 2,5 трлн. руб. в ценах 2014 года (табл. 2). Это стоимость примерно двух современных школ в российском городе миллионнике на тот момент.

Рассмотренный пример подтверждает статус информационного канала как автономного фактора давления: сигналы о планируемых ограничениях (табл. 1) генерируют триллионную негативную динамику (табл. 2) даже без фактического введения санкций. Таким образом, значительная часть совокупного стоимостного ущерба материализуется через информационное освещение санкционного процесса, что доказывает функционирование «информационного санкционного воздействия» как самостоятельного санкционного канала и обуславливает необходимость его анализа.

Выявление значимых информационных пакетов санкций с помощью индекса информационного санкционного воздействия ЕС (SNI_EU)

Для выявления информационных санкционных пакетов, введённых до начала СВО, была применена ранее разработанная нами методика определения значимых санкций [Рычков 2024].

Как справедливо отмечает Н. Маринов, надёжная оценка влияния санкций требует применения статистического подхода, позволяющего сопоставлять результаты в условиях наличия и отсутствия санкционного воздействия при одновременном контроле других релевантных факторов [Маринов 2005].

В качестве инструмента такой оценки в настоящем исследовании выступил разработанный нами индекс *SNI* (Sanctions News Index), детальная методика расчета которого представлена в исследовательской литературе [Рычков 2021; Рычков 2022]. Данный индекс измеряет интенсивность информационного фона на основе количества публикаций в СМИ, посвященных санкционной тематике. Для подтверждения статистически значимой ассоциации между новостями о санкциях и финансовыми рынками использовался метод Грейнджера [Granger 1969]. Данный метод позволяет статистически проверить является ли *SNI* причиной изменения фондовых индексов, валютных курсов, доходности облигаций.

В рамках данной статьи на основе общей методологии *SNI* был разработан специализированный показатель – *SNI_EU*. Если

базовый индекс (*SNI*) агрегирует глобальный новостной фон по всем санкциям, то *SNI_EU* является авторским вкладом данного исследования и представляет собой его модификацию, сфокусированную исключительно на антироссийских санкциях со стороны ЕС.

Первичную эмпирическую базу для построения *SNI_EU* составили 15 464 новостных сообщения, вошедших в исходный индекс *SNI* за период с 2014 по 2025 гг. Для построения *SNI_EU* из этого массива данных были исключены новости, касающиеся санкций стран за пределами ЕС. К ним относятся заголовки публикаций СМИ, в которых содержатся слова *Usa, Us, Biden, House, Dollar, Switzerland, Uk, Canada, Obama, Trump*. В итоге в выборке с учетом исключений осталось 10 082 новостей. Таким образом, *SNI_EU* представляет собой временной ряд, где каждой дате соответствует количество публикаций в зарубежных СМИ, посвящённых антироссийским санкциям ЕС.

Успешная апробация модели, анализирующей влияние новостей о санкциях на динамику *USD/RUB*, сформировала методологическую основу для построения и интерпретации регрессионной модели по *EUR/RUB*. Регрессионная модель имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} EUR/RUB = & 28.034 - 0.266 * BRENT + \\ & + 0.016 * IMOEX + 2.859 * OFZ10Y + \\ & + 0.239 * SNI_EUR \end{aligned}$$

Так как *p*-значение <0.01, мы с уверенностью 99% можем утверждать, что все коэффициенты модели, в том числе индекс санкционного воздействия *SNI_EUR*, являются значимыми. Результаты теста Грейнджера также подтвердили наличие статистически значимой ассоциации между новостным фоном о санкциях ЕС и динамикой российских финансовых рынков.

Индекс *SNI_EU*, как и базовый индекс *SNI*, используется при допущении, что количество новостей о санкциях отражает силу санкционного давления и оказывает краткосрочное влияние на финансовые

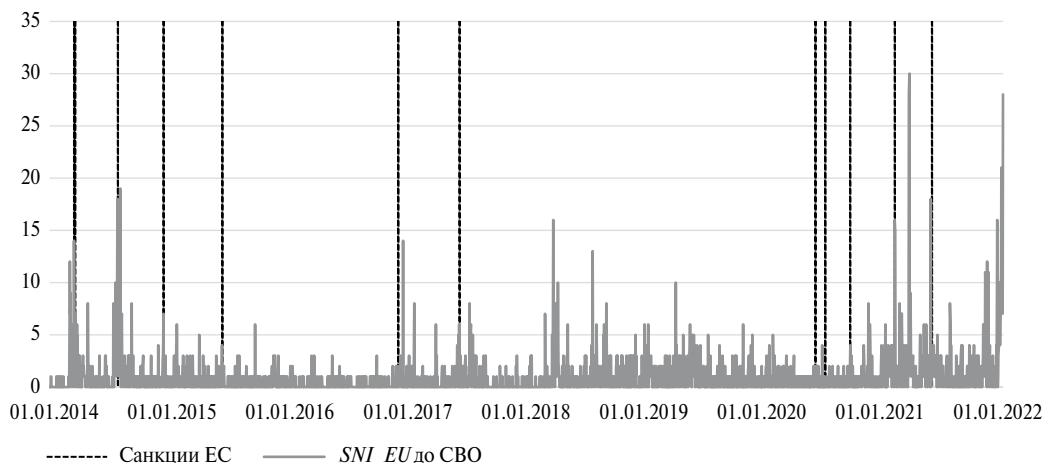
рынки через механизм ожиданий, при этом сами санкционные новости рассматриваются как априори негативные и не требующие анализа тональности.

Главным преимуществом *SNI_EU* является его способность оценивать воздействие санкций еще до их формального введения. Ключевое отличие предлагаемого подхода от предшествующих заключается в смещении фокуса с ретроспективного анализа [Vapat et al. 2013; Morgan, Vapat, Kobayashi 2014] на стадию формирования рыночных ожиданий. В отличие от подходов, основанных на анализе тональности новостного фона [Федорова, Хрустова, Демин 2021], методология не требует семантического анализа, так как сам факт появления новости выступает достаточным предиктором негативной динамики. В отличие от исследований, ограниченных одним национальным источником [Федорова, Неврединов, Черникова 2023], *SNI* базируется на 106 зарубежных изданиях, аккредитованных Bloomberg, что обеспечивает опережающий характер индекса. Интеграция *SNI_EU* в многофакторные регрессионные модели с ежедневной частотой позволяет дать точную стоимостную оценку ущерба, в отличие от подходов, ориентированных на квартальные или годовые макропоказатели [Omelchenko A.N., Khrustalev 2018]. Учитывая отсутствие аналогичных инструментов для оценки влияния санкционных новостей на финансовые рынки стран ЕС, адаптация методологии *SNI* является актуальной.

Динамика индекса *SNI_EU* демонстрирует чёткую синхронизацию с моментами введения санкций, что отражено вертикальными чёрными линиями на рис. 5. Отдельные всплески *SNI_EU*, не сопровождавшиеся санкционными решениями ЕС (апрель 2018 года, август 2018 года, апрель 2019 года), обусловлены повышенной новостной напряжённостью, не связанной непосредственно с санкциями ЕС (рис. 5).

Дальнейшая фактическая выборка санкционных событий была сформирована автором на основе сопоставительного ана-

Рисунок 5

Динамика *SNI_EU* (левая ось) и даты введения санкций со стороны ЕС в отношении России до начала СВО

Источник: рассчитано автором

лиза нескольких специализированных источников, содержащих систематизированную информацию о санкционных мерах:

- морская страховая компания *Skuld*⁹, предоставляющая обновляемые обзоры ограничительных мер в сфере морских перевозок;
- платформа *RU COMPLIANCE*¹⁰, аккумулирующая данные о санкционных режимах и нормативных актах;
- правовой ресурс *VEGAS LEX*¹¹, публикующий аналитические материалы о зарубежных и российских санкциях;
- официальное издание *Official Journal of the European Union*¹², где размещаются юридически значимые акты ЕС, включая решения о санкциях.

На основе этих источников автором было выделено 12 информационных пакетов санкций, относящихся к периоду до начала СВО (табл. 3). В среднем новости о планируемом введении санкции начинали публиковаться за 22 дня.

После начала СВО санкционные меры ЕС стали вводиться в виде чётко структурированных и официально обозначенных пакетов, что существенно упрощает их систематизацию и позволяет формировать однородные информационные блоки санкций за период 2022–2025 гг.. В качестве источника использовался *Official Journal of the European Union*¹³.

Таким образом, дальнейшие расчёты проводились с использованием списка из 30 информационных пакетов санкции ЕС:

⁹ Морская страховая компания Skuld. URL: <https://www.skuld.com/topics/legal/sanctions/russia/inshint-russia-sanctions/#chapter-2> (дата обращения 16.11.2023).

¹⁰ Платформа RU COMPLIANCE. URL: <http://rucompliance.com/sanctions2020> (дата обращения 16.11.2023).

¹¹ Правовой ресурс VEGAS LEX. URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/8e3/tohwza4if9er8wi2z8q0hovj4iwvm5h6/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_May_2023_RUS.pdf (дата обращения 16.11.2023).

¹² Официальное издание Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html> (дата обращения 16.11.2023).

¹³ Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html> (дата обращения: 15.08.2025).

Таблица 3
Примеры антироссийских ограничений со стороны ЕС до начала СВО

№	Санкции	Дата первой новости о планах введения	Дата введения	Период новостей до введения
1	Ограничительные меры против российских физических и юридических лиц в связи с событиями на Украине	03.03.2014	17.03.2014	14
2	Персональные санкции	19.03.2014	21.03.2014	2
3	Секторальные ограничения, запрет на поставки и экспорт вооружений из Российской Федерации	16.07.2014	31.07.2014	15
4	Запрет на туризм в Крыму	22.11.2014	19.12.2014	27
5	Расширение и продление санкций на импорт товаров из Крыма и Севастополя	07.05.2015	19.06.2015	43
6	Продление санкций 2014 года	24.11.2016	15.12.2016	21
7	Продление санкций 2014 года	21.06.2017	23.06.2017	2
8	Продление секторальных экономических санкций против России	05.06.2020	29.06.2020	24
9	Санкции в результате кибератак		30.07.2020	18
10	Ограничительные меры против распространения и применения химического оружия	04.09.2020	15.10.2020	41
11	Ограничительные меры против серьезных нарушений и ущемлений прав человека	09.02.2021	02.03.2021	21
12	Продление санкций	20.05.2021	25.06.2021	36

Источник: составлено автором по данным Bloomberg

Таблица 4
Примеры антироссийских ограничений со стороны ЕС после начала СВО

№	Санкции	Дата первой новости о планах введения	Дата введения	Период новостей до введения
1	– персональные санкции; – запрет на доступ к средствам МВФ; – запрет на выдачу виз; запрет на сертификацию «Северного потока-2»;	27.12.2021	23.02.2022	58
2	– ограничения на экспорт из ЕС; – ограничения на доступ банков к SWIFT; – запрет на инвестиции в РФ и операции с ценными бумагами;	18.01.2022	25.02.2022	38
3	– заморозка активов Центрального банка РФ; – отключение банков от SWIFT;	07.02.2022	28.02.2022	21
4	– персональные санкции;	01.03.2022	15.03.2022	14
5	– ограничение импорта из РФ и экспорта из ЕС; – запрет на использование портов;	28.03.2022	08.04.2022	11
6	– частичное эмбарго на поставки российской нефти;	04.05.2022	03.06.2022	30
7	– ограничения на операции с золотом с РФ;	21.06.2022	21.07.2022	30

8	– введение потолка цен на российскую нефть;	15.06.2022	06.10.2022	113
9	– персональные санкции; – запрет на инвестиции и операции с ценными бумагами;	24.10.2022	16.12.2022	53
10	– персональные санкции; – санкции против банков;	15.02.2023	25.02.2023	10
11	– запрет на въезд российских прицепов в ЕС; – запрет на импорт изделий из черных металлов в ЕС;	10.03.2023	23.06.2023	105
12	– запрет на импорт алмазов из России; – персональные санкции;	11.10.2023	18.12.2023	68
13	– ограничения на торговлю товарами и технологиями с Россией; – персональные санкции;	19.01.2024	23.02.2024	35
14	– запрет на транзит российского сжиженного природного газа через ЕС; – запрет на операции с кредитными и финансовыми учреждениями, участвующими в сделках для российского ВПК; – запрет на экспорт определенных товаров и на импорт гелия в ЕС; – персональные санкции;	09.04.2024	24.06.2024	76
15	– индивидуальные ограничения против 52 танкеров из третьих стран, перевозящих российскую нефть; – персональные санкции;	21.10.2024	16.12.2024	56
16	– запрет на импорт первичного алюминия, хрома и некоторых химикатов; – ограничения против ряда российских банков (отключение от SWIFT); – запрет на любые операции с шестью российскими аэропортами и пятью морскими портами; – санкции на поставки программного обеспечения, оборудования и технологий для нефтегазодобычи; – персональные санкции;	22.12.2024	24.02.2025	64
17	– ограничения против 189 танкеров, перевозящих российскую нефть под флагами различных стран; – персональные санкции;	17.03.2025	20.05.2025	64
18	– снижение потолка цен на российскую нефть; – запрет на использование российской энергетической инфраструктуры, включая газопроводы «Северный поток-1» и «Северный поток-2»; – персональные санкции.	20.05.2025	18.07.2025	59

Источник: составлено автором по данным *Bloomberg*

12 информационных пакетов санкций ЕС до СВО (01.01.2014–23.02.2022) и 18 информационных пакетов санкций ЕС после СВО (24.02.2022–31.07.2025). Сравнение значений индекса *SNI_EU* до и после начала СВО позволяет выявить существенные различия в характере санкционной активности ЕС. Санкционные меры ЕС до и после начала СВО обладают принципиаль-

но различными параметрами, что отражается в динамике информационных сигналов. Эти различия отчётливо фиксируются с помощью индекса *SNI_EU*: после начала СВО объём новостных сообщений, посвящённых антироссийским торговым санкциям, резко возрос, указывая на качественное и количественное усиление санкционного дискурса (табл. 5).

Таблица 5
Сравнение изменения *SNI_EU* до и после начала СВО

Параметры	<i>SNI_EU</i> до СВО	<i>SNI_EU</i> после СВО
Временной диапазон	Январь 2014 – февраль 2022	Февраль 2022 – июль 2025
Среднее значение	1	6
Максимальное значение	107	170
Минимальное значение	0	0

Источник: рассчитано автором

Анализ динамики специализированного субиндекса *SNI_EU* (табл. 5) фиксирует радикальную интенсификацию информационного давления в период после начала специальной военной операции: среднее значение показателя увеличилось шестикратно (с 1 до 6 ед.), в то время как амплитуда его колебаний расширилась более чем в семь раз. Эти различия свидетельствуют о резком усилении интенсивности санкционного новостного потока для привлечения внимания к антироссийским мерам ЕС.

Проведённый анализ информационного воздействия позволяет сделать следующие выводы. После начала СВО было зафиксировано существенное увеличение количества информационных сигналов, связанных с санкциями ЕС. Более того, введённый индекс *SNI_EU* статистически подтвердил наличие устойчивой статистически значимой ассоциации между новостями о санкциях и динамикой ключевых российских финансовых индикаторов – курса *EUR/RUB*, фондового индекса *IMOEX* и индекса *RGBI*. Выявленные закономерности позволяют констатировать, что информационное воздействие функционирует как самостоятельный трансмиссионный механизм, провоцирующий системный стресс финансовой системы еще до юридического закрепления ограничительных мер.

Данный факт позволяет уверенно говорить об эмпирическом подтверждении части нашей гипотезы: выделении особого типа санкционного воздействия, а именно информационного, которое не учитывает-

ся современной методологической базой анализа санкций, выступающего в качестве мощного финансового оружия, способного генерировать значимый стоимостный ущерб за счет манипуляции ожиданиями и превентивной переоценки рисков участниками рынка.

Методика оценки реакции финансовых индикаторов России на информационные сигналы о потенциальных и фактических санкциях ЕС

Для анализа реакции финансовых рынков на информационные сигналы о введении экономических санкций была разработана следующая методология. Укрупненно ее можно разбить на три этапа:

1. Группировка информационных сигналов в пакеты на основе принадлежности новости к конкретному санкционному событию по содержанию и дате публикации;
2. Анализ значимости пакетов через количество публикаций, посвящённых данному пакету на основе индекса *SNI_EU*;
3. Оценка воздействия информационного пакета санкций через сравнение динамики финансовых активов до и после публикации новостей о санкциях.

Данный подход позволил оценить влияние информации о потенциальных ограничениях и их фактическом введении на основные национальные финансовые рынки: валютный рынок – курс *EUR/RUB*; фондовый рынок – индекс Московской биржи (*IMOEX*); рынок государственных облигаций – индекс *RGBI* (доходности ОФЗ).

Расчёт изменений данных показателей осуществлялся по следующему алгоритму:

1. Выделение информационных сигналов о планах введения новых санкций и фактах их реализации в отношении России.

2. Анализ динамики финансовых активов:

2.1. Временное окно *до фактического введения санкции* [дата публикации первой новости о плане введения санкции; дата, предшествующая дате введения санкции -1] фиксирует период формирования рыночных ожиданий на основе информационных утечек. Первые сообщения появляются в среднем за 39 дней до официального объявления (среднее значение по 30 пакетам санкций ЕС за 2014–2025 гг.). Верхняя граница [дата введения санкции -1] обусловлена информированием через СМИ неотвратимости события введения.

2.2. Временное окно *после фактического введения санкции* [дата фактического введения санкции -1; дата через неделю после введения санкции (дата введения +7)] позволяет оценить краткосрочные эффекты адаптации рынков. Данное семидневное окно для анализа воздействия фактически введенных санкций обосновано значениями *p-value* и *F*-статистики теста Грейнджера для всех трех финансовых бенчмарков в этот период: как правило самая сильная связь наблюдается на 1–2 лагах и постепенно затухает к 7 лагу. Это наглядно демонстрирует, что данное окно захватывает активную и статистически значимую реакцию всех трех рынков на вводимые санкции.

3. Оценка воздействия:

3.1. Расчёт критериев сопоставимости эффектов до и после введения санкций на финансовые рынки:

– среднее значение – для оценки направления и силы основного тренда;

– максимальное позитивное изменение – для оценки потенциала роста и уровня оптимизма на рынке;

– максимальное негативное изменение – для оценки глубины просадки и уровня стресса, который выдержал рынок.

3.2. Сравнение показателей реакции рынков до и после начала СВО в 2022 г. для выявления структурных изменений.

Применение данной методики позволяет количественно оценить чувствительность финансовых рынков к информационному фону, связанному с введением экономических ограничений. Такой подход обеспечивает возможность объективного анализа воздействия новостного освещения санкций, как инструмента внешнеполитического воздействия. В этом отношении предложенная работа методологически созвучна аргументации исследователей, подчёркивающих необходимость более широкого внедрения количественных методов в международно-политические исследования и указывающих на важность интеграции измеримых показателей в анализ динамики международных процессов [Истомин et al. 2019].

Представленная методология может быть адаптирована для анализа реакций финансовых систем на экономические ограничения и в более широком спектре научных и практических задач.

Интерпретация результатов

Проведённые расчёты позволили зафиксировать динамику курса *EUR/RUB* и индексов *IMOEX*, *RGBI* в ответ на публикацию новостей об объявлении и непосредственном введении санкционных мер. Для обеспечения сопоставимости эффектов до и после введения санкций в качестве критериев анализировались среднее значение, максимальное позитивное и максимальное негативное изменения.

Анализ основан на расчёте показателей по 12 пакетам антироссийских санкций со стороны ЕС, введенных до начала СВО, и по 18 пакетам, введенных после.

В табл. 6 представлено сравнение изменения курса валютной пары *EUR/RUB* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС в отношении России. В данном анализе под негативным изменением понимается ослабление рубля или стабилизация на предыдущем уровне, под позитивным – обратное движение.

Таблица 6
Сравнение изменения курса *EUR/RUB* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС

Критерии сопоставимости	Изменение курса <i>EUR/RUB</i> до введения санкций, %	Изменение курса <i>EUR/RUB</i> после введения санкции, %
Среднее	2,35%	2,43%
Максимальное негативное	47,27%	36,46%
Максимальное позитивное	-14,61%	-23,96%

Источник: рассчитано автором

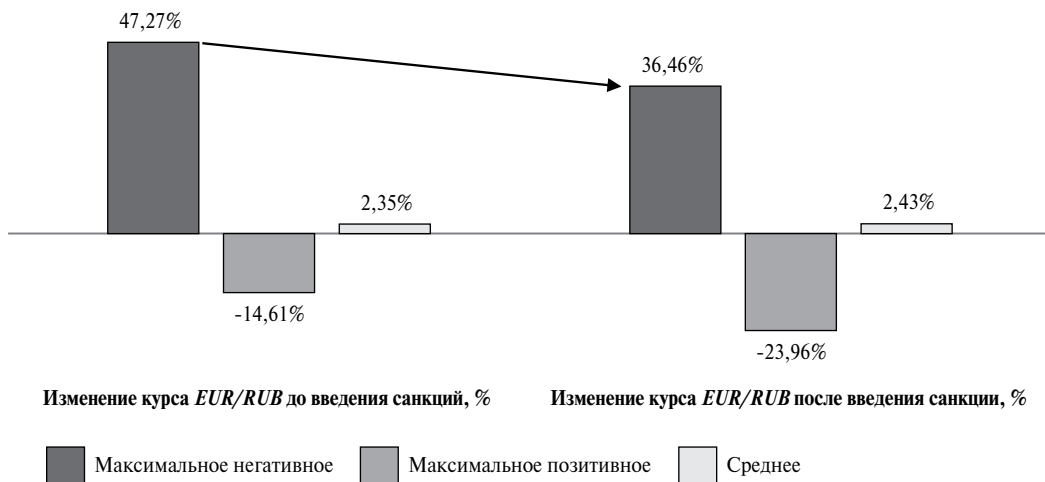
Эмпирические данные, систематизированные в таблице 6, подтверждают, что информационные сигналы о планируемых ограничениях ЕС выступают в качестве автономного триггера валютной волатильности, сопоставимого по интенсивности с их фактической имплементацией. На рис. 6 видно изменений курса *EUR/RUB* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС.

Полученные эмпирические данные позволяют провести содержательную оценку гипотезы о самостоятельной значимости информационного санкционного воздействия на российские финансовые рынки. В частности, анализ динамики курса

валютной пары *EUR/RUB* в ответ на новостные сигналы о планируемых и фактически введённых санкциях ЕС (табл. 6, рис. 6) демонстрирует ряд важных закономерностей.

Во-первых, средние изменения курса *EUR/RUB* после начала публикации новостей о санкциях оказались сопоставимыми: 2,35% в случае планируемых мер и 2,43% при фактическом введении. Это свидетельствует о том, что информационные сигналы о санкциях – даже до их формальной публикации – вызывают реакцию рынка, сопоставимую по масштабу с реализацией самих ограничений. Таким образом, информационный компонент санкци-

Рисунок 6
Сравнение изменения курса *EUR/RUB* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС, среднее изменение в %

Источник: рассчитано автором

Таблица 7

Сравнение изменения индекса ИМОЕХ на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС

Критерии сопоставимости	Изменение индекса ИМОЕХ до введения санкций, %	Изменение индекса ИМОЕХ после введения санкции, %
Среднее	-3,23%	0,19%
Максимальное негативное	-38,17%	-19,91%
Максимальное позитивное	23,70%	20,04%

Источник: рассчитано автором

онной политики функционирует как самостоятельный канал давления, формируя ожидания участников рынка и провоцируя переоценку валютных рисков.

Во-вторых, максимальные негативные изменения курса на фоне новостей о планируемых санкциях (47,27%) превышают аналогичный показатель для факта введения (36,46%). Это подтверждает, что ожидания будущих ограничений могут быть восприняты рынком как более угрожающие, чем уже реализованные меры. Такая реакция соответствует логике поведенческой финансовой теории, согласно которой неопределённость и страх перед будущими событиями могут оказывать более сильное влияние на поведение инвесторов,

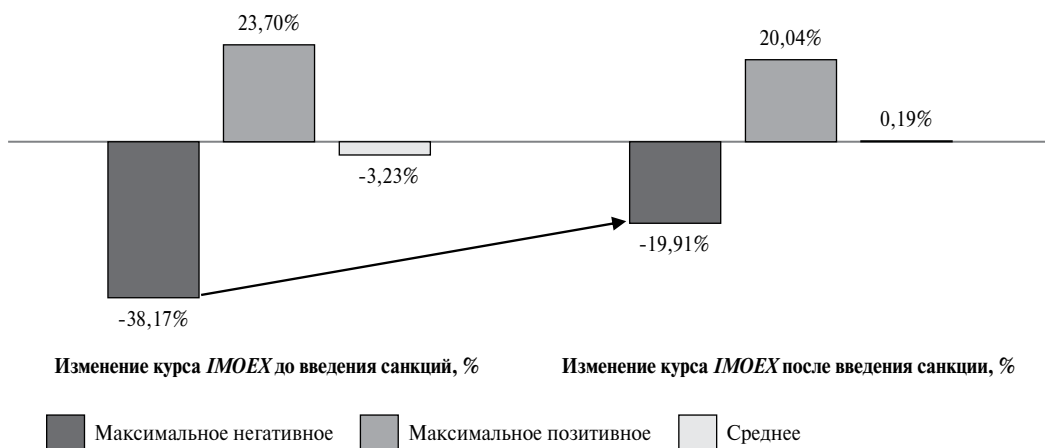
чем факты, уже встроенные в рыночные оценки.

В-третьих, максимальные положительные изменения курса (-14,61% и -23,96%) также демонстрируют асимметрию: при фактическом введении санкций наблюдается более значительное укрепление рубля. Этот эффект может объясняться корректировкой избыточно пессимистичных ожиданий – если реальные меры оказываются менее жёсткими, чем предполагалось, рынок корректирует свои позиции в сторону восстановления. Это подтверждает важность анализа не только факта санкций, но и их восприятия и степени неожиданности.

Таким образом, результаты подтверждают гипотезу о том, что информационные

Рисунок 7

Сравнение изменения индекса ИМОЕХ на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС, среднее изменение в %

Источник: рассчитано автором

Таблица 8

Сравнение изменения индекса *RGBI* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС

Критерии сопоставимости	Изменение индекса <i>RGBI</i> до введения санкций, %	Изменение индекса <i>RGBI</i> после введения санкции, %
Среднее	-2,12%	0,43%
Максимальное негативное	-19,04%	-10,71%
Максимальное позитивное	8,44%	7,95%

Источник: рассчитано автором

сигналы о санкциях обладают самостоятельной рыночной значимостью. Это наблюдение имеет важные теоретические и прикладные последствия: санкционная политика должна рассматриваться не только как совокупность материальных мер, но и как инструмент формирования ожиданий, способный оказывать давление на финансовые рынки через информационные каналы. В результате современная санкционная политика трансформируется в многоканальный инструмент манипуляции ожиданиями, где информационная составляющая играет роль первичного звена трансмиссии внешнеполитического давления на национальные рынки.

Рассмотрим российский рынок акций на примере индекса *IMOEX*. В данном случае рост котировок оценивался как позитивное изменение, падение – как негативное.

Рис. 7 и табл. 7 и демонстрируют, что российский фондовый индекс *IMOEX* в среднем более чувствительно реагировал на новости о планах введения санкций, нежели на факт их реализации. До введения санкций среднее снижение индекса составляло 3,23%, в то время как после фактического введения ограничений отрицательной динамики не наблюдалось: среднее изменение было незначительно положительным и составило +0,19%.

Данный результат свидетельствует о том, что информация об угрозе будущих санкций оказывала более существенное негативное влияние на настроения инвесторов и их ожидания относительно перспектив российских компаний. Когда же санкции фактически вводились, реакция рынка была существенно сглажена. Это

может объясняться эффектом «якорения»: инвесторы уже были готовы к ограничениям и их фактическое введение не оказывало столь шокового воздействия.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении максимальных колебаний индекса *IMOEX*. До введения санкций зафиксировано падение на 38,17%, в то время как после их реализации максимальное снижение составило 19,91%. Максимальный же позитивный рост индекса, напротив, был более выражен на фоне новостей о планах введения ограничений – 23,70% против 20,04% после фактического их введения.

Выявленные закономерности позволяют констатировать, что информационный фактор выступает в качестве самостоятельного «финансового оружия», превосходящего по силе воздействия фактические последствия санкций. Манипуляция ожиданиями через трансляцию планов введения ограничений детерминирует поведение участников фондового рынка, провоцируя отток капитала и снижение капитализации.

Таким образом, использование информационного пространства трансформируется в действенный инструмент внешнеполитического принуждения, способный дестабилизировать финансовую систему независимо от последующей физической реализации угроз. Рассмотрим рынок государственных заимствований. Анализ динамики индекса государственных облигаций России (*RGBI*) в ответ на новостные сигналы о санкциях ЕС (табл. 8, рис. 8) позволяет выявить важные особенности реакции долгового рынка на информационные и фактические санкционные события.

Во-первых, среднее изменение индекса *RGBI* до введения санкций составило -2,12%, тогда как после введения – лишь 0,43%. Это означает, что рынок государственных заимствований демонстрирует более выраженную негативную реакцию на сообщение о планируемых санкциях, и слабоположительную на фактическую реализацию. Такая асимметрия подтверждает гипотезу о самостоятельной значимости информационного компонента санкционной политики: ожидания будущих ограничений вызывают переоценку рисков, рост доходностей и снижение цен облигаций даже до появления реальных мер.

Во-вторых, максимальное негативное изменение индекса *RGBI* до введения санкций достигало -19,04%, что почти в два раза превышает аналогичный показатель после введения (-10,71%). Это свидетельствует о том, что неопределённость, связанная с возможными санкциями, воспринимается рынком как более угрожающий фактор, чем уже реализованные меры. Инвесторы, реагируя на новостной фон, закладывают в цену риск ухудшения макроэкономических условий, роста инфляции и снижения платёжеспособности целевого

государства, что особенно чувствительно для рынка облигаций.

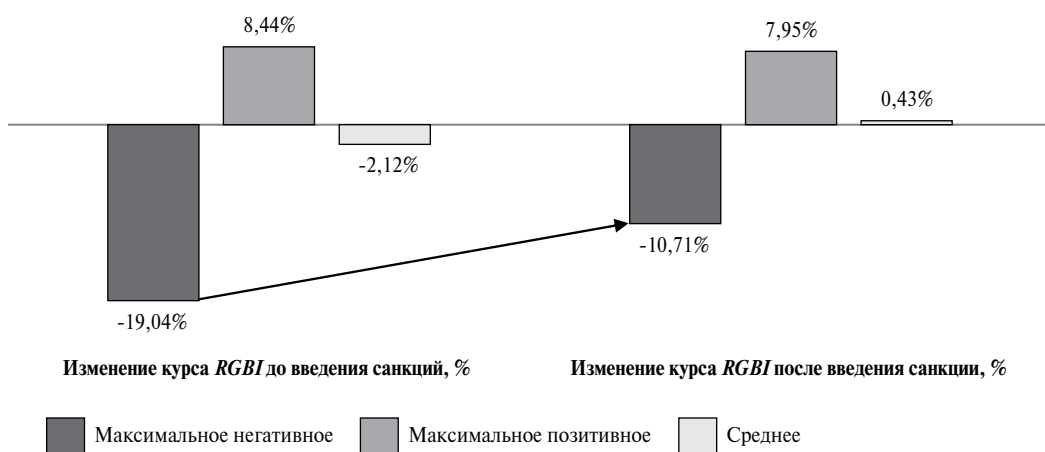
В-третьих, максимальные позитивные изменения индекса *RGBI* оказались сопоставимыми как до, так и после введения санкций (8,44% и 7,95% соответственно). Это может указывать на наличие компенсирующих факторов, таких как интервенции, заявления ЦБ, фактическая поддержка рынка правительством или переоценка жёсткости санкций самими участниками, которые сглаживают негативные ожидания и способствуют восстановлению цен.

В совокупности эти результаты подтверждают, что рынок государственных ценных бумаг России чувствителен к информационным сигналам о санкциях, и что именно ожидания, а не фактическая реализация санкционных мер, формируют первичный импульс трансмиссии внешних шоков на национальную финансовую систему. Это согласуется с поведенческими моделями финансовых рынков, где неопределённость и страх перед будущими событиями играют ключевую роль в ценообразовании.

Таким образом, при оценке санкционного воздействия необходимо учитывать не

Рисунок 8

Сравнение изменения индекса *RGBI* на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС, среднее изменение в %

Источник: рассчитано автором

Таблица 9
Сравнение изменения бенчмарков основных финансовых показателей на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС

Индекс	Среднее изменение до введения санкций, %	Среднее изменение после введения санкции, %
<i>EUR/RUB</i>	2,35%	2,43%
<i>IMOEX</i>	-3,23%	+0,19%
<i>RGBI</i>	-2,12%	+0,43%

Источник: рассчитано автором

только материальные параметры ограничений, но и их информационную динамику, которая способна запускать рыночные механизмы переоценки рисков, особенно в условиях высокой чувствительности.

Сравнительный анализ валютного рынка (*EUR/RUB*), фондового индекса (*IMOEX*) и рынка государственных облигаций (*RGBI*) подтверждает гипотезу о приоритетности информационного канала в детерминации волатильности национальных рынков. Эмпирическая верификация данных (табл. 9) демонстрирует, что средняя амплитуда отклика бенчмарков на сигналы о планируемых ограничениях ЕС статистически сопоставима с реакцией на их фактическую имплементацию или превосходит её.

Выявленная синхронность движений индикаторов свидетельствует об универсальном механизме трансмиссии санкционного давления, при котором негативный новостной фон провоцирует системный стресс и превентивную переоценку как корпоративных, так и суверенных рисков. Данный результат ставит под сомнение концепцию отраслевой специфичности санкционного воздействия [Федорова, Невредин 2024], показывая, что доминирующим фактором рыночной динамики выступает общий информационный канал, а специфичные отраслевые характеристики оказываются вторичными по своему влиянию в краткосрочном периоде.

Для выявления эволюции чувствительности финансовых рынков к информационным и фактическим санкционным событиям в условиях накопления опыта, адап-

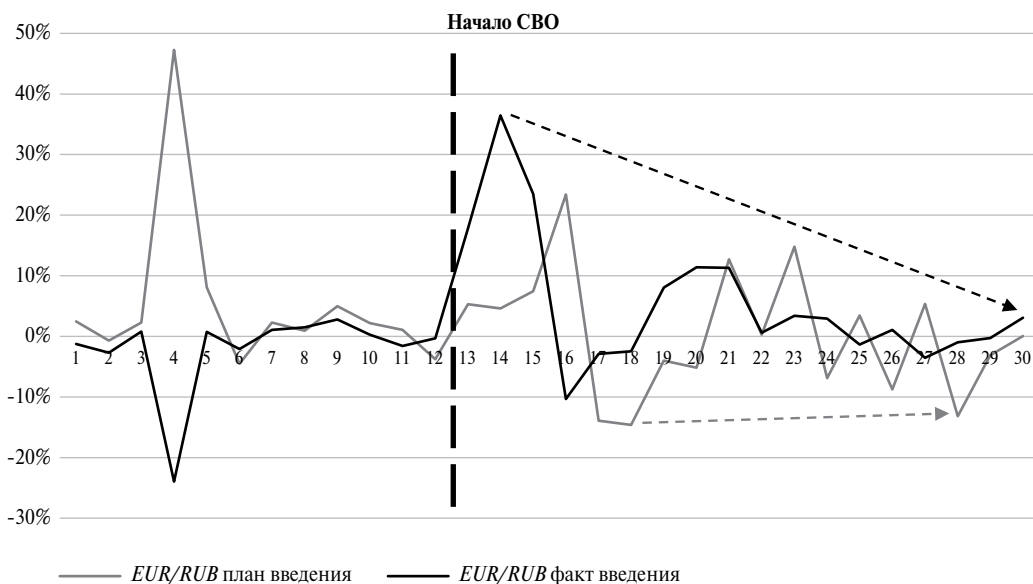
тации экономических агентов и формирования институциональных ответных мер обратимся к рис. 9. Он иллюстрирует такую динамику на примере валютного рынка, демонстрируя изменения курса *EUR/RUB* в 39-дневном окне после публикации новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС.

На ранних этапах (особенно до начала СВО) изменения курса показывают резкие флуктуации: сообщения о планах вызывают всплески до +50%, а факты – падения до -30%. Это отражает высокую степень неопределённости и уязвимости рынка к санкционным новостям, когда каждый пакет воспринимается как шок. Однако по мере развития санкционного режима и накопления пакетов, амплитуда колебаний снижается.

Анализ эволюции чувствительности рынков (рис. 9) фиксирует структурную трансформацию реакции российской финансовой системы: резкие флуктуации сменяются постепенным снижением амплитуды волатильности. Этот переход к фазе относительной устойчивости объясняется накоплением адаптационного потенциала, переориентацией торговых потоков и эффективностью институциональных мер стабилизации.

Особенно это заметно по черной линии на рис.9: реакция на фактическое введение санкций становится всё менее выраженной, с более сглаженными колебаниями и меньшими отклонениями от нулевого уровня. Данные выводы не противоречат исследованиям других учёных, рассматривающих подобные эффекты [Early, Jadoon 2016].

Рисунок 9
Изменения EUR/RUB на фоне новостей о планах и фактическом введении санкций ЕС до и после начала СВО, % по каждому информационному санкционному пакету

Источник: рассчитано автором

Таким образом, рис. 9 демонстрирует переход от фазы острого реагирования к фазе устойчивости. Такое поведение подтверждает гипотезу о «насыщении» санкционного давления [Connolly 2016, Fishman 2017]: государственная поддержка, валютные интервенции и переориентация торговых потоков снижают восприимчивость курса к внешним шокам, особенно в момент фактической реализации санкций. Это наблюдение также согласуется с выводами Б.Р. Ёрли и А. Джадуна [Early, Jadoon 2016], которые указывают на ограниченность стигматизирующего эффекта санкций в условиях наличия альтернативных каналов поддержки и политической устойчивости цели.

Это является частным примером адаптации экономики к экзогенным санкционным шокам и в целом согласуется с нашей более общей моделью трансмиссии [Арапова 2025: 84-97] санкционного влияния через каналы финансовых рынков, отражающей все этапы в динамике:

1. Новости об объявлении санкций;
2. Реакция финансовых рынков;
3. Санкционный шок;
4. Адаптация.

В качестве первого этапа рассматривается анализ информационного пространства, реагирующего практически мгновенно. Отражая высокую актуальность события для широкой аудитории, финансовые рынки демонстрируют быстрый, но нередко избыточный отклик, обусловленный склонностью участников завышать потенциальные риски, а также значительную роль спекулятивных ожиданий. В реальном секторе экономики последствия санкционного давления проявляются с заметной инерцией, что связано со сложностью производственных и логистических цепочек, действием правовых ограничений и социально-экономическими факторами. На завершающем этапе формируется адаптационный контур на всех уровнях: на макроуровне целевое государство компенсирует негативные эффекты санкций

посредством мер поддержки и переориентации экономической политики; на микроуровне компании корректируют бизнес-процессы, перестраивают цепочки поставок, ищут новых партнёров и активнее используют внутренние ресурсы; инвесторы соотносят свои ожидания с реальностью и переоценивают риски. Совокупность этих процессов способствует восстановлению экономической активности и частичной компенсации ущерба, нанесённого санкциями.

Результаты анализа динамики 2-х других финансовых рынков (фондового и государственных заимствований) подтверждают выявленные нами тенденции.

Дискуссия

Гипотеза исследования заключалась в том, что информационные сигналы о планируемых санкциях ЕС в отношении России представляют собой самостоятельный канал давления на финансовые рынки, способный вызывать значимую рыночную реакцию даже при отсутствии или смягчении реальных ограничений. Все три исследуемых сегмента финансовой системы продемонстрировали, что реакция на новости о планах введения санкций была либо сопоставима, либо более выраженной по сравнению с реакцией на фактическое введение санкционных мер. Это особенно ярко проявилось на фондовом рынке и рынке государственных заимствований, где средние и максимальные негативные изменения до введения санкций превышали аналогичные показатели после их реализации.

Таким образом, цель статьи — эмпирически доказать значимость информационного компонента санкционной политики — была достигнута. Полученные результаты показывают, что ожидания участников рынка, формирующиеся под воздействием новостного фона, оказывают определяющее влияние на краткосрочную динамику финансовых индикаторов. Такой эффект согласуется с выводами Н.М. Йенсена и С. Шмита [Jensen, Schmith 2005], У. Бернхарда и Д. Леблана [Bernhard, Leblang 2006],

З. Фрейя, П. Хербста и А. Вальтер [Frey, Herbst, Walter 2014], Э.К. Галариотиса и др. [Galiariotis, Rong, Spyrou 2015], С. Барри и К. Клинберга [Barry, Kleinberg 2015], Д. Лейси [Lacy 2004], согласно которым рынки капитала остро реагируют на изменения информационной среды, рост неопределённости и усиление восприятия рисков, что проявляется как в краткосрочных ценовых колебаниях, так и в формировании более устойчивых структурных сдвигов.

Вторичные результаты исследования указывают на наличие структурных изменений в реакции рынков: по мере накопления санкционных пакетов амплитуда колебаний снижается, что особенно ярко проявляется в случае фактического введения мер. Это отражает эффект «насыщения» санкционного давления и адаптацию целевой экономики [Арапова 2025].

Неожиданным результатом исследования стало то, что максимальные негативные изменения на фоне новостей о планах введения санкций были более значительными, чем при их фактическом введении, что подтверждает поведенческую составляющую в флуктуациях финансовых рынков [Kahneman, Tversky 1979]: неопределённость и страх перед будущими событиями оказывают более сильное влияние на инвестиционные решения, чем уже реализованные риски.

Исследование охватило три финансовых индекса, что позволяет выявить общие системные закономерности и сопоставить реакцию разных рынков. Репрезентативность выводов усиливается за счет использования значительного временного горизонта (более десяти лет), что обеспечивает возможность динамического мониторинга структурных сдвигов и эволюции механизмов адаптации национальной финансовой системы к перманентному санкционному давлению.

К ограничениям исследования относится фокус исключительно на российском рынке без включения сопоставимых данных по другим странам-мишеням санкционной политики, что снижает обобщаемость полученных выводов. Исследование

преимущественно ориентировано на изучение краткосрочных реакций финансовых рынков, тогда как долгосрочные эффекты санкций и их макроэкономические последствия остаются вне рамок проведённого анализа.

Полученные результаты согласуются с выводами Б.Р. Ёрли и А. Джадуна [Early, Jadoon 2016], которые указывали на ограниченность эффекта фактических санкций в условиях наличия компенсирующих механизмов и высокой степени адаптации целевой экономики. Также они подтверждают теоретические положения Э. Фишмана [Fishman 2017] и Р. Коннолли [Connolly 2016] о снижении маржинального воздействия санкций по мере их накопления и роли институциональных изменений в целевой экономике как ответной меры на внешнее давление.

Выявленная асимметрия между реакцией на ожидания и факты соответствует поведенческим моделям финансовых рынков, согласно которым неопределённость и страх перед будущими событиями оказывают более сильное влияние на инвестиционные решения, чем уже реализованные риски. Это сближает исследование с работами Н.М. Йенсена и С. Шмита [Jensen, Schmith 2005] и У. Бернхарда и Д. Леблана [Bernhard, Leblang 2006], изучавшими влияние политических сигналов и неопределённости на финансовые рынки.

Заключение

Оригинальный вклад исследования состоит в теоретической концептуализации и эмпирической верификации «информационного санкционного воздействия» как автономного канала давления на финансовые рынки. Показано, что информационные сигналы о предстоящих санкциях способны через опережающую переоценку рисков порождать рыночные потери, сопоставимые с последствиями фактически введённых ограничений или превышающие их. Тем самым обоснован статус таких сигналов как самостоятельного инструмента принуждения, провоцирующего реальную волатильность валютных курсов,

фондовых индексов и доходностей облигаций независимо от последующей материальной реализации угроз.

Цель статьи – доказать эффект от информационного компонента санкционной политики. Результаты показали, что информационные сигналы о готовящихся санкциях функционируют как самостоятельный механизм воздействия: они формируют ожидания и запускают переоценку рисков даже при отсутствии или смягчении реальных ограничений. Анализ трёх ключевых сегментов, валютного, фондового и долгового, подтвердил, что реакция рынков на новости о будущих санкциях ЕС зачастую оказывается более выраженной, чем на факт их вступления в силу. Кроме того, выявлено снижение амплитуды реакций при сохранении чувствительности к новостному фону, что свидетельствует о постепенной адаптации финансовой системы России к санкционному режиму.

Для научного знания полученные результаты значимы тем, что расширяют понимание санкционной политики как многоканального инструмента, в котором информационный компонент играет роль, сопоставимую с ролью материальных мер. Это открывает перспективы для исследований в области политической экономии, финансовой социологии и международных отношений. Методическим вкладом является разработка субиндекса *SNI_EU*, позволяющего изолировать информационное давление ЕС. Отсутствие аналогичных индексов, ориентированных на европейский санкционный контекст, подчёркивает оригинальность подхода и подтверждает универсальность модели трансмиссии санкционного влияния через финансовые каналы [Арапова 2025: 84–97].

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сравнительный анализ информационного воздействия санкций в разных странах, изучение их долгосрочных макроэкономических последствий и моделирование взаимодействия информационного и материального каналов давления.

Список литературы

- Геополитика санкций / Под ред. Е.Я. Араповой. М.: Аспект Пресс, 2025. Гл. 2–4.
- Беленков В.Е., Конча В., Ахременко А.С.* Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ // Политическая наука. 2024. № 2. С. 171–192. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.08>
- Евсин М.Ю.* Оценка влияния санкций на финансовый рынок России // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 2. С. 14–21.
- Истомин И.А., Байков А.А., Худoley К.К.* Наука без метода? // Международные процессы. 2019. № 2 (57). С. 63–90. DOI: [10.17994/IT.2019.17.2.57.4](https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.4)
- Калугина П.П., Сергеев Е.А.* ЕС в поисках идентичности: теоретико-философские аспекты стратегической автономии // Концепт: философия, религия, культура. 2025. Т. 9. №. 1. С. 28–48. DOI: [10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48)
- Лебедева М.М.* Мягкая сила: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 21–31.
- Рычков В.В.* Анализ влияния новостей о санкциях на финансовые рынки России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 71–115. DOI: [10.52180/2073-6487_2024_2_71_115](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_2_71_115)
- Рычков В.В.* Sanctions news index (SNI) – индекс санкционных новостей // Пермский финансовый журнал. 2021. № 2. С. 4–20.
- Сергеев Е.А.* Трансформация внешнеэкономической политики Европейского союза в контексте открытой стратегической автономии // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. №. 2. С. 6. DOI: [10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91](https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91)
- Тимофеев И.Н.* Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // Политическая наука. 2024. № 2. С. 282–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая. М.: НП РСМД, 2023. 536 с.
- Фёдорова Е.А., Неврединов А.Р.* Влияние санкций на отраслевые индексы // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 6. С. 17–33. DOI: [10.26794/2587-5671-2024-28-6-17-33](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-17-33)
- Фёдорова Е.А., Хрустова Л.Е., Демин И.С.* Влияние тональности новостей на кредитный рынок в период санкций. 2021 DOI: [10.33293/1609-1442-2021-1\(92\)-97-116](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-1(92)-97-116)
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М.* Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 21–36.
- Ankudinov A., Ibragimov R., Lebedev O.* Sanctions and the Russian stock market // Research in International Business and Finance. 2017. Vol. 40. P. 150–162. DOI: [10.1016/j.ribaf.2017.01.005](https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.01.005)
- Askari H.G., Farrer J., Teegen H., Yang J.* Economic sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy. Westport: Praeger, 2003. 240 p.
- Bapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T.C.* Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // International Interactions. 2013. Vol. 39. No. 1. P. 79–98. DOI: [10.1080/03050629.2013.751298](https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298)
- Bernhard W., Leblang D.* Democratic Processes and Financial Markets: Pricing Politics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 260 p.
- Biglaiser G., Lektzian D.* The Effect of Sanctions on United States Foreign Direct Investment // International Organization. 2011. Vol. 65, No. 3. P. 531–551. DOI: [10.1017/S0020818311000117](https://doi.org/10.1017/S0020818311000117)
- Brynjolfsson E., McAfee A.* The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W. W. Norton & Company, 2014. 306 p.
- Carro, J.M.* (2022). Are economic sanctions effective instruments in international relations? A brief analysis. International Security Policy. [Preprint]. Academia.edu. https://www.academia.edu/77206442/Are_economic_sanctions_effective_instruments_in_International_Relations_A_brief_analysis
- Caruso R.* The Impact of International Economic Sanctions on Trade: An Empirical Analysis // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2003. Vol. 9, No. 2. P. 1–34. DOI: [10.2202/1554-8597.1061](https://doi.org/10.2202/1554-8597.1061)
- Barry C., Kleinberg K.B.* Profiting from Sanctions: Economic Coercion and US Foreign Direct Investment in Third-Party States // International Organization. 2015. Vol. 69, No. 4. P. 881–912. DOI: [10.1017/S002081831500017X](https://doi.org/10.1017/S002081831500017X)
- Connolly R.* The Empire Strikes Back: Economic Statecraft and the Securitisation of Political Economy in Russia // Europe Asia Studies. 2016. Vol. 68, No. 4. P. 750–773. DOI: [10.1080/09668136.2016.1156056](https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1156056)

- Das B.C., Hasan F., Sutrardhar S.R., Shafique S.* Ukraine–Russia Conflict and Stock Markets Reactions in Europe // *Global Journal of Flexible Systems Management*. 2023. Vol. 24, No. 3. P. 395–407. DOI: 10.1007/s40171-023-00345-0
- Drezner D.W.* Targeted Sanctions in a World of Global Finance // *International Interactions*. 2015. Vol. 41. P. 755–764. DOI: 10.1080/03050629.2015.1041297
- Drezner D.W.* *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 364 p.
- Early B.R.* Sleeping with Your Friends' Enemies: An Explanation of Sanctions-Busting Trade // *International Studies Quarterly*. 2009. Vol. 53, No. 1. P. 49–71. DOI:10.1111/j.1468-2478.2008.01523.x
- Early B.R., Jadoon A.* Do Sanctions Always Stigmatize? The Effects of Economic Sanctions on Foreign Aid // *International Interactions*. 2016. Vol. 42, No. 2. P. 217–243. DOI:10.1080/03050629.2016.1093477
- Elliott R., Davis K. L., Slatick E.* Process-experiential therapy for posttraumatic stress difficulties // *Handbook of experiential psychotherapy* / Ed. by L. S. Greenberg, J. C. Watson, G. Lietaer. New York: Guilford Press, 1998. P. 249–271.
- Fedorova E., Nevredinov A., Chernikova L.* The Impact of Sanctions on the Capitalization of Russian Companies: The Sectoral Aspect // *Journal of Corporate Finance Research*. 2023. Vol. 17, No. 2. P. 50–67. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.2.2023.50-67
- Fishman E.* Even Smarter Sanctions: How to Fight in the Era of Economic Warfare // *Foreign Affairs*. 2017. Vol. 96, No. 6. P. 102–110.
- Frey S., Herbst P., Walter A.* Measuring mutual fund herding – A structural approach // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2014. Vol. 32. P. 219–239. DOI: 10.1016/j.intfin.2014.05.006
- Friedman B.M.* Optimal Expectations and the Extreme Information Assumptions of “Rational Expectations” Macromodels // *Journal of Monetary Economics*. 1979. Vol. 5. No. 1. P. 23–41. DOI: 10.1016/0304-3932(79)90022-9
- Gaio L.E., Stefanelli N.O., Júnior T.P., Bonacim C.A.G., Gatsios R.C.* The impact of the Russia-Ukraine conflict on market efficiency: Evidence for the developed stock market // *Finance Research Letters*. 2022. Vol. 50. Art. 103302. DOI: 10.1016/j.frl.2022.103302
- Galariotis E.C., Rong W., Spyrou S.I.* Herding on fundamental information: A comparative study // *Journal of Banking & Finance*. 2015. Vol. 50. P. 589–598. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2014.03.014
- Giumelli F.* The purposes of targeted sanctions // *Targeted sanctions: the impacts and effectiveness of United Nations action* / Ed. by T. J. Beirsteker, S. E. Eckert, M. Tourinho. New York: Cambridge University Press, 2016. P. 38–60.
- Granger C.W.J.* (1969). Investigating Causal Relations by Econometric Models and Cross-spectral Methods. *Econometrica*. Vol. 37. No. 3. P. 424–438. DOI: 10.2307/1912791
- Grauvogel J., Licht A.A., van Soest C.* Sanctions and Signals: How International Sanction Threats Trigger Domestic Protest in Targeted Regimes // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 1. P. 86–97. DOI: 10.1093/isq/sqw044
- Hoffmann M., Neuenkirch M.* The Pro-Russian Conflict and Its Impact on Stock Returns in Russia and the Ukraine // *International Economics and Economic Policy*. 2017. Vol. 14, No. 1. P. 61–73. DOI: 10.1007/s10368-015-0321-3
- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B.* *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 248 p.
- Jensen N.M., Schmith S.* Market Responses to Politics: The Rise of Lula and the Decline of the Brazilian Stock Market // *Comparative Political Studies*. 2005. Vol. 38. No. 10. P. 1245–1270. DOI: 10.1177/0010414005279790
- Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 263–291.
- Keohane, R.O., Nye, J.S.* *Power and interdependence: world politics in transition*. Boston: Little and Brown, 2015
- Lacy D.* A Theory of Economic Sanctions and Issue Linkage: The Roles of Preferences, Information, and Threats // *Journal of Politics*. 2004. Vol. 66, No. 1. P. 25–52.
- Marinov N.* (2005). An elusive statistic: Estimating the relationship between sanctions and success [Preprint]. Academia.edu. https://www.academia.edu/2715156/An_elusive_statistic_Estimating_the_relationship_between_sanctions_and_success
- Miadzvetzskaya Y., Challet C.* Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus // *Europe and the World: A law review*. 2022. Vol. 6, No. 1. Art. 3. DOI: 10.14324/111.444.ewlj.2022.03
- Morgan T.C., Bapat N.A., Kobayashi Y.* Threat and imposition of economic sanctions 1945–2005: Updating the TIES dataset // *Conflict Management and Peace Science*. 2014. Vol. 31. No. 5. P. 541–558. DOI: 10.1177/0738894213520379

- Morgan T.C., Schwebach V.L.* Fools Suffer Gladly: The Use of Economic Sanctions in International Crises // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41, No. 1. P. 27–50. DOI: 10.1111/0020-8833.00032
- Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
- Omelchenko A.N., Khrustalev E.Yu.* Model of the sanctions intensity index (using the example of Russia) // *National interests: priorities and security*. 2018. T. 1. No. 1. Pp. 62–77. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.14.1.62
- Pape R.A.* Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. Vol. 22, No. 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368
- Rychkov V.* Estimate of the Impact of Trade Sanctions on the Russian Financial Markets // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications / Ed. by E. Isaeva, A. Rocha*. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 622. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_70
- Rychkov V.* Market Drivers of the Ruble Dollar Market // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications / Ed. by E. Isaeva, A. Rocha*. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 622. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_77
- Selden Z.* Economic Sanctions as Instruments of American Foreign Policy. Westport: Praeger, 1999. 160 p.
- Valkenburg P.M., Peter J.* The differential susceptibility to media effects model // *Journal of Communication*. 2013. Vol. 63, No. 2. P. 221–243. DOI: 10.1111/jcom.12024
- Whang T., Kim H.J.* International Signaling and Economic Sanctions // *International Interactions*. 2015. Vol. 41. P. 427–452. DOI: 10.1080/03050629.2015.1024242
- Wu F.-L., Zhan X.-D., Zhou J.-Q., Wang M.-H.* Stock market volatility and Russia–Ukraine conflict // *Finance Research Letters*. 2023. Vol. 55A. Art. 103919. DOI: 10.1016/j.frl.2023.103919

THE IMPACT OF EU INFORMATION SIGNALS ABOUT UPCOMING AND IMPOSED TRADE SANCTIONS ON RUSSIAN FINANCIAL MARKETS

VLADISLAV RYCHKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Perm State National Research University, Perm, 614068, Russia

Abstract

This study verifies the concept of informational sanctions pressure as an autonomous “financial weapon” through an empirical analysis of the European Union’s sanctions policy toward Russia. The author demonstrates that mechanisms of anticipatory risk repricing by market participants are capable of generating real valuation losses comparable to, or even exceeding, the effects of the material implementation of restrictions. The paper substantiates the status of informational signals as an independent instrument of coercion, capable of provoking volatility in financial markets - including exchange rates, equity indices, and sovereign bond yields – regardless of the subsequent physical enforcement of announced measures. Empirical evidence shows that the short-term impact of officially non-implemented measures may reach trillion-scale valuation effects, functioning as a trigger for systemic financial stress. The study also identifies a qualitative transformation in market reactions under the conditions of the post-2022 “sanctions tsunami”: while the amplitude of responses to formally adopted EU sanctions packages has declined, indicating systemic adaptation, financial markets remain highly sensitive to the informational

environment. The findings expand the theoretical understanding of sanctions as a multi-channel instrument of pressure and confirm the universality of a transmission model operating through financial market channels.

Keywords:

trade sanctions, Russia, European Union, information impact of trade sanctions, financial markets, market reaction, soft power effect

References

- Arapova E.Ya. (Ed.). (2025). *Geopolitika sanktsiy [Geopolitics of sanctions]*. Moscow: Aspekt Press. Ch. 2–4.
- Ankudinov A., Ibragimov R., Lebedev O. (2017). Sanctions and the Russian stock market. *Research in International Business and Finance*. Vol. 40. P. 150–162. DOI: 10.1016/j.ribaf.2017.01.005
- Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. (2003). *Economic Sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy*. Westport: Praeger. 240 p.
- Bapat N. A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T. C. (2013). Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions*. Vol. 39. No. 1. P. 79–98. DOI: 10.1080/03050629.2013.751298
- Barry C., Kleinberg K. B. (2015). Profiting from Sanctions: Economic Coercion and US Foreign Direct Investment in Third-Party States. *International Organization*. Vol. 69. No. 4. P. 881–912. DOI: 10.1017/S002081831500017X
- Belenkov V. E., Koncha V., Akhremenko A. S. (2024). Vliyaniye informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na politicheskuyu stabil'nost' v menyayushchemsya mire: kross-stranovoy kolichestvennyy analiz [The impact of ICT on political stability in a changing world: a cross-country quantitative analysis]. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 171–192. DOI: 10.31249/poln/2024.02.08
- Bernhard W., Leblang D. (2006). *Democratic Processes and Financial Markets: Pricing Politics*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Biglaiser G., Lektzian D. (2011). The Effect of Sanctions on United States Foreign Direct Investment. *International Organization*. Vol. 65. No. 3. P. 531–551. DOI: 10.1017/S0020818311000117
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2014). *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W. W. Norton & Company. 306 p.
- Carro, J. M. (2022). Are economic sanctions effective instruments in international relations? A brief analysis. *International Security Policy*. [Preprint]. Academia.edu. https://www.academia.edu/77206442/Are_economic_sanctions_effective_instruments_in_International_Relations_A_brief_analysis
- Caruso R. (2003). The Impact of International Economic Sanctions on Trade: An Empirical Analysis. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 9. No. 2. P. 1–34. DOI: 10.2202/1554-8597.1061
- Connolly R. (2016). The Empire Strikes Back: Economic Statecraft and the Securitisation of Political Economy in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 4. P. 750–773. DOI: 10.1080/09668136.2016.1156056
- Das B.C., Hasan F., Sutradhar S.R., Shafique S. (2023). Ukraine–Russia Conflict and Stock Markets Reactions in Europe. *Global Journal of Flexible Systems Management*. Vol. 24. No. 3. P. 395–407. DOI: 10.1007/s40171-023-00345-0
- Drezner D.W. (1999). *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 364 p.
- Drezner D. W. (2015). Targeted Sanctions in a World of Global Finance. *International Interactions*. Vol. 41. P. 755–764. DOI: 10.1080/03050629.2015.1041297.
- Early B.R. (2009). Sleeping with Your Friends' Enemies: An Explanation of Sanctions-Busting Trade. *International Studies Quarterly*. Vol. 53. No. 1. P. 49–71. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2008.01523.x.
- Early B.R., Jadoon A. (2016). Do Sanctions Always Stigmatize? The Effects of Economic Sanctions on Foreign Aid. *International Interactions*. Vol. 42. No. 2. P. 217–243. DOI: 10.1080/03050629.2016.1093477
- Elliott R., Davis K.L., Slatick E. (1998). Process-experiential therapy for posttraumatic stress difficulties. In: Greenberg L. S., Watson J. C., Lietaer G. (Eds.). *Handbook of Experiential Psychotherapy*. New York: Guilford Press. P. 249–271.
- Entin M.L., Entina E.G., Davranova S.B., Nadzharov A.M. (2024). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sanktsionnoy politiki Zapada [Theoretical and methodological aspects of studying Western sanctions policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 21–36.

- Evsin M.Yu. (2022). Otsenka vliyaniya sanktsiy na finansovyy rynek Rossii [Assessing the impact of sanctions on Russia's financial market]. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. No. 2 (2). P. 14–21.
- Fedorova E., Nevredinov A., Chernikova L. (2023). The Impact of Sanctions on the Capitalization of Russian Companies: The Sectoral Aspect. *Journal of Corporate Finance Research*. Vol. 17. No. 2. P. 50–67. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.2.2023.50-67
- Fedorova E. A., Khrustova L. E., Demin I. S. (2021). Vliyanie tonal'nosti novostey na kreditnyy rynek v period sanktsiy [The impact of news sentiment on the credit market during sanctions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 1 (92). P. 97–116. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-97-116
- Fedorova E. A., Nevredinov A. R. (2024). Vliyanie sanktsiy na otraslevye indeksy [The impact of sanctions on sectoral indices]. *Finansy: teoriya i praktika*. Vol. 28. No. 6. P. 17–33. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-17-33
- Frey S., Herbst P., Walter A. (2014). Measuring mutual fund herding – A structural approach. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 32. P. 219–239. DOI: 10.1016/j.intfin.2014.05.006
- Friedman B.M. (1979). Optimal Expectations and the Extreme Information Assumptions of "Rational Expectations" Macromodels. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 5. No. 1. P. 23–41. DOI: 10.1016/0304-3932(79)90022-9
- Galariotis E.C., Rong W., Spyrou S.I. (2015). Herding on fundamental information: A comparative study. *Journal of Banking & Finance*. Vol. 50. P. 589–598. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2014.03.014
- Gaio L.E., Stefanelli N.O., Júnior T.P., Bonacim C.A.G., Gatsios R.C. The impact of the Russia-Ukraine conflict on market efficiency: Evidence for the developed stock market // *Finance Research Letters*. 2022. Vol. 50. Art. 103302. DOI: 10.1016/j.frl.2022.103302
- Giumelli F. (2016). The purposes of targeted sanctions. In: Beirsteker T. J., Eckert S. E., Tourinho M. (Eds.). *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. New York: Cambridge University Press. P. 38–60.
- Granger C. W. J. (1969). Investigating Causal Relations by Econometric Models and Cross-spectral Methods. *Econometrica*. Vol. 37. No. 3. P. 424–438. DOI: 10.2307/1912791
- Grauvogel J., Licht A. A., von Soest C. (2017). Sanctions and Signals: How International Sanction Threats Trigger Domestic Protest in Targeted Regimes. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 1. P. 86–97. DOI: 10.1093/isq/sqw044
- Hoffmann M., Neuenkirch M. (2017). The Pro-Russian Conflict and Its Impact on Stock Returns in Russia and the Ukraine. *International Economics and Economic Policy*. Vol. 14. No. 1. P. 61–73. DOI: 10.1007/s10368-015-0321-3
- Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K. A., Oegg B. (2007). *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Istomin I.A., Baikov A.A., Khudoley K.K. (2019). Nauka bez metoda? [Science without method?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2 (57). P. 63–90. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.4
- Jensen N. M., Schmith S. (2005). Market Responses to Politics: The Rise of Lula and the Decline of the Brazilian Stock Market. *Comparative Political Studies*. Vol. 38. No. 10. P. 1245–1270. DOI: 10.1177/0010414005279790.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk. *Econometrica*. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.
- Kalyugina P. P., Sergeev E. A. The EU in Search of Identity: Theoretical and Philosophical Aspects of Strategic Autonomy // *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2025. Vol. 9, no. 1. P. 28–48. DOI: 10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48
- Keohane, R.O., Nye, J.S. (2015). *Power and interdependence: world politics in transition*. Boston: Little and Brown.
- Lacy D. (2004). A Theory of Economic Sanctions and Issue Linkage: The Roles of Preferences, Information, and Threats. *Journal of Politics*. Vol. 66. No. 1. P. 25–52.
- Lebedeva M.M. (2017). Myagkaya sila: ponyatie i podkhody [Soft power: concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 3 (54). P. 21–31.
- Marinov N. (2005). An elusive statistic: Estimating the relationship between sanctions and success [Preprint]. Academia.edu. https://www.academia.edu/2715156/An_elusive_statistic_Estimating_the_relationship_between_sanctions_and_success
- Miadzvetzskaya Y., Challet C. (2022). Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus. *Europe and the World: A Law Review*. Vol. 6. No. 1. Art. 3. DOI: 10.14324/111.444.ewlj.2022.03
- Morgan T.C., Bapat N.A., Kobayashi Y. (2014). Threat and imposition of economic sanctions 1945–2005: Updating the TIES dataset. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 31. No. 5. P. 541–558. DOI: 10.1177/0738894213520379

- Morgan T.C., Schwebach V.L. (1997). Fools Suffer Gladly: The Use of Economic Sanctions in International Crises. *International Studies Quarterly*. Vol. 41. No. 1. P. 27–50. DOI: 10.1111/0020-8833.00032
- Nye J.S. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 307 p.
- Omelchenko A.N., Khrustalev E.Yu. Model of the sanctions intensity index (using the example of Russia) // National interests: priorities and security. 2018. T. 1. No. 1. Pp. 62–77. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.14.1.62
- Pape R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368
- Rychkov V.V. (2021). Sanctions news index (SNI) – indeks sanktsionnykh novostey [Sanctions News Index (SNI)]. *Permskiy finansovyy zhurnal*. No. 2 (25). P. 4–20.
- Rychkov V. (2023). Estimate of the Impact of Trade Sanctions on the Russian Financial Markets. In: Isaeva E., Rocha A. (Eds.). *Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications*. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 622. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-28086-3_70
- Rychkov V.V. (2024). Analiz vliyaniya novostey o sanktsiyakh na finansovye rynki Rossii [Analysis of the impact of sanctions news on Russia's financial markets]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2. P. 71–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_2_71_115
- Selden Z. (1999). *Economic Sanctions as Instruments of American Foreign Policy*. Westport: Praeger. 160 p.
- Sergeev E.A. Transformation of the European Union's Foreign Economic Policy in the Context of Open Strategic Autonomy // Modern World Economy. 2024. Vol. 2, no. 2. P. 76–91. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91
- Timofeev I.N. (2024). Kak issledovat' politiku sanktsiy v proekte "Politicheskiy atlas sovremennogo mira 2.0"? [How to study sanctions policy in the "Political Atlas of the Modern World 2.0" project?]. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 282–299. DOI: 10.31249/poln/2024.02.13
- Timofeev I.N., Chupriyanova P.I., Trotskaya K.V. (Comps.). (2023). *Politika sanktsiy: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya* [Sanctions policy: goals, strategies, instruments: reader]. Moscow: NP RSMD. 536 p.
- Valkenburg P.M., Peter J. (2013). The differential susceptibility to media effects model. *Journal of Communication*. Vol. 63. No. 2. P. 221–243. DOI: 10.1111/jcom.12024
- Whang T., Kim H.J. (2015). International Signaling and Economic Sanctions. *International Interactions*. Vol. 41. P. 427–452. DOI: 10.1080/03050629.2015.1024242
- Wu F.-L., Zhan X.-D., Zhou J.-Q., Wang M.-H. (2023). Stock market volatility and Russia-Ukraine conflict. *Finance Research Letters*. Vol. 55A. Art. 103919. DOI: 10.1016/j.frl.2023.103919

СОТРУДНИЧЕСТВО БРИКС И АСЕАН В СФЕРЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ *ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ*

ПОЛИНА КАЛУГИНА
НИКИТА КУКЛИН
СОФЬЯ ФЕДИЧЕВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу возможностей и вызовов сотрудничества между БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики в контексте формирования новой архитектуры международных энергетических отношений. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, повышением значимости атомной энергии в контексте тренда на декарбонизацию мировой энергетики и интенсивной дискуссии о перспективах достижения углеродной нейтральности экономик. С другой стороны, «атомный ренессанс» XXI века сопровождается усилением доли развивающихся стран в мировом энергопотреблении, а существенную долю в генерации мировой атомной электроэнергии занимают страны БРИКС. Авторы апробируют гипотезу о том, что по мере институционализации сотрудничества БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики его характер трансформируется от разрозненных двусторонних контактов к формированию устойчивых сетевых структур; данная сеть приобретает преимущественно централизованный характер, в рамках которого ключевые экспортёры атомных технологий формируют кластеры сотрудничества с государствами-партнёрами, тогда как горизонтальные связи между последними остаются ограниченными. Научная новизна работы состоит в комплексном анализе политико-экономических и институциональных аспектов взаимодействия двух крупнейших группировок Глобального Юга, рассматриваемом через призму международной политической экономии. В статье анализируются предпосылки развития атомной энергетики в государствах АСЕАН, институциональные механизмы и форматы взаимодействия между БРИКС и АСЕАН. Сетевой анализ позволил выявить низкую плотность сети, в которой центральными акторами выступают Россия, Китай и Индия. Исследование показывает, что сотрудничество БРИКС и АСЕАН в атомной сфере развивается по модели асимметричной институционализации: специализированные механизмы взаимодействия формируются, однако горизонтальные связи между государствами-реципиентами остаются ограниченными.

Ключевые слова:

БРИКС; АСЕАН; атомная энергетика; энергетическая безопасность; Новый банк развития; Платформа по атомной энергии БРИКС; малые модульные реакторы; институционализация; международная политэкономия; сетевой анализ

Статья подготовлена в рамках гранта ИМИ МГИМО №КМУ-15/02.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.10.2025

Дата принятия к публикации: 27.05.2026

Для связи с авторами / *Corresponding author*:

Email: kalugina_P_P@my.mgimo.ru

Введение

Атомная энергетика в XXI веке переживает новый этап развития, известный как «атомный ренессанс» [Ергин 2016: 379–380; Friedmann 2025; Lantis 2014]. После периода снижения интереса к атомной энергетике, вызванного авариями на атомных электростанциях (АЭС) «Чернобыль» и «Фукусима», государства вновь обращаются к мирному атому как к источнику низкоуглеродной электроэнергии, способному обеспечить устойчивое энергоснабжение и поддержать глобальную климатическую повестку. Согласно данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), основной прирост ядерных мощностей в ближайшие десятилетия ожидается в Азии, Африке и на Ближнем Востоке¹, где с каждым годом растёт спрос на электроэнергию, что напрямую затрагивает государства БРИКС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Страны БРИКС играют значительную роль в глобальной индустрии атомной энергетике: на их долю приходится 29% мировой генерации атомной электроэнергии, а на территории стран-участниц объединения расположено 123 действующих энергоблока². Более 70% объектов, находящихся на стадии строительства, расположены в государствах БРИКС³. Данные показатели подтверждают статус объединения как одного из ключевых игроков на международном рынке ядерной энергетики. Сложившаяся ситуация создаёт основу для расширения сотрудничества БРИКС с АСЕАН – интеграционным объединением стран Юго-Восточной Азии, для которых характерны растущие потребности в энергоресурсах при отсутствии собственных атомных мощностей.

В настоящей статье сотрудничество БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энерге-

тики рассматривается с позиций международной политической экономии, прежде всего через призму асимметричной взаимозависимости и выгод в технологически капиталоемких секторах. С точки зрения международной политэкономии, ключевыми драйверами развития атомной энергетики выступают, с одной стороны, стремление государств к обеспечению экономической безопасности и снижению зависимости от импорта углеводородов, а с другой – их способность создавать и поддерживать ядерную инфраструктуру [Brutschin, Jewell 2018]. Атомная энергетика представляет собой область, в которой доступ к технологиям, источникам финансирования и регуляторным компетенциям распределён существенно неравномерно.

В такой сфере именно институциональные механизмы играют решающую роль, позволяя снижать транзакционные издержки и оптимизировать распределение выгод от сотрудничества. С этой точки зрения институционализация взаимодействия между БРИКС и АСЕАН может быть рассмотрена как реакция на существующую технологическую асимметрию и инструмент усиления переговорных позиций государств-членов. Формализация сотрудничества способствует уменьшению неравномерности доступа к передовым ядерным технологиям и создаёт основу для совместной реализации проектов в атомной сфере, а также для подготовки профильных кадров.

В этом контексте гипотеза исследования состоит в том, что институционализация сотрудничества БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики определяется не столько ростом числа соглашений и проектов, сколько более глубоким механизмом технологической, финансовой и регуляторной зависимости государств-реципи-

¹ Energy, Electricity and Nuclear Power Estimates for the Period up to 2050. Reference Data Series. № 1. 2024 Edition. International Atomic Energy Agency. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/RDS-1-44_web.pdf?clckid=2ea40c80 (accessed: 14.08.2025).

² Nuclear Share of Electricity Generation in 2024. Power Reactor International System. International Atomic Energy Agency. URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx?clckid=66998c7e> (accessed: 14.08.2025).

³ Ibid.

ентов от ограниченного круга экспортёров атомных технологий. Поскольку реализация атомных проектов предполагает доступ к капиталоемкой инфраструктуре, инженерным компетенциям, топливному сопровождению, системам обеспечения безопасности и программам подготовки кадров, государства АСЕАН преимущественно выстраивают устойчивые связи с теми акторами БРИКС, которые располагают возможностью предложить комплексный пакет сотрудничества. Следствием этого является то, что институционализация взаимодействия ведёт не к равномерному уплотнению горизонтальных связей между всеми участниками, а к формированию централизованной сетевой структуры, в которой Россия, Китай и Индия выступают ключевыми узловыми акторами.

Наиболее релевантным методом проверки настоящей гипотезы является сетевой анализ. Его применение позволяет рассматривать сотрудничество БРИКС и АСЕАН не как сумму отдельных двусторонних контактов, а как систему устойчивых связей между акторами, где значение имеют не только характеристики государств, но и их позиция в общей структуре взаимодействий [Wasserman, Faust 1994; Hafner-Burton, Kahler, Montgomery 2009]. Такой подход особенно продуктивен применительно к атомной энергетике, поскольку в литературе подчёркиваются высокая капиталоемкость ядерных проектов, технологическая зависимость государств-реципиентов и асимметричное распределение компетенций между поставщиками и странами, только формирующими национальные атомные программы [Jewell 2011; Brutschin, Jewell 2018; Brutschin et al. 2021].

Если сотрудничество БРИКС и АСЕАН действительно переходит от разрозненных двусторонних контактов к более устойчивой архитектуре, это должно проявляться в расширении числа связей, повышении плотности сети и появлении кластеров вокруг ключевых направлений взаимодействия, а именно строительства АЭС, подготовки кадров, ядерной медицины, регу-

лирования безопасности и трансфера технологий. Одновременно характер сети позволяет проверить вторую часть гипотезы: если сотрудничество остаётся зависимым от ведущих экспортёров атомных технологий, сеть будет иметь централизованную конфигурацию, в которой Россия, Китай и Индия выступают ключевыми узлами, тогда как горизонтальные связи между государствами-реципиентами остаются ограниченными.

Настоящая статья не ограничивается описанием отдельных соглашений и проектов, а показывает, в какой мере они складываются в реальную сетевую архитектуру сотрудничества. Такой подход позволяет сделать генерализуемый вывод о том, что институционализация взаимодействия БРИКС и АСЕАН в атомной сфере пока носит преимущественно асимметричный характер, сосредоточенный вокруг экспортёров технологий характер, однако при развитии многосторонних форматов может стать основой более плотной и устойчивой архитектуры энергетического сотрудничества. Новизна исследования состоит в комплексном анализе механизмов взаимодействия двух межгосударственных объединений в области атомной энергетики с опорой на инструменты международной политэкономии и сетевой анализ. В отечественной и зарубежной литературе наблюдается возрастающий интерес к изучению взаимодействия государств в сфере атомной энергетики [Боровский 2017; Бунина 2021; Федичева 2024; Яковлев 2018; Jewell et al. 2019; Zha et al. 2024]. Вместе с тем отсутствует систематизированный анализ институциональных форм сотрудничества БРИКС–АСЕАН в атомной области, в котором сочетаются качественный анализ двусторонних проектов и количественная оценка структуры связей.

Энергетическая безопасность и вызовы развития атомной энергетики

В условиях растущего глобального спроса на энергоресурсы государства стремятся к диверсификации источников энергии и снижению импортной зависимости, что

рассматривается как важный фактор укрепления национальной энергетической безопасности [Боровский 2022]. Увеличение доли атомной генерации в структуре национального энергобаланса, а также расширение доступа к ядерным технологиям и компетенциям способствуют достижению указанной цели. При этом существующие модели использования атомной энергии демонстрируют существенные различия. Ряд государств ориентирован преимущественно на внутреннее потребление электроэнергии, вырабатываемой на АЭС, что позволяет направлять высвободившиеся ресурсы на экспорт (например, Объединённые Арабские Эмираты). Другие страны, напротив, делают ставку на освоение полного цикла технологий сооружения АЭС, в том числе для последующего их экспорта (например, Республика Корея). Таким образом, атомная энергетика объективно выходит за узкие рамки сугубо энергетического сектора, трансформируясь в действенный инструмент внешней и внутренней энергетической политики государств.

Несмотря на возрастающее внимание к атомной энергетике как к низкоуглеродному источнику энергии [Рамеев 2024; Verbruggen, Laes 2015], процессы институционализации международной кооперации в данной сфере остаются недостаточно изученными. В литературе подчёркивается, что в условиях четвёртого энергоперехода и движения к углеродной нейтральности климатические риски будут стимулировать увеличение доли атомной генерации в мире [Rot, Jaramillo 2017]. Вместе с тем сам по себе переход к атомной энергетике как низкоуглеродному источнику электроэнергии не устраняет технологическую зависимость от государств-экспортёров профильного оборудования и услуг ядерного

топливного цикла. Более того, он объективно повышает значимость международных механизмов взаимодействия в сфере атомной энергетике.

Развитие данной сферы сопряжено с рядом вызовов. Риски, связанные с ядерным распространением, остаются в центре внимания [Gartzke, Jo 2009; Kim et. al 2022; Kroening 2009]. Разработка мирных ядерных программ связана с опасностью развития технологий, позволяющих обогащать уран до уровня, достаточного для создания ядерного оружия. Существенным препятствием на пути развития атомной энергетике остаётся финансовый барьер. Несмотря на относительную экономическую эффективность эксплуатации атомных электростанций в долгосрочной перспективе, стартовые инвестиционные издержки на сооружение объектов являются высокими: до 80% стоимости энергоблока приходится именно на этап его строительства [Jewell 2011]. Эмпирические исследования показывают корреляцию между экономическим потенциалом государства и вероятностью успешного ввода АЭС в эксплуатацию [Brutschin et. al 2021; Thurner et. al 2014].

Помимо финансовых ограничений, государства сталкиваются с технологической олигополией: около 85 % мировой добычи урана сосредоточено в пяти государствах⁴, а критические звенья ядерного топливного цикла и ядерного инжиниринга находятся под контролем ограниченного числа государств-поставщиков. В результате возникает диалектика между либеральной логикой открытых рынков и реалистской логикой контроля доступа к ядерным технологиям и топливу, где государства-импортёры вынуждены учитывать политико-экономические условия, предъявляемые государствами-экспортёрами.

⁴ World Uranium Mining Production. World Nuclear Association. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production?clid=f35c43ef> (accessed: 20.08.2025). Впервые о необходимости сотрудничества в сфере атомной энергетике в рамках БРИКС было заявлено в итоговой декларации саммита БРИКС в Китае в 2011 году: см. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года). Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907> / (дата обращения: 03.04.2026).

Институциональные механизмы БРИКС в сфере атомной энергетики

Одним из ключевых инструментов институционализации взаимодействия в области атомной энергетики является Платформа по атомной энергии БРИКС, о создании которой было заявлено на встрече в Москве в 2024 году⁵. Её деятельность ориентирована на координацию научно-исследовательских и прикладных проектов, обмен опытом, укрепление кадрового потенциала государств-участниц, а также выработку единых стандартов в области безопасности и эксплуатации АЭС. Это свидетельствует о переходе к формированию практических механизмов технической стандартизации в атомной сфере⁶.

Однако институциональная архитектура Платформы остаётся слабо формализованной: отсутствует учредительный договор, не определены механизмы принятия решений и процедуры разрешения противоречий между участниками при столкновении коммерческих интересов на рынках третьих стран. Это ограничивает потенциал Платформы рамками координирующего форума для обмена информацией. В частности, у неё отсутствуют полномочия по гармонизации национальных регуляторных режимов и разграничению сфер присутствия участников на международных рынках атомных технологий.

В этой связи институционализация сотрудничества приобретает характер межгосударственного взаимодействия, где упор делается на политико-стратегическом измерении атомной энергетики. Организация работы совместных рабочих групп, межправительственных комиссий, а также проведение регулярных встреч профильных министров позволяют сформировать устой-

чивый канал диалога, в рамках которого атомная энергетика рассматривается как элемент обеспечения энергетической безопасности и промышленного суверенитета. Для государств АСЕАН, проявляющих интерес к развитию мирного атома, но при этом обладающих ограниченными ресурсами для реализации мирных атомных программ, подключение к подобным форматам открывает доступ к ядерным технологиям и совместным исследовательским проектам. В этом смысле Платформа играет роль связующего механизма, соединяющего интересы государств-экспортёров (государства БРИКС) и государств-импортёров (государства АСЕАН), тем самым формируя долгосрочную и устойчивую модель сотрудничества.

Большое значение в институционализации сотрудничества БРИКС и АСЕАН имеет Новый банк развития (НБР). НБР является источником долгосрочных инвестиций в инфраструктурные и энергетические проекты, направленные в том числе и на достижение климатических целей [Далдеган, де Борба 2023]. С учётом высокой капиталоемкости реализации проектов строительства АЭС, НБР потенциально служит важным инструментом снижения финансовых барьеров для государств АСЕАН, рассматривающих возможность развития атомной энергетики. Механизмы льготного кредитования и финансирования НБР позволяют реализовывать атомные проекты непосредственно в государствах БРИКС, а также в государствах-партнёрах АСЕАН. Хотя приоритетным направлением деятельности НБР остаются проекты в области чистой энергии и возобновляемых источников⁷, атомная энергетика также включается им в категорию

⁵ Атомщики стран БРИКС решили создать общую платформу по атомной энергии. ТАСС. 17.10.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22144495?clckid=c90da4e5> (дата обращения: 05.09.2025).

⁶ Новости международного присутствия. Росатом. URL: <https://atommedia.online/reference/novosti-mezhdunarodnogo-prisutstviya/> (дата обращения: 05.02.2026).

⁷ Подробнее см.: New Development Bank General Strategy for 2022-2026. Scaling up Development Finance for a Sustainable Future. New Development Bank. 2022. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_eVersion_07.pdf?clckid=833e04fd (accessed: 05.09.2025).

источников энергии, способных вносить вклад в глобальный энергетический переход. В соответствии с данными на 2025 год, НБР ещё не финансировал проекты по строительству АЭС, однако отмечалась готовность Банка финансировать проекты, связанные с атомной энергетикой⁸.

Предпосылки развития атомной энергетики в государствах АСЕАН

Для государств-членов АСЕАН атомная энергетика представляет собой стратегически важную сферу, обладающую потенциалом для комплексного решения основных энергетических вызовов региона, когда государства АСЕАН сталкиваются с острой необходимостью диверсификации энергетического баланса и снижения зависимости от импорта энергоносителей.

Современная ситуация в энергетическом секторе государств Юго-Восточной Азии характеризуется значительным дефицитом электрогенерирующих мощностей, что создаёт препятствия для устойчивого социально-экономического развития региона. Традиционная зависимость от импорта ископаемых видов топлива не только увеличивает экономическую уязвимость этих государств, но и приводит к дополнительным рискам для энергетической безопасности в условиях волатильности мировых рынков энергии.

Атомная энергетика, характеризующаяся стабильностью поставок топлива и относительно низкими эксплуатационными

затратами в долгосрочной перспективе, может стать эффективным инструментом для достижения энергетической независимости и обеспечения базовой нагрузки в энергобалансах государств АСЕАН. Кроме того, развитие ядерных технологий соответствует глобальным тенденциям декарбонизации энергетики и может способствовать выполнению климатических обязательств региона. При этом государства-члены Ассоциации связаны Договором о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор), который устанавливает региональную нормативно-правовую базу для программ развития мирного атома⁹. Помимо этого, все государства Ассоциации подписали Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в котором говорится о праве государств использовать ядерную энергию в мирных целях¹⁰. Несмотря на сейсмические, вулканические и климатические риски, атомная энергетика рассматривается государствами региона как инструмент укрепления энергетической безопасности и снижения зависимости от внешних поставок.

Новые технологии, такие как малые модульные реакторы (ММР), предлагают потенциальные решения некоторых из этих проблем. ММР становятся всё более популярны в государствах Юго-Восточной Азии, поскольку они позволяют существенно снизить финансовые барьеры и инвестиционные риски, характерные для

⁸ В документе «Основы политики устойчивого финансирования», подготовленном НБР в 2020 году, «переработка ядерного топлива», а также «любая деятельность, связанная с атомными электростанциями» признавались как оказывающие негативное влияние на окружающую среду и потому не подлежащая финансированию. Подробнее см.: New Development Bank. Sustainable Financing Policy Framework Governing Issuances of Green/Social/Sustainability Debt Instruments. New Development Bank. 2020. P. 9. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/2020_FC22_A113_018_b-NDB-Sustainable-Financing-Policy-Framework.pdf?clckid=af87115f (accessed: 05.09.2025).

Однако в 2023 г. появились сообщения о том, что НБР готов финансировать проекты, связанные с атомной энергетикой. Подробнее см.: Банк БРИКС может профинансировать несколько проектов Росатома. ТАСС. 28.06.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18394703?clckid=9a970f57> (дата обращения: 05.09.2025).

⁹ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии [Бангкокский договор]. Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok.shtml (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁰ Договор о нераспространении ядерного оружия. Организация Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 05.09.2025).

капиталоёмких проектов крупных АЭС, благодаря относительно небольшим стартовым инвестициям и коротким срокам строительства (2–3 года) [Дьяков 2023]. Масштабируемость и компактность ММР делают их подходящими для децентрализованного энергообеспечения большинства стран региона. Развитие технологии строительства ММР также позволяет размещать атомные энергоблоки в труднодоступных районах, на островных территориях или в сейсмоопасных зонах (в том числе в зоне «Огненного кольца» Индонезии и Филиппин), где строительство крупных АЭС технически затруднительно и экономически нецелесообразно. Однако при всех вышеуказанных преимуществах ММР не могут решить все структурные проблемы государств региона. Реальный прогресс требует скоординированных региональных действий и более твёрдой политической и экономической поддержки таких проектов. Ни одно государство АСЕАН на данный момент не имеет атомной электростанции, но некоторые из них изучают возможность строительства АЭС в будущем¹¹.

Институциональные рамки сотрудничества АСЕАН в сфере атомной энергетики

Институциональное взаимодействие АСЕАН в сфере атомной энергетики начало формироваться с 1980-х годов, а в 1999 г. было усилено созданием Центра энергетики АСЕАН, отвечающего за координацию энергетических стратегий и экспертно-информационное сопровождение региональной политики. Содержание учредительных документов Центра показывает, что его мандат сфокусирован на информационно-консультативных функциях: сборе данных, подготовке прогнозов, технической поддержке, – но не включает регуля-

торных полномочий или механизмов принуждения к исполнению рекомендаций. Статья 3 Соглашения о сотрудничестве АСЕАН в энергетической сфере определяет его роль как посредника, а не регулятора, что структурно ограничивает его возможности¹².

Кульминацией развития региональной дискуссии по атомной энергетике стало создание в 2008 г. Сети сотрудничества по ядерной энергетике (*ASEAN Nuclear Energy Cooperation Sub-Sector Network, NEC-SSN*), ставшей первым формальным шагом к принятию решения о развитии атомной энергетики в регионе. После аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. по предложению Таиланда был создан АСЕАНТОМ (*ASEAN Network of Regulatory Bodies on Atomic Energy, ASEANTOM*) – организация, осуществляющая общерегиональное взаимодействие между ответственными за регулирование использования атомной энергии органами государственной власти государств-членов АСЕАН¹³.

Создание АСЕАНТОМ стало прямым ответом на кризис доверия к ядерной энергетике после аварии на «Фукусиме», однако контент-анализ его Хартии показывает преимущественно декларативный характер обязательств. В Статье 4 Хартии используется формулировка «могут сотрудничать» (*may cooperate*) и «поощряются к» (*are encouraged to*), что юридически не создаёт обязывающих норм.

Институционализация сотрудничества в атомной сфере создала условия для включения АСЕАН в орбиту взаимодействия с МАГАТЭ и обусловила интеграцию вопросов ядерной энергетики в систему региональных документов энергетического планирования: показательно, что ядерная составляющая нашла отражение как в долгосрочном прогнозе развития энергетики до 2050 года, так и в плане энергетического

¹¹ В частности, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

¹² Agreement on the Establishment of the ASEAN Centre for Energy. ASEAN. URL: <https://asean.org/agreement-on-the-establishment-of-the-asean-centre-for-energy/> (accessed: 24.02.2026).

¹³ Sectoral Bodies. ASEAN. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-energy-cooperation/sectoral-bodies/> (accessed: 24.09.2025).

сотрудничества на 2016–2025 годы, что свидетельствует о постепенном переходе к операциональному планированию на уровне объединения.

При проведении контент-анализа «Плана действий АСЕАН по сотрудничеству в энергетике на период 2016–2025» обнаруживается существенная асимметрия в распределении внимания между источниками энергии: из 127 конкретных мероприятий плана только 8 (6,3%) непосредственно относятся к ядерной энергетике, тогда как 64 (50,4%) посвящены ВИЭ. При этом все 8 мероприятий в области ядерной энергии сформулированы в терминах «наращивание потенциала» (*capacity building*) и «обмен информацией» (*information sharing*), без указания конкретных целевых показателей мощности. Это свидетельствует о том, что на уровне формальной стратегии АСЕАН атомная энергетика сохраняет статус перспективной, но не приоритетной цели.

Аналогичным образом, в «Прогнозе энергетического развития АСЕАН до 2050» представлено четыре сценария развития энергетики региона, при этом доля атомной энергии колеблется от 0% в базовом сценарии (*Business as Usual*) до максимум 3,2% в наиболее амбициозном сценарии (*ASEAN Target Scenario*) к 2050 году. Для сравнения: доля ВИЭ в том же амбициозном сценарии достигает 35%. Методологические примечания к прогнозу указывают, что оценки по атомной энергетике основаны на «заявленных намерениях» государств-членов без учёта финансовой и институциональной осуществимости, что делает эти цифры ориентировочными, а не программными.

Перспективы развития атомной энергетики в АСЕАН в условиях растущего спроса на электроэнергию

В прогнозах международных энергетических агентств фиксируется рост потребности АСЕАН в электроэнергии: ожидается, что спрос увеличится на 41% к 2030 г. по сравнению с 2023 годом, со среднегодовым темпом роста 7,3%, достигнув более 2000 ТВт·ч к 2035 году. Дефицит генерирующих мощностей подтверждается конкретными страновыми показателями. В частности, спрос Мьянмы вырастет с 17 ТВт·ч (2023) до 57 ТВт·ч (2030). Камбоджа и Вьетнам демонстрируют годовые темпы роста 17% и 11% соответственно, а Индонезия к 2045 г. утроит потребление электроэнергии относительно уровня 2021 года¹⁴. Критическим драйвером выступает экспансия дата-центров: их энергопотребление в регионе достигнет 68 ТВт·ч к 2030 году, при этом в Малайзии прогнозируется 4,5 ГВт нагрузки от дата-центров к 2035 году, в Таиланде – 2,6 ГВт, в Сингапуре – 1,9 ГВт, что составит более 10% национального спроса в Малайзии и Сингапуре¹⁵. Треть регионального роста потребления до 2035 г. будет обусловлена системами кондиционирования, причём в Индонезии проникновение кондиционеров в домохозяйствах возрастёт до 50% к 2035 году¹⁶. Энергетическая безопасность региона остаётся под угрозой, поскольку 74% генерации в 2023 г. обеспечивалось ископаемым топливом (44% – уголь), тогда как для достижения климатических целей при таком росте спроса требуется увеличить мощности возобновляемой энергетики в 3–5 раз к 2035 году [Overland et. al 2020].

¹⁴ Electricity Landscape. Ember Energy. URL: <https://ember-energy.org/latest-insights/asean-insights-2024/power-sector-2023/#:~:text=All%20ASEAN%20countries%20are%20forecasting,TWh%20during%20the%20same%20period.> (accessed: 09.02.2026).

¹⁵ Executive Summary. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/electricity-2026/executive-summary#:~:text=Electricity%20demand%20is%20set%20to,average%20across%20the%20previous%20decade..> (accessed: 09.02.2026).

¹⁶ ASEAN's Path to Harmonised Air Conditioner Standards: Progress, Challenges, and Economic Implications // ASEAN Centre for Energy. URL: <https://aseanenergy.org/index.php/blogs/aseans-path-to-harmonised-air-conditioner-standards-progress-challenges-and-economic-implications> (accessed: 09.02.2026).

Соответственно, атомная энергетика способна решить проблему генерации стабильной базовой нагрузки для сохранения темпов экономического развития стран АСЕАН. С точки зрения декарбонизации, атомная энергия является ключевым низкоуглеродным источником для достижения региональных целей по углеродной нейтральности: при текущей зависимости от ископаемого топлива на уровне 74% и прогнозируемом росте спроса на 41% к 2030 году, замещение угольных мощностей ядерными позволит сократить выбросы при сохранении надёжности энергоснабжения. Технологический сдвиг в сторону ММП повышает экономическую эффективность: ММП требуют меньших капитальных затрат, имеют сокращённые сроки строительства и адаптированы под инфраструктурные ограничения развивающихся стран АСЕАН¹⁷.

Вьетнам рассматривает возможность возобновления проекта строительства АЭС «Ниньтхуан-1» и «Ниньтхуан-2», остановленного в 2016 г. из-за экономических факторов: высокой стоимости строительства и значительного уровня государственного долга. В апреле 2025 г. Вьетнам принял обновлённый «План развития энергетики № 8» (*Revised PDP8*), предусматривающий включение атомной энергетики в национальный энергобаланс с перспективой реализации проектов строительства АЭС. Резолюция Политбюро № 70-NQ/TW «Об обеспечении национальной энергетической безопасности на период до 2030 с перспективой до 2045» формирует нормативно-правовую основу для постепенного развития ядерного сектора, при этом

конкретные параметры мощности и сроки реализации проектов, включая возможное возобновление программы «Ниньтхуан», продолжают уточняться в рамках актуализированной стратегии энергетического планирования¹⁸.

Помимо этого, Индонезию, Филиппины и Таиланд можно отнести к категории государств, которые также изъявляют готовность реализации ядерных инициатив к 2030 году¹⁹, что свидетельствует о формировании в регионе группы государств-лидеров по развитию атомной энергетики, но данная категория крайне условна в силу различия каждого из страновых кейсов. Индонезия, Филиппины и Таиланд также были первыми государствами АСЕАН, которые при иностранном содействии построили или закупили исследовательские реакторы ещё в период «холодной войны». На Филиппинах, помимо установки исследовательского реактора, в 1984 г. было завершено сооружение АЭС «Батаан», но из-за разногласий с американским подрядчиком *Westinghouse*, внутривластных изменений и реакции на аварию на АЭС «Чернобыль» атомная электростанция так и не была введена в эксплуатацию. Среди государств-членов АСЕАН Индонезия выдвигает наиболее амбициозные планы в области атомной энергетики, обладая значительным потенциалом для их реализации. Индонезия рассматривает атомную энергетику как элемент долгосрочного энергопланирования: в 2024 г. были предложены площадки для АЭС, а ввод первых атомных мощностей на Калимантане и Суматре запланирован на начало 2030-х годов. В соответствии с *RUKN*, к 2040 г. около

¹⁷ Current State of Nuclear Power in ASEAN. Stephenson Harwood. URL: <https://www.stephensonharwood.com/media/5tje53e3/briefing-note-current-state-of-nuclear-power-in-asean-november-2025.pdf> (accessed: 24.09.2025).

¹⁸ Resolution 70-NQ/TW 2025 on ensuring national energy security through 2030, vision toward 2045. *Luat Vietnam*. URL: <https://english.luatvietnam.vn/resolution-no-70-nq-tw-dated-august-20-2025-of-the-political-bureau-on-ensuring-national-energy-security-through-2030-with-a-vision-toward-2045-410231-doc1.html>; Развёртывание ядерной энергетики: «узкие места» постепенно устраняются. *Vietnam.vn*. 20.09.2025. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/trien-khai-dien-hat-nhan-cac-nut-that-dang-dan-duoc-go> (accessed: 09.02.2026).

¹⁹ 2025 Update: Who in ASEAN Is Ready for Nuclear Power?. *Energy for Growth Hub*. 30.06.2025. URL: <https://energyforgrowth.org/article/2025-update-who-in-asean-is-ready-for-nuclear-power/> (accessed: 24.09.2025).

7 ГВт будет приходиться на атомную генерацию, а к 2060 году — 35 ГВт.²⁰ Немаловажным представляется и то, что строительство АЭС может рассматриваться для Индонезии как вопрос международного престижа²¹. Таким образом, индонезийский кейс демонстрирует, что запрос на ядерные технологии в АСЕАН формируется на пересечении энергетической необходимости и внутривластной легитимации, что создаёт устойчивый спрос на внешнее технологическое партнёрство.

Филиппины также рассматривают атомную энергетику как элемент долгосрочного энергопланирования: в Энергетическом плане на 2023–2050 годы предусмотрено поэтапное развитие атомной генерации до 4800 МВт к 2050 году. Заинтересованы в строительстве АЭС и других ядерных объектов и Филиппины, которые в рамках Энергетического плана (2023–2050) (*Philippine Energy Plan, PEP*) ставят целью достижение 1200 МВт атомной генерации к 2032 году, 1200 МВт — к 2035 г. и 4800 МВт к 2050 году. Ожидается, что программа повысит производительность труда и послужит экономически эффективным решением для смягчения негативных последствий декарбонизации для промышленности.

Из этого следует, что Вьетнам, Индонезия и Филиппины формируют «первую волну» потенциальных реципиентов ядерных технологий в АСЕАН, отличающуюся наличием утверждённых стратегических документов, конкретных целевых показателей мощности и заявленных сроков реализации. Это создаёт относительно предсказуемую среду для переговоров с экспортёрами, однако институциональная незрелость национальных регуляторов и зависимость от внешнего финансирования делают эти проекты уязвимыми к изменению политических приоритетов.

Отдельную группу составляют государства, прежде всего Камбоджа и Малайзия, которые проявляют интерес к атомной энергетике, но пока ограничиваются соглашениями о сотрудничестве без перехода к крупным практическим проектам²².

Указанная дифференциация по степени готовности имеет прямые следствия для стратегий экспортёров: страны «первой волны» требуют немедленных коммерческих предложений и конкурентных финансовых пакетов, тогда как государства «второй волны» нуждаются в долгосрочных программах институционального строительства и подготовки кадров.

Взаимодействие БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики

На рынке Юго-Восточной Азии представлены компании всех ключевых семи игроков данной отрасли: США, Канады, Китая, Франции, Японии, России, Южной Кореи. Ряд государств-экспортёров ядерных технологий являются и государствами-членами БРИКС, однако координация в этой сфере на уровне объединения пока находится на минимальном уровне.

Множественность экспортёров открывает для государств АСЕАН возможности для диверсификации партнёрских отношений в данной отрасли, но одновременно порождает риски несовместимости технологических платформ и распыления ограниченных финансовых ресурсов между конкурирующими проектами. Отсутствие координации между экспортёрами из БРИКС (Россия, Китай, Индия) на фоне их прямой конкуренции за контракты означает, что государства АСЕАН сталкиваются не с консолидированным предложением со стороны западных поставщиков, а с фрагментированным рынком, где каждый игрок продвигает собственные

²⁰ Атом для Индонезии. Росатом. Июль 2025. URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2025/07/28/nuclear-for-indonesia/> (дата обращения: 24.09.2025).

²¹ Nuclear Power Plants Integral to Indonesia's Energy Plans. ANTARA. <https://en.antaranews.com/news/365937/nuclear-power-plants-integral-to-indonesias-energy-plans> (accessed: 24.09.2025).

²² ASEAN Goes Nuclear: Significant Moves Towards Nuclear Power Era. Nuclear Business Platform. URL: <https://www.nuclearbusiness-platform.com/media/insights/asean-goes-nuclear> (accessed: 24.09.2025).

стандарты и модели финансирования.

С учётом сложной геополитической обстановки в регионе государства-члены АСЕАН стремятся к диверсификации сотрудничества в сфере атомной энергетики. Россия, в свою очередь, формирует правовую базу для мирного использования атомной энергии посредством заключения двусторонних соглашений, которые предусматривают как сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии, так и реализацию конкретных проектов в регионе. В результате Россия выступает лидером по количеству действующих соглашений и степени вовлечённости в развитие мирного атома в АСЕАН.

Отметим «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Союз Мьянма об основных принципах сотрудничества в области строительства атомной электростанции малой мощности на территории Республики Союз Мьянма»²³ 2025 г. и «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Камбоджа о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях»²⁴ 2017 года, которое подразумевает создание рабочей группы по подготовке и оценке потенциала государства, а также оценку потенциала для строительства АЭС. В основе сотрудничества России и Индонезии в сфере развития мирного атома лежит «Соглашение между Правительством

Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии», заключённое ещё в 2006 году, когда правительство президента Сусило Бамбанг Юдойоно стремилось к строительству первой АЭС к 2024 году.

Важным партнёром государств АСЕАН в области ядерной энергетики выступает КНР, однако сохраняющаяся геополитическая напряжённость в регионе негативно сказывается на полноценной реализации таких проектов. Так, у КНР заключены соглашения с Таиландом, Индонезией и Камбоджей. В 2010 г. Китай и Таиланд подписали соглашение в области атомной энергетики, который включает исследования, разработку, проектирование и строительство атомных электростанций, а также обмен опытом и подготовку специалистов²⁵.

Индия имеет более ограниченное присутствие в атомной энергетике Юго-Восточной Азии, однако сохраняет отдельные каналы сотрудничества с государствами региона, прежде всего с Вьетнамом²⁶ и Филиппинами²⁷, в сферах подготовки кадров, обмена технологиями, ядерной безопасности и мирного использования атомной энергии.

Анализ страновых кейсов и сети двусторонних соглашений позволяет выявить три ключевых вывода относительно институционализации ядерного сотрудничества БРИКС в Юго-Восточной Азии. Во-

²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Союз Мьянма об основных принципах сотрудничества в области строительства атомной электростанции малой мощности на территории Республики Союз Мьянма. МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62770/ (дата обращения: 24.09.2025).

²⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Камбоджа о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2contract/53237/ (дата обращения: 24.09.2025).

²⁵ Thailand to Adopt Nuclear Energy to Achieve Carbon Neutrality by 2050. Nuclear Business Platform. 19.04.2024. URL: <https://www.nuclearbusiness-platform.com/media/insights/thailand-to-adopt-nuclear-energy-to-achieve-carbon-neutrality-by-2050> (accessed: 24.09.2025).

²⁶ Agreement between India and Vietnam for Cooperation for the Utilisation of Atomic Energy for Peaceful Purposes. URL: <https://www.mea.gov.in/TreatyDetail.htm?808> (accessed: 25.10.2025).

²⁷ Agreement regarding Peaceful Uses of Atomic, Energy. Ministry of External Affairs. Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5232/Agreement+regarding+Peaceful+Uses+of+Atomic+Energy> (accessed: 24.09.2025).

первых, формальное наличие межправительственных соглашений не конвертируется автоматически в реализованные проекты: разрыв между подписанием документов и практическим строительством составляет от 10 до 20 лет (Индонезия, Вьетнам), что указывает на слабость механизмов имплементации. *Во-вторых*, государства АСЕАН систематически диверсифицируют партнёрства, заключая параллельные соглашения с конкурирующими экспортёрами (Индонезия с Россией и Китаем, Филиппины с США²⁸ и Россией), что исключает возможность монопольного закрепления за одним поставщиком и делает координацию между экспортёрами из БРИКС критически важной для их коллективной конкурентоспособности. *В-третьих*, геополитическая фрагментация региона – американские Соглашения 123, китайско-американское соперничество, антироссийские санкции – превращает выбор технологического партнёра в вопрос стратегического позиционирования, а не только экономической целесообразности, что снижает предсказуемость переговорных процессов и усиливает риски политизации контрактов.

Сетевой анализ двустороннего сотрудничества

Одним из центральных методов настоящего исследования стал сетевой анализ двустороннего сотрудничества между государствами БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики. На первом этапе был осуществлен ручной сбор данных о существующей базе сотрудничества в атомной сфере

между государствами БРИКС и АСЕАН. Параметры сбора данных были определены следующим образом: (а) межправительственные соглашения / меморандумы о взаимопонимании (при отсутствии соглашения); (б) актуальные проекты на стадии реализации²⁹. Авторы намеренно не включили в параметры поиска межведомственные договоренности ввиду ограниченной значимости подобных документов для анализа устойчивых структур международного сотрудничества. Концентрация исключительно на межправительственном уровне позволила выделить наиболее институционализированные формы взаимодействия, отражающие долгосрочные политические и стратегические интересы государств-участников объединений.

Для последующего сетевого анализа собранные данные подверглись процедуре кодирования с целью их количественного представления. Каждой зафиксированной форме взаимодействия была присвоена весовая оценка, отражающая степень институционализации и глубину сотрудничества в области атомной энергетики. В качестве базовой логики использовался принцип градации интенсивности сотрудничества: наличие межправительственного соглашения оценивалось в 1 балл, его отсутствие – в 0; начало переговоров о возможной реализации совместных проектов также фиксировалось как 0,5, поскольку обсуждение инициатив далеко не всегда приводит к их реализации. Более высокие значения присваивались взаимодействиям, предполагающим углублённую кооперацию: соглашение о строительстве атом-

²⁸ Исторически США занимали важную роль в развитии региональной атомной энергетики, примером чего было строительство атомной электростанции «Батаан» на Филиппинах американской компанией *Westinghouse* в 1973 году. США продолжают поддерживать региональные ядерные устремления посредством целевого технического сотрудничества. Новые соглашения о мирном ядерном сотрудничестве в формате Соглашения 123 создают юридически обязывающие рамки, в рамках которых США заключают договоры с другими государствами для мирного сотрудничества в ядерной сфере: подобные соглашения подписаны с такими государствами, как Таиланд, Сингапур и Филиппины. В рамках филиппинского кейса интересны попытки администрации президента Ф. Маркоса-младшего восстановить законсервированную АЭС «Батаан» для достижения энергетической безопасности Филиппин. Для этого в 2023 г. правительством Маркоса-младшего было заключено соответствующее Соглашение 123 с США.

²⁹ Полученные данные представлены в Приложении 1.

Таблица 1
Схема кодировки

Государство 1	Государство 2	Нормативно-правовое измерение	Материально-техническое измерение	Итого
Россия	Бразилия	1	0,5	1,5
Россия	Вьетнам	1	0,5	1,5
Россия	Египет	1	3	4
Россия	Индия	1	3	4
Россия	Индонезия	1	0,5	1,5
Россия	Иран	1	3	4
Россия	Камбоджа	1	1	2
Россия	Китай	1	3	4
Россия	Мьянма	1	2	3
Россия	ОАЭ	1	1	2
Россия	Эфиопия	1	2	3
Индия	Вьетнам	1	3	4
Индия	Сингапур	0	1	1
Индия	Филиппины	1	1	2
Китай	Бразилия	1	1	2
Китай	Индонезия	0	0,5	0,5
Китай	Иран	1	1	2
Китай	Камбоджа	0	1	1
Китай	Таиланд	0	3	3
Китай	ЮАР	1	1	2

Источник: составлено авторами

ной электростанции оценивалось в 2 балла, а непосредственная реализация проекта по строительству – в 3 балла. Сотрудничество в смежных областях, таких как подготовка кадров и развитие ядерной медицины, кодировалось как 1 балл. Такой подход позволил создать взвешенную матрицу межгосударственных связей, на основе которой впоследствии была построена сеть взаимодействий между государствами БРИКС и АСЕАН.

Очевидным ограничением подобной кодировки выступает то обстоятельство, что она а) отражает интенсивность взаимодействий, а не развитие институтов в строгом смысле; б) не учитывает плотность связей во временной перспективе: новые инициативы и проекты, где в настоящий момент происходит реализация очередного этапа, получают одинаковый вес, хотя их влияние

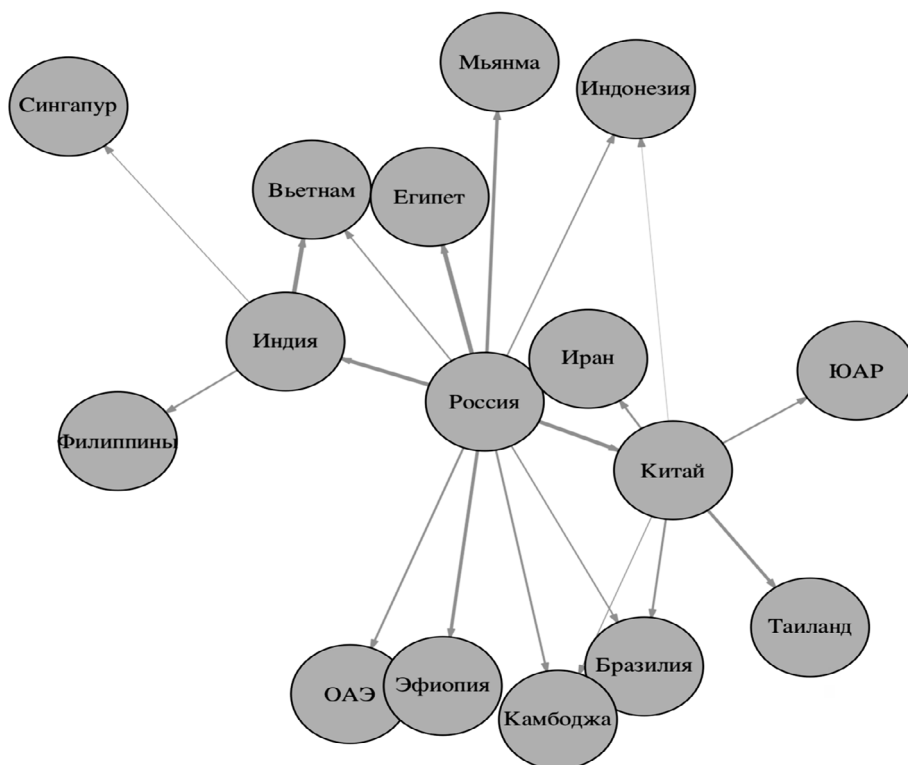
на плотность связи может различаться. Введение дополнительного временного коэффициента, способного скорректировать данный эффект, требует отдельного исследования и выходит за рамки настоящей работы.

Итоговая таблица кодировки (табл. 1) выглядит следующим образом:

В программной среде R осуществлено визуальное представление сети двустороннего взаимодействия государств АСЕАН и БРИКС в сфере атомной энергетики в виде направленного графа, где вершинами являются государства-партнёры, а рёбра фиксируют наличие сотрудничества, причём толщина ребра соответствует интенсивности взаимодействия (рис. 1).

Плотность³⁰ сети (0,08) демонстрирует низкий уровень интеграции сотрудничества между государствами БРИКС и

Рисунок 1
Сеть двустороннего взаимодействия государств АСЕАН и БРИКС в сфере атомной энергетики

Источник: составлено авторами

АСЕАН в атомной сфере: большинство связей носят фрагментарный характер и не образуют сквозной инфраструктуры взаимодействий. При этом коэффициенты центральности (табл. 2) показывают выраженную иерархичность сети, где Россия, Китай и Индия выполняют роль ключевых узлов — именно они обладают наибольшим количеством связей и фактически задают архитектуру сети. Это подтверждает их статус как экспортёров атомных технологий и

институциональных инициаторов новых проектов.

Средний локальный коэффициент кластеризации³¹ (0,34) и показатель модульности сети³² ($Q = 0,289$) указывают, что большинство взаимодействий сосредоточено в отдельных кластерах, но не образует плотных взаимосвязей между всеми участниками сети (рис. 2). Первый кластер (Сообщество 1) с центром в России объединяет новых членов БРИКС (Египет, Иран,

³⁰ Для направленного графа рассчитывается по формуле $D = E/N(N-1)$, где E — число ребер, N — число вершин; программная среда R позволяет провести операцию при помощи функции *edge_density*.

³¹ В программной среде R функция *transitivity*.

³² Показатель, демонстрирующий, насколько хорошо сеть разделена на сообщества по сравнению со случайной сетью такого же размера.

Таблица 2
Коэффициент центральности по государствам

Государство	Коэффициент центральности
Россия	11
Китай	7
Индия	4
Бразилия	2
Вьетнам	2
Индонезия	2
Иран	2
Камбоджа	2
Египет	1
Мьянма	1
ОАЭ	1
Сингапур	1
Таиланд	1
Эфиопия	1
ЮАР	1

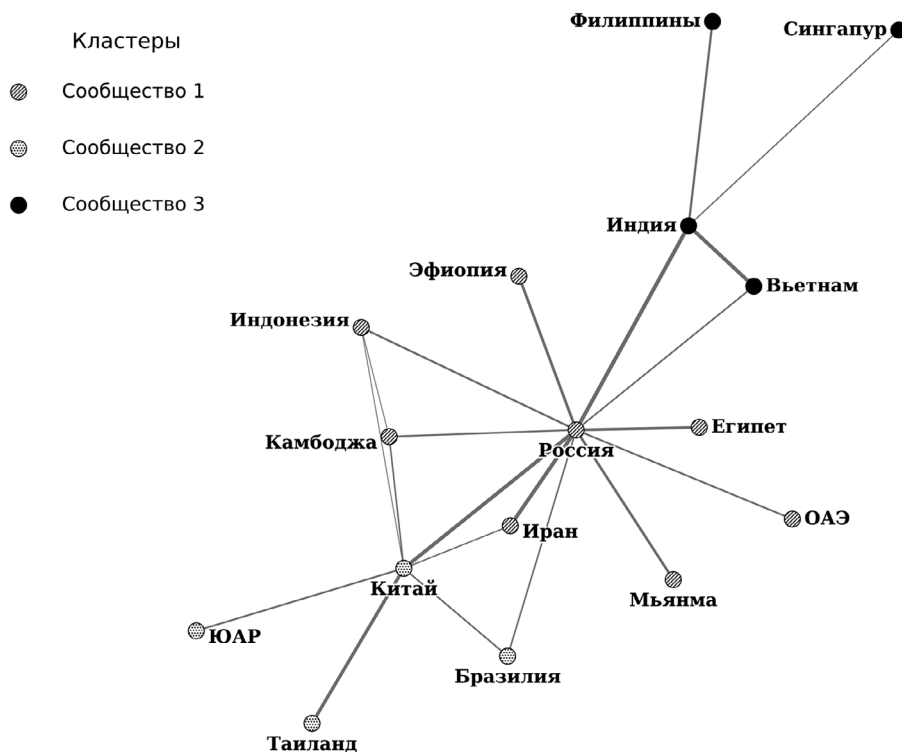
Источник: составлено авторами

ОАЭ, Эфиопия) и государства АСЕАН (Индонезия, Камбоджа, Мьянма). Второй кластер (Сообщество 2) с центром в Китае объединяет два государства БРИКС (Бразилия, ЮАР) и одно государство АСЕАН (Таиланд). Третий кластер (Сообщество 3) с центром в Индии ориентирован на Вьетнам, Сингапур, Филиппины

Примечательным представляется выявленное распределение плотности внутри кластеров. Взаимодействия в сообществах преимущественно строятся по принципу «звезды» (*hub-and-spoke*), где ключевой актор напрямую связан с периферийными государствами, но между последними практически отсутствуют горизонтальные связи. Это свидетельствует о высокой зависимости периферийных участников от одного центра и ограниченной способности к автономному сотрудничеству без его участия.

Рисунок 2

Кластеризация сетевого взаимодействия государств БРИКС и АСЕАН

Источник: составлено авторами

* * *

Сотрудничество БРИКС и АСЕАН в сфере атомной энергетики постепенно приобретает более устойчивые институциональные формы, о чём свидетельствуют межправительственные соглашения, проекты подготовки кадров, инициативы в области ядерной медицины, исследовательских реакторов и строительства атомной инфраструктуры. Вместе с тем результаты сетевого анализа продемонстрировали, что говорить о сложившейся многосторонней архитектуре пока преждевременно. Низкая плотность сети, наличие обособленных кластеров и высокая центральность России, Китая и Индии указывают на сохраняющуюся фрагментированность взаимодействия и его зависимость от ограниченного числа технологических экспортёров.

Сотрудничество БРИКС и АСЕАН воспроизводит модель асимметричной институционализации. Институты, соглашения и специализированные площадки постепенно формируются, но не образуют плотной горизонтальной сети между государствами-реципиентами. Структура взаимодействий тяготеет к конфигурации «центр — периферия», при которой ведущие технологические державы выступают узловыми акторами, тогда как большинство государств АСЕАН интегрированы в эту сеть посредством двусторонних связей с отдельными поставщиками. Данная закономерность подтверждает специфику атомной энергетики как сферы, в которой высокая капиталоемкость, жёсткие регуляторные требования, технологические барьеры и зависимость от поставщиков топлива и оборудования воспроизводят иерархический характер международного сотрудничества.

В этом контексте БРИКС пока не выступает в атомной сфере в качестве единого субъекта. Россия, Китай и Индия обладают различными экспортными профилями и формируют собственные кластеры взаимодействия с государствами АСЕАН. Москва сохраняет наиболее комплексную модель

присутствия, охватывающую строительство объектов, топливное сопровождение, подготовку кадров и сервисное обслуживание. Пекин опирается на возросшую технологическую самостоятельность и инфраструктурные инициативы. Дели участвует в менее масштабных проектах, поддерживая отдельные каналы сотрудничества в области мирного атома, подготовки специалистов и смежных технологий. Указанные различия создают потенциал функциональной взаимодополняемости, одновременно усиливая конкуренцию экспортёров и ограничивая координацию на уровне объединения.

Переход от фрагментированных двусторонних связей к более устойчивой многосторонней архитектуре возможен лишь при условии развития соответствующих многосторонних механизмов. Приоритетными направлениями в данном отношении представляются: гармонизация требований ядерной безопасности в координации с МАГАТЭ; создание совместных программ подготовки кадров; развитие механизмов проектного финансирования с участием Нового банка развития и региональных финансовых институтов; формирование региональных центров ядерной безопасности и реагирования на чрезвычайные ситуации. Реализация перечисленных мер не устранит структурной асимметрии между экспортёрами и реципиентами, но способна повысить плотность сети, снизить транзакционные издержки и укрепить режим доверия между участниками.

Таким образом, настоящее исследование позволило оценить сотрудничество БРИКС и АСЕАН через структуру складывающихся межакторных связей. Сетевой анализ показывает, что атомная повестка обладает потенциалом стать одним из направлений углублённого диалога между двумя объединениями, при этом дальнейшая институционализация этого взаимодействия будет определяться способностью участников перейти от параллельных двусторонних инициатив к скоординированным многосторонним форматам.

Приложение 1

База сотрудничества стран БРИКС и АСЕАН в области атомной энергии

Страна 1	Страна 2	Тип	Название	Дата вступления в силу	Ссылка	Актуальные проекты
Россия	Индия	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях	2010	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45174/	– АЭС Куланкулам: строятся шесть реакторов российского дизайна; ведутся переговоры об увеличении числа энергоблоков до 12
Россия	Мьянма	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Союз Мьянма об основных принципах сотрудничества в области строительства атомной электростанции малой мощности на территории Республики Союз Мьянма	2025	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62770/	– соглашение о строительстве малой модульной АЭС (2025)
Россия	Эфиопия	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях	2019	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/59460/	– проект создания Центра ядерной науки и технологии: контракт с Росатомом на ТЭО (2024) – проект строительства АЭС (2020)
Россия	Камбоджа	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Камбоджа о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях	2017	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53237/	– рабочая группа, подготовка, оценка потенциала АЭС
Россия	ОАЭ	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях	2012	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44484/	– рабочая группа по изучению возможности использования МАЭС (2022)

Россия	Египет	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	2008	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45575/	– строительство первой египетской АЭС «Эль-Дабба»; монтаж третьего энергоблока (2025)
Россия	Индонезия	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	2006	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45814/	– переговоры о строительстве первой индонезийской АЭМ (2024)
Россия	Иран	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	1992	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/55237/	– АЭС «Бушер»; строительство второго и третьего энергоблоков (2025)
Россия	Бразилия	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	1994	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48094/	– анонсировано строительство МАЭС в «в ближайшее время» (2025)
Россия	КНР	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	1996	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/55530/	– АЭС «Тяньвань»: ведется строительство седьмого и восьмого энергоблоков – АЭС «Сюйдапу»: пуск обоих блоков запланирован на 2028
Россия	Вьетнам	межправительственное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	2002	https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46387/	– переговоры о строительстве АЭС в Ниньтуане (с 2022)
КНР	Иран	межправительственное соглашение	Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Islamic Republic of Iran on Cooperation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy	1992	https://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876667766.pdf	– подготовка специалистов

КНР	Бразилия	межправительственное соглашение	Промульга o Acordo para a Cooperaçao nos Usos Pacificos da Energia Nuclear, entre a República Federativa do Brasil e a República Popular da China.	1984	https://legislacao.presidencia.gov.br/atos/?tipo=DEC&numero=95645&ano=1988&ato=3daMZZq1UNBpWTfa4	— подготовка специалистов — медицина
КНР	ЮАР	межправительственное соглашение	Inter-Governmental Framework Agreement on Nuclear Cooperation	2014	https://www.gov.za/news/media-statements/china-and-south-africa-signed-inter-governmental-framework-agreement-nuclear	— подготовка специалистов — медицина
КНР	Таиланд	—	—	—	—	— исследовательский реактор MNSR 30 кВт (унив. SUT)
КНР	Индонезия	—	—	—	—	— обсуждение совместного строительства первой АЭС
КНР	Камбоджа	—	—	—	—	— подготовка специалистов — медицина
Индия	Вьетнам	межправительственное соглашение	Agreement between the Government of India and the Government of Socialist Republic of Vietnam for cooperation in the peaceful uses of Nuclear Energy	2016	https://cdinbbsr.s3waas.gov.in/s35b8e4fd39d9786228649a8a8bec4e008/uploads/2023/07/2023071969.pdf	— DAE — VinAtom: обучение, исследовательский реактор
Индия	Филиппины	межправительственное соглашение	Agreement for Cooperation for the Utilization of Atomic Energy for Peaceful Purposes	1991	https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume 686/volume-686-I-9796-English.pdf	— подготовка специалистов — медицина
Индия	Сингапур	—	—	—	—	— подготовка специалистов — медицина

Список литературы

- Боровский Ю.В.* Международное измерение энергетической безопасности: Россия и Мир (1991–2021 гг.). М.: Аспект-Пресс, 2022. 323 с.
- Боровский Ю.В.* Международное сотрудничество в энергетике: на примере восточноевропейского рынка атомной энергии // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Т. 56. № 5(56). С. 114–129. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-114-129>
- Бунина А.А.* Соперничество и сотрудничество России и США в атомной энергетике // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300016434-7>
- Далдеган У., де Борба В.* Концепция развития БРИКС: анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01>
- Дьяков А.С.* Малые модульные ядерные реакторы: перспективы развития // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 6(67). С. 47–60. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-47-60>
- Ергин Д.* В поисках энергии. Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики. М.: Альпина Паблишер, 2013. 712 с.
- Рамеев Д.Б.* Место атомной энергетики в контексте энергоперехода в Японии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3(17). С. 46–67. DOI: <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.03>
- Федичева С.С.* «Токсичные отношения»: асимметрия взаимозависимости России и государств Запада в сфере атомной энергетики // Общество: политика, экономика, право. Т. 133. № 8(133). С. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2024.8.12>
- Яковлев П.П.* Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 6(11). С. 109–127. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127>
- Brutschin E., Cherp A., Jewell J.* Failing the Formative Phase: The Global Diffusion of Nuclear Power Is Limited by National Markets // Energy Research & Social Science. 2021. Vol. 80. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102221>
- Brutschin E., Jewell J.* International Political Economy of Nuclear Energy // Handbook of the International Political Economy of Energy and Natural Resources / ed. by A. Goldthau, M.F. Keating, C. Kuzemko. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. P. 322–341. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781783475636>
- Friedman E.A.* Nuclear Energy: Boom, Bust, and Emerging Renaissance. New York: Oxford University Press, 2025. 232 p.
- Gartzke E., Jo D.-J.* Bargaining, Nuclear Proliferation, and Interstate Disputes. Journal of Conflict Resolution. 2009. Vol. 53. No. 2 № 2(53). P. 209–233. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002708330289>
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H.* Network Analysis for International Relations // International Organization. 2009. Vol. 63. No. 3. P. 559–592. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818309090195>
- Jewell J.* Ready for Nuclear Energy?: An Assessment of Capacities and Motivations for Launching New National Nuclear Power Programs // Energy Policy. 2011. Vol. 39. P. 1041–1055. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.10.041>
- Jewell J., Vetier M., Garcia-Cabrera D.* The International Technological Nuclear Cooperation Landscape: A New Dataset and Network Analysis // Energy Policy. 2011. Vol. 128. P. 838–852. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.12.024>
- Kim P., Kim J., Yim M.-S.* Assessing Proliferation Uncertainty in Civilian Nuclear Cooperation under Power Dynamics of the International Nuclear Trade // Energy Policy. 2022. Vol. 163. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112852>
- Kroening M.* Exporting the Bomb: Why States Provide Sensitive Nuclear Assistance // American Political Science Review. 2009. Vol. 103. № No. 1(103). P. 113–133. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055409090017>
- Lantis J.S.* Economic Competition and Nuclear Cooperation. The “Nuclear Renaissance” Revised // Nonproliferation Review. 2014. Vol. 20. № No. 1(20). P. 21–41. DOI: <https://doi.org/10.1080/10736700.2014.880277>
- Roth M.B., Jaramillo P.* Going Nuclear for Climate Mitigation: An Analysis of the Cost Effectiveness of Preserving Existing U.S. Nuclear Power Plants as a Carbon Avoidance Strategy // Energy. 2017. Vol. 131. P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2017.05.011>
- Turner P.W., Mittermeier L., Küchenhoff H.* How Long Does It Take to Build a Nuclear Power Plant? A Non-Parametric Event History Approach with P-Lines // Energy Policy. 2014. Vol. 70. P. 163–171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.03.015>

Verbruggen A., Laes E. Sustainability Assessment of Nuclear Power: Discourse Analysis of IAEA and IPCC Frameworks // *Environmental Science and Policy*. 2015. Vol. 51. P. 170–180. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.011>

Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 825 p.

Zha L., Cao D., Mahamoudou F. International Cooperative Network for Nuclear Power Plant Projects: A Multidimensional Proximity Perspective // *Journal of Nuclear Science and Technology*. 2014. Vol. 62. No. 9. P. 795–807. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223131.2025.2482066>

BRICS AND ASEAN NUCLEAR ENERGY COOPERATION

OPPORTUNITIES AND CHALLENGES*

POLINA KALUGINA

NIKITA KUKLIN

SOFIA FEDICHEVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article analyzes the opportunities and challenges of cooperation between BRICS and ASEAN in the field of nuclear energy within the context of an emerging new architecture of international energy relations. The relevance of this research stems, on the one hand, from the growing importance of nuclear energy amid the global trend toward decarbonization and the ongoing debate on achieving carbon neutrality in national economies. On the other hand, the 21st-century “nuclear renaissance” is marked by an increasing share of developing countries in global energy consumption, with BRICS nations accounting for a significant portion of global nuclear electricity generation. The authors test the hypothesis that, as cooperation between BRICS and ASEAN in the field of nuclear energy becomes institutionalised, its character transforms from fragmented bilateral contacts into the formation of stable network structures. This network acquires a predominantly centralized character, within which the key exporters of nuclear technologies form clusters of cooperation with partner states, while horizontal linkages among the latter remain limited. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the political, economic, and institutional dimensions of cooperation between the two major groupings of the Global South, examined through the lens of international political economy. The article explores the prerequisites for the development of nuclear energy in ASEAN countries, institutional mechanisms, and formats of BRICS–ASEAN cooperation, followed by a network analysis of bilateral agreements. The study concludes with key findings and practical recommendations. The network analysis reveals a low-density interaction structure, where Russia, China, and India emerge as central actors. The authors conclude that transitioning from fragmented bilateral links to a stable regional architecture requires the development of unified regulatory standards, educational programs, financing mechanisms, and nuclear safety centers. These measures could enhance the structural connectivity of the cooperation network, strengthen energy security, and, in the long term, transform nuclear energy collaboration into one of the key drivers of deeper dialogue between BRICS and ASEAN member states.

Keywords

BRICS; ASEAN; nuclear energy; energy security; New Development Bank; BRICS Nuclear Energy Platform; small modular reactors; institutionalization; international political economy; network analysis

* Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the MGIMO Institute for International Studies grant No. KMU-15/02.

References

- Borovsky Yu.V. (2017). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v energetike: na primere vostochnoevropejskogo rynka atomnoj energii [International Rivalry in the Energy Sector: The Eastern European Market of Atomic Energy in Focus]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 56. No. 5. P. 114–129. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-114-129>
- Borovsky Yu.V. (2022). *Mezhdunarodnoe izmerenie energeticheskoj bezopasnosti: Rossiya I Mir (1991–2021 gg.)* [The International Dimension of Energy Security: Russia and the World (1991–2021)]. Moscow: Aspekt-Press. 323 p.
- Brutschin E., Cherp A., Jewell J. (2021). Failing the Formative Phase: The Global Diffusion of Nuclear Power Is Limited by National Markets. *Energy Research & Social Science*. Vol. 80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102221>
- Brutschin E., Jewell J. (2018). International Political Economy of Nuclear Energy. In: Goldthau, M.F. Keating, C. Kuzemko (eds.) *Handbook of the International Political Economy of Energy and Natural Resources*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 322–341. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781783475636>
- Bunina A.A. (2021). Sopernichestvo i sotrudnichestvo Rossii i SSHA v atomnoj energetike [Rivalry and Cooperation Between Russia and the United States in Nuclear Energy]. // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021. № 9. CP. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300016434-7>
- D'Yakov A.S. (2023). Malyye modul'nyye yadernyye reaktory: perspektivy razvitiya [Small Modular Nuclear Reactors: Development Prospects]. *World Economy and International Relations*. Vol. 67. No. 6. P. 47–60. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-47-60>
- Daldegan W., de Borja V. (2023). The Development Concept in BRICS: An Analysis of Projects Financed by the NBR. *International Organisations Research Journal*. Vol. 18. № 4. P. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01>
- Fedicheva S.S. (2024). “Toksichnye otnosheniya”: asimmetriya vzaimozavisimosti Rossii i gosudarstv Zapada v sfere atomnoj energetiki [“Toxic Relations”: Asymmetric Interdependence of Russia and Western Countries in the Nuclear Energy Sector]. *Society: Politics: Economics, Law*. Vol. 133. No. 8. P. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2024.8.12>
- Friedman E.A. (2025). Nuclear Energy: Boom, Bust, and Emerging Renaissance. New York: Oxford University Press. 232 p.
- Gartzke E., Jo D.-J. (2009). Bargaining, Nuclear Proliferation, and Interstate Disputes. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 53. No. 2. P.209–233. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002708330289>
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. (2009). Network Analysis for International Relations. *International Organization*. Vol. 63. No. 3. P. 559–592. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818309090195>
- Jewell J. (2011). Ready for Nuclear Energy?: An Assessment of Capacities and Motivations for Launching New National Nuclear Power Programs. *Energy Policy*. Vol. 39. P. 1041–1055. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.10.041>
- Jewell J., Vetier M., Garcia-Cabrera D. (2011). The International Technological Nuclear Cooperation Landscape: A New Dataset and Network Analysis. *Energy Policy*. Vol. 128. P. 838–852. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.12.024>
- Kim P., Kim J., Yim M.-S. (2022). Assessing Proliferation Uncertainty in Civilian Nuclear Cooperation under Power Dynamics of the International Nuclear Trade. *Energy Policy*. Vol. 163. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112852>
- Kroening M. (2009). Exporting the Bomb: Why States Provide Sensitive Nuclear Assistance. *American Political Science Review*. Vol. 103. No. 1. P. 113–133. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055409090017>
- Lantis J.S. (2014). Economic Competition and Nuclear Cooperation. The “Nuclear Renaissance” Revised. *Nonproliferation Review*. Vol. 21. No 1. P. 21–41. DOI: <https://doi.org/10.1080/10736700.2014.880277>
- Overland, I., Sagbakken, H. F., Chan, H.-Y., Merdekawati, M., Suryadi, B., Utama, N. A., & Vakulchuk, R. (2021). The ASEAN climate and energy paradox. *Energy and Climate Change*. No., 2, 100019. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.egycc.2020.100019>
- Rameev O.B. (2024). Mesto atomnoj energetiki v kontekste energoperekhoda v Yaponii [The Role of Nuclear Power in Japan's Energy Transition]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17. No. 3. P. 46–67. DOI: <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.03.03>
- Roth M.B., Jaramillo P. (2017). Going Nuclear for Climate Mitigation: An Analysis of the Cost Effectiveness of Preserving Existing U.S. Nuclear Power Plants as a Carbon Avoidance Strategy. *Energy*. Vol. 131. P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2017.05.011>

- Thurner P.W., Mittermeier L., Küchenhoff H. (2014). How Long Does It Take to Build a Nuclear Power Plant? A Non-Parametric Event History Approach with P-Lines. *Energy Policy*. Vol. 70. P. 163–171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.03.015>
- Verbruggen A., Laes E. (2015). Sustainability Assessment of Nuclear Power: Discourse Analysis of IAEA and IPCC Frameworks. *Environmental Science and Policy*. Vol. 51. P. 170–180. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.011>
- Wasserman S., Faust K. (1994). *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press. 825 p.
- Yakovlev P.P. (2018). Argentina i Braziliya: ot voennyh yadernyh programm k nacional'noj atomnoj energetike [Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs to National Atomic Energy]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. № 6(11). P. 109–127. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127>
- Yergin D. (2013) *V poiskah energii. Resursnye vojny, novye tekhnologii i budushchee energetiki* [The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World]. Moscow: Alpina Publisher. 712 p.
- Zha L., Cao D., Mahamoudou F. (2014). International Cooperative Network for Nuclear Power Plant Projects: A Multidimensional Proximity Perspective. *Journal of Nuclear Science and Technology*. Vol. 62. No. 9. P. 795–807. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223131.2025.2482066>

У ИСТОКОВ ГЛОБАЛИЗМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНОГО ЛИДЕРСТВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ США (1981–1983)

ДЕНИС САДАКОВ

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Резюме

Статья посвящена институционализации нормативного лидерства США в 1981–1983 годах как одного из ключевых этапов формирования глобалистской архитектуры мирового порядка. Центральное внимание уделено политике администрации Р. Рейгана, направленной на трансформацию универсальных норм – прежде всего в области прав человека и демократии – в системные инструменты легитимации и внешнеполитического воздействия. На основе директив исполнительной власти, внутренних меморандумов, стенограмм, законодательных актов и программных заявлений реконструируется процесс административного встраивания нормативной повестки в механизмы принятия решений. Методологически статья сочетает институциональный и историко-политический подходы, позволяющие интерпретировать нормативное лидерство США не как выражение универсального морального импульса, а как управляемый процесс, выстраиваемый исполнительной властью. Разработана авторская аналитическая модель становления нормативного лидерства, включающая в себя три стадии: артикуляцию, институционализацию и проецирование норм. Особое внимание отдано истории создания Национального фонда демократии*, реструктурированию Госдепартамента, интеграции нормативных критериев в процессы распределения помощи. Анализируются механизмы селективного применения норм, в частности различие между «авторитарными» и «тоталитарными» режимами как элементы, обеспечивающие стратегическую гибкость системы. Вторжение США на Гренаду в 1983 г. рассматривается как прообраз последующих гуманитарных интервенций. Предпринятая реконструкция позволяет интерпретировать нормативное лидерство Соединённых Штатов не как результат морального консенсуса или транснационального давления, а как управляемый институциональный процесс, выстраиваемый исполнительной властью и опирающийся на внутренние административные ресурсы. Период с 1981 по 1983 г. характеризуется как время закладки нормативной инфраструктуры, позволившей Вашингтону превратить моральный дискурс в орудие устойчивого внешнеполитического влияния.

Ключевые слова:

США; нормативное лидерство; глобализм; Рейган; права человека; демократия; нормы; моральный дискурс

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-78-10179-П, <https://rscf.ru/project/22-78-10179-П/>

* Объявлен нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.08.2025

Дата принятия к публикации: 29.04.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: dasadakov@yandex.ru

Постановка проблемы

Мировой порядок, оформившийся к началу 2000-х годов как система, основанная на универсализации определённых норм (прав человека, демократии, верховенства права, свободы рынка) и институциональных форм (либерально-демократических институтов, многосторонних международных организаций), к концу первой четверти XXI в. столкнулся с нарастающим кризисом. Избирательное применение норм, претендующих на универсальный статус, подрывает их легитимность и усиливает борьбу за контроль над их интерпретацией. В этих условиях государства и негосударственные акторы всё активнее используют цифровые технологии, платформенную инфраструктуру и регуляторные механизмы для переопределения универсальных стандартов в собственных интересах.

Ярким симптомом этого кризиса стала политика второй администрации президента США Дональда Трампа, сопровождавшаяся пересмотром внешнеполитических приоритетов, сокращением поддержки международных институтов и отказом от ряда прежних обязательств¹, а также инициацией вооружённых операций в Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Кризис глобализма показал, что процессы, ранее описывавшиеся как естественное развитие мирового сообщества, во многом были результатом сознательного политического проектирования и институционального закрепления определённой модели международного порядка. В этой связи возникает вопрос не только об устойчивости существующего международного порядка, но и о его истоках: когда и посредством каких механизмов США закрепили за собой роль актора, претендующего на нормативное лидерство и транслирующего универсалистские представления о демократии, правах человека и правовом государстве? Анализ генезиса глобализма

позволяет объяснить, почему современный кризис доверия к международным институтам и универсалистским нормам, а также появление альтернативных моделей легитимности имеют столь фундаментальный характер.

Цель статьи – проследить процесс институционализации нормативного лидерства США в 1981–1983 гг. и показать его значение для формирования глобалистского порядка. Исследовательская задача состоит в выявлении механизмов, посредством которых универсальные нормы были преобразованы из морально-политических деклараций в инструменты внешнеполитического давления, легитимации и институционального закрепления определённой модели международного порядка.

Хотя в центре внимания настоящей статьи находятся процессы институционализации правозащитной повестки, они рассматриваются как ключевой, но не единственный элемент более широкой стратегии нормативного лидерства. Подобная стратегия включает и другие сферы, в которых универсальные нормы превращаются в инструменты внешнеполитического воздействия: от борьбы с распространением ВИЧ/СПИДа до продвижения демократических институтов, свободы слова, гендерного равенства и экологической ответственности. Права человека в данном случае выступают как наиболее наглядный и документально фиксируемый пример формирования нормативной ткани внешней политики страны, но не исчерпывают её содержания.

Новизна исследования заключается в переосмыслении нормативного лидерства США как управляемого институционального процесса, исходящего из целенаправленной политики исполнительной власти.

В отличие от модели «жизненного цикла норм» М. Финнемор и К. Сиккинк и кон-

¹ Например, выход США из Парижского соглашения по климату, Транстихоокеанского партнёрства, заморозка финансирования и последующий выход из ВОЗ, блокирование деятельности органов ВТО, закрытие части зарубежных офисов радиостанции «Голос Америки», начало процедуры закрытия USAID.

цепции «нормативной силы» Я. Маннерса, в статье предлагается трёхфазная таксономия генезиса нормативного лидерства США: артикуляция, институционализация, проекция. Далее, она реконструируется на основе исторического анализа внешнеполитического курса администрации Рональда Рейгана в 1981–1983 годах. Особое значение в работе имеет анализ избирательного применения универсальных норм как элемента программируемой стратегии нормативного лидерства, обеспечивающей США гибкость при формировании глобалистского мирового порядка.

Исторический анализ позволяет выявить, посредством каких шагов американский внешнеполитический истеблишмент внедрял представления о допустимом и легитимном в международных практиках без опоры на транснациональные инициативы, характерные для классической модели «жизненного цикла нормы».

Хотя процессы институционализации норм во внешней политике великими державами получили концептуальное осмысление [Crowley-Vigneau et al. 2023], вопрос о генезисе этой системы остаётся недостаточно изученным. Речь идёт прежде всего о том, когда и посредством каких механизмов исполнительная власть США трансформировала правозащитные декларации в административные инструменты внешнеполитического давления и легитимации. Настоящая статья восполняет этот пробел, раскрывая историко-институциональные основания процессов, которые в современной литературе не рассматриваются в исторической перспективе.

В статье нормативное лидерство США рассматривается как управляемый политико-административный процесс, выстраиваемый исполнительной властью. Основной корпус источников составляют директивы исполнительной власти США, публичные выступления, законодательные акты и внутренние меморандумы внешнеполитических ведомств. Их сопоставление

позволяет проследить, каким образом нормативная риторика превращалась в устойчивую административную практику.

Выбор хронологических рамок с 1981 по 1983 г. обусловлен тем обстоятельством, что именно в этот период происходит качественный переход от фрагментарных и слабо институционализированных правозащитных инициатив к формированию целостной архитектуры нормативного лидерства США.

Статья состоит из трех основных разделов. В первом разделе рассматриваются концептуальные основы исследования: раскрываются понятия глобализма и нормативного лидерства, анализируются существующие теоретические подходы к изучению формирования международных норм. Во втором разделе исследуется процесс артикуляции и первых попыток институционализации моральных норм в американской внешней политике 1970-х годов, включая роль Конгресса и администрации Дж. Картера. Третий раздел посвящен системной институционализации нормативного лидерства при администрации Рональда Рейгана в 1981–1983 годах, включая создание Национального фонда демократии и первое применение правозащитной риторики для легитимации военного вмешательства. В заключение формулируются выводы о природе и долгосрочных последствиях созданной архитектуры нормативного лидерства США.

Понятия глобализма и нормативного лидерства

В рамках настоящей работы глобализм определяется как идеология, утверждающая приоритет универсальных наднациональных норм и ценностей² для всех государств независимо от их политического устройства. Такая идеология предполагает, что международная легитимность должна оцениваться на основе критериев, выработанных в рамках глобального этического-политического консенсуса, включая права человека,

² «Глобальные нормы» воспринимаются как универсальные лишь с субъективной позиции критиков данной парадигмы.

демократию, открытость и ответственность. Это понимание опирается на интерпретацию глобализма как нормативного проекта Манфреда Штегера [Steger 2005: 14, 21–23, 26–28], на теорию либерального порядка Джона Айкенберри [Ikenberry 2011: 1–10] и на концепцию нормативной власти Марты Финнемор и Майкла Барнетта [Barnett, Finnemore 2004: 1–11].

В этой логике универсальные нормы действуют автоматически: они нуждаются в авторитетной интерпретации, институциональном закреплении и механизмах оценки соответствия политической практики заявленным стандартам. Именно поэтому глобализм рассматривается в статье как структурированная нормативная рамка, внутри которой акторы, обладающие наибольшими политическими и институциональными ресурсами – а таковыми были, прежде всего, США – получают возможность претендовать на роль универсального арбитра допустимого поведения в международной системе.

В рамках глобалистской системы устойчивость государств всё чаще ставится в зависимость от их включённости в транснациональные режимы координации, формируемые наднациональными институтами и ведущими державами. При этом легитимность политических игроков обуславливается соответствием универсальным нормам (демократии, прав человека, правовому государству), в отношении которых нормативные лидеры выступают в роли арбитров допустимого поведения.

Используемое в работе понятие «мировой порядок» не следует интерпретировать в духе нормативных конструкций, характерных для части англо-американской теории международных отношений (Айкенберри, Финнемор, Барнетт). В отличие от подходов, в которых порядок трактуется как результат морально-этического консенсуса и универсальных ценностей, настоящее исследование опирается на анализ конкретных механизмов трансформации норм в инструменты внешнеполитического воздействия. Такой подход согласуется с критикой чрезмерной нормативности

мирового порядка, предложенной А.В. Фененко, который указывает на тенденцию подмены исследовательского вопроса «как функционирует мировой порядок?» нормативным вопросом «как он должен функционировать?» [Фененко 2023: 11].

Термин «нормативная сила» был впервые предложен Яном Маннерсом в отношении Европейского союза как субъекта, обладающего способностью влиять на поведение других государств через распространение норм, а не через принуждение и экономическое давление [Manners 2002: 235–253]. Впоследствии этот концепт получил более широкое применение и стал использоваться для обозначения способности агента формулировать универсальные нормы, легитимировать их как всеобщие и институционализировать в качестве глобального стандарта допустимости [Normative Power Europe 2011; Diez 2005].

В развитие концепции нормативной силы Я. Маннерса подход М. Барнетта и М. Финнемора позволяет подчеркнуть, что мировая политика определяется не только распределением материальных возможностей, но и способностью формировать представления о допустимом и легитимном поведении [Barnett, Finnemore 2004: 3]. Такая форма лидерства проявляется не столько в прямом принуждении, сколько в установлении критериев легитимности через международные организации, дипломатические практики и нормы политического поведения. В отличие от мягкой силы, нормативное лидерство не только привлекает, но и задаёт рамки, в которых одни модели поведения признаются приемлемыми, а другие, наоборот, отклоняющимися от универсальных стандартов.

В отличие от концепции либерального интернационализма, выведенной в статье Дж. Айкенберри о будущем либерального мирового порядка [Ikenberry 2011] и исходящей из предположения о естественной конвергенции государств благодаря либерально-демократическим нормам в условиях усиления взаимозависимости и международных институтов, анализируемая в работе модель нормативного лидерства

США опирается на управляемую трансформацию норм в инструменты внешнеполитического воздействия, реализуемую через архитектуру исполнительной власти. Здесь речь идёт не о «расширении либерального мира» как эволюционном процессе, а о сознательном конструировании нормативной гегемонии.

В 2005 г. М. Барнетт и Р. Дювалль предложили свою таксономию силы в международных отношениях. Они различают четыре вида силы, две из которых – структурная и продуктивная – имеют наибольшее значение для анализа нормативного лидерства. Структурная сила проявляется в способности задавать институциональные рамки, в которых субъекты действуют, а продуктивная – в формировании дискурсивных оснований, определяющих, какие нормы и идентичности считаются легитимными и возможными [Barnett, Duvall 2005: 43].

Альтернативный взгляд предлагает Майкл Манн, который трактует либеральные нормы и гуманитарную риторику как компонент идеологической власти США в рамках послевоенной гегемонии. Эти нормы воспринимаются как «естественные», поскольку встроены в повседневные практики периферии и служат инструментом рутинизированного господства, не требующего открытого насилия. Тем не менее в его интерпретации они остаются частью идеологической надстройки и культурного господства, а не рассматриваются как результат институционального нормотворчества, формируемого исполнительной властью [Mann 2013: 86–88, 371–372; Карасёв 2018: 84].

Настоящее исследование опирается на эти концепции, но трактует нормативное лидерство шире. Оно понимается как способность субъекта не только формулировать и институционализировать универсальные нормы, но и использовать их как основу для санкционных, дипломатических и даже принудительных инструментов внешней политики. Нормативное лидерство рассматривается как процесс структурного воздействия на политическое поведе-

ние других игроков через установление и навязывание стандартов допустимости.

Вопрос о нормах в международных отношениях традиционно анализируется в рамках модели жизненного цикла норм, предложенной М. Финнемор и К. Сиккинк. Согласно этой схеме, норма проходит три стадии развития. Её появление связано с деятельностью инициаторов – активистов, НПО, идеологов. Затем происходит лавинообразное распространение, в ходе которого норма легитимируется среди других игроков. В ходе интернационализации она начинает восприниматься как само собой разумеющийся стандарт и встраивается в институциональные структуры [Finnemore, Sikkink 1998: 895–896].

Предлагаемое исследование опирается на эту теоретическую рамку, но модифицирует её для объяснения механизма формирования глобального лидерства. В отличие от классической модели, предложенной Финнемор и Сиккинк, в авторской схеме акцент делается не на транснациональных инициативах и сетевом распространении норм, а на роли государства как субъекта нормотворчества. Это позволяет рассматривать нормативное лидерство как управляемый процесс, подкреплённый политической решимостью, ресурсами и механизмами воздействия.

Между тем вопрос о том, как именно исполнительная власть США трансформировала правозащитные декларации в операционные механизмы внешней политики в начале 1980-х годов, остаётся не до конца исследованным в историографии. Даже в критической литературе, например у Майкла Манна, правозащитные организации рассматриваются как идеологические усилители американской гегемонии, встроенные в имперскую архитектуру [Mann 2003: 118–120], но сам процесс институционализации этих норм в рамках политики исполнительной власти остаётся за кадром.

Данное исследование исходит из того, что в ряде областей, имеющих приоритетное значение для великих держав, нормообразование развивалось не по классическому транснациональному механизму,

а в значительной степени через государственные институты. В этом контексте нормы представляли собой не продукт сетевой мобилизации, а элемент внешнеполитической стратегии, формируемый внутри бюрократии и продвигаемый государством через каналы международного взаимодействия. Такой подход соответствует институциональным и структурным трактовкам власти, в которых центральным механизмом выступает способность актора задавать рамки и процедуры, определяющие поведение других участников системы.

В рамках данной работы используется авторская модель становления нормативного лидерства, включающая три взаимосвязанные стадии:

1. артикуляция – концептуальное формулирование новых универсальных норм, осмысливаемых как основания международной легитимности и структурирующих внешнеполитический дискурс;

2. институционализация – встраивание артикулированных норм в организационные структуры и процедуры внешней политики, что придаёт им статус регулятивных стандартов;

3. проекция вовне – распространение норм с целью утверждения их универсального статуса и использования в качестве критериев международной легитимности.

В реальности эти стадии не всегда следуют строго последовательно. Они развиваются параллельно, переплетаясь и усиливая друг друга в зависимости от политического контекста, внутренних дебатов и международных вызовов. Тем не менее использование данной модели позволяет аналитически выделить ключевые элементы процесса формирования нормативного лидерства. Хотя границы между стадиями

условны, предлагаемая модель позволяет аналитически зафиксировать логику формирования нормативного лидерства. Артикуляция задаёт символический горизонт, институционализация создаёт административные инструменты, а проецирование выводит нормы в международную сферу. В совокупности это формирует цикл, в котором внешнеполитическая стратегия опирается на моральную риторику, подкреплённую бюрократическим механизмом.

В настоящем исследовании основной акцент сделан на начальной стадии институционализации в период с 1981 по 1983 год: именно в этот период происходило соединение артикулированных моральных норм с механизмами внешнеполитического воздействия, что знаменует собой становление архитектуры нормативного лидерства как элемента американской глобальной роли.

Артикуляция: первые попытки институционализации моральных норм в 1970-е годы

Поражение во Вьетнаме спровоцировало в США глубокий кризис внешнеполитической идентичности, поставив под сомнение моральное обоснование американской внешней политики. На фоне ослабления веры в исключительность американской миссии начался сдвиг к этически мотивированной повестке, в которой права человека приобрели значимое положение. В обществе сформировалась потребность в переосмыслении моральных оснований внешней политики и восстановлении её этического измерения. Этот эффект был дополнен и усилен ростом влияния транснациональных субъектов – правозащитных организаций, таких как *Amnesty International*³ и *Freedom House*⁴, активно воздействовавших на американское общество

³ Международная неправительственная организация, основанная в 1961 году, специализируется на мониторинге соблюдения прав человека в различных странах мира и подготовке соответствующих докладов. Признана в России нежелательной организацией в соответствии с распоряжением Минюста №691-р от 28.05.2025 и решением Генеральной прокуратуры от 12.05.2025 года.

⁴ Американская неправительственная организация, основанная в 1941 году, занимается оценкой уровня политических прав и гражданских свобод в разных странах мира. Признана в России нежелательной организацией в соответствии с распоряжением Минюста № 619-р от 21.05.2024 и решением Генеральной прокуратуры от 06.05.2024 года.

и политику [Keys 2014: 1–14, 51–52; Лидер на фоне эпохи: 46–47].

Ключевую роль в артикуляции новых норм сыграл Конгресс США. В 1974 г. в поправке Джексона – Вэника торговые преференции СССР были связаны с соблюдением Москвой прав человека. Тем самым был заложен прецедент морального условия во внешнеполитическом регулировании. Эта инициатива отражала специфическую форму «правозащитного антисоветизма», в которой критика коммунистических режимов совмещалась с сохранением логики «холодной войны» [Keys 2014: 119–125, 153–154]⁵.

Параллельно развивался альтернативный универсалистский подход, воплощённый конгрессменами Дональдом Фрейзером, Томасом Харкином, Эдвардом Кеннеди. Они выступали за расширение ответственности за соблюдение международно-признанных прав человека на все страны, в том числе на союзников США. Эти усилия часто координировались с НПО и международными правозащитными движениями, что усиливало транснациональный характер нового дискурса [Keys 2014: 163–167; Неклюдов 2025: 48–49].

Исполнительная власть – администрации Ричарда Никсона (1969–1974) и Джеральда Форда (1974–1977) – первоначально воспринимала эту повестку как угрозу

дипломатии. Государственный департамент (далее – Госдепартамент) под руководством Генри Киссинджера опасался, что этические принципы осложняют стратегическое маневрирование США. Даже в рамках Хельсинкского процесса⁶ (1973–1975) правозащитные положения Заключительного акта не рассматривались как инструмент давления, а скорее как элемент риторического компромисса между СССР и европейскими союзниками Вашингтона [Keys 2014: 122]⁷. Администрация Форда не пыталась институционализировать контроль за исполнением правозащитной части соглашений [Snyder 2011: 37].

Тем не менее давление Конгресса США привело к первым институциональным уступкам. Принятый в 1976 г. Закон о международной помощи и контроле над экспортом оружия впервые закрепил защиту прав человека как официальную цель американской внешней политики. В Госдепартаменте создавалась должность координатора по правам человека и гуманитарным вопросам, которая не могла быть упразднена без одобрения Сената. Само внешнеполитическое ведомство было обя-зано готовить отчёты о положении дел с правами человека в странах – получателях американской помощи [Schultz 1981: 125; Хурolia 2022: 73]⁸. Хотя его реализация

⁵ О поправке Джексона–Вэника см. подробнее: [Юнгблюд, Ильин 2020; Юнгблюд 2024].

⁶ Хельсинкский процесс – серия международных переговоров, начавшихся с Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1973–1975 годах и завершившихся подписанием Хельсинкского заключительного акта в 1975 году. Процесс заложил основу для диалога между Востоком и Западом в период разрядки, объединив вопросы безопасности, экономического сотрудничества и прав человека.

⁷ См. например: Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS). 1969–1976. Vol. XXXV. Wash.: GPO, 2014. P. 272–277; Ibid. Vol. XXXIX. Wash.: GPO, 2007. P. 623–626.

⁸ FRUS. 1969–1976. Vol. XXXV. P. 378–381; PUBLIC LAW 94-329–JUNE 30, 1976. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-90/pdf/STATUTE-90-Pg729.pdf> (accessed: 12.06.2025). P. 748; U.S. GOVERNMENT > Introduction to the U.S. System > Guiding Principles > Basic Readings in U.S. Democracy. URL: https://web-archiver-2017.ait.org.tw/zhtw/DOCS/basic_reading/54.html (accessed: 12.06.2025).

Первый отчёт вышел в 1977 г. уже при следующем президенте Дж. Картере. См.: Human rights practices in countries receiving U.S. security assistance. Washington, D.C.: GPO, 1977. 137 p. В 1981 г. Госдепартамент организовал анкетирование руководителей посольств США на предмет эффективности практики подготовки подобных отчётов. Из американских посольств в 143 странах в 100 случаях дипломаты сочли, что отчёты не повлияли существенно на реализацию национальных интересов Соединённых Штатов в соответствующих регионах. В 33 случаях эффект был в целом положительным, а в 11 – негативным. Голоса на тему целесообразности продолжения этой практики разделились, и результат был неопределённым. См.: FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. Wash.: GPO, 2017. P. 155–156.

была ограниченной, закон стал частью последующей нормативной перестройки внешней политики.

В ходе предвыборной кампании 1976 г. стала набирать популярность правозащитная риторика кандидата в президенты США Джеймса Картера (1977–1981). Его биографы подчёркивают, что его интерес к правам человека был искренним и восходил к религиозной этике и стремлению восстановить моральный авторитет Соединённых Штатов, а не только к электоральной целесообразности. Он активно противопоставлял себя внешнеполитическому реализму, утверждая, что настоящая сила США основана на идеалах, и обещая дипломатию, основанную на фундаментальных ценностях и направленную на гуманистические цели [Schmitz, Walker 2004: 119]. В своей инаугурационной речи Картер подчеркнул, что «мир должен основываться не на оружии, а на политике, отражающей наши самые главные ценности»⁹. В мае 1977 года, выступая в Университете Нотр-Дам, Картер заявил о необходимости проведения внешней политики, опирающейся на «строгие моральные максимы» и использующей американское влияние для гуманистических целей¹⁰.

Эти заявления легли в основу дальнейших институциональных шагов. В 1977 г. Картер поручил СНБ подготовить обзор внешней политики США с точки зрения вопросов защиты прав человека¹¹. В 1978 г. президент подписал директиву PD/NSC-30, в которой закреплял защиту прав человека в качестве одной из основных целей американской внешней политики. Тем не менее арсенал для продвижения данной

повестки был довольно скромным — публичные и символические действия, а также мягкое дифференцирование распределения американской помощи. Рекомендовалось в большей степени использовать методы поощрений, а не наказаний иностранные государства¹².

Продвигался и процесс создания внутри исполнительной власти инфраструктуры правозащитной координации. В середине 1977 г. администрация Картера поддержала предложение Конгресса ввести должность помощника госсекретаря по правам человека и гуманитарным вопросам, которую заняла известная активистка Патрисия Дериан [Schoultz 1981: 124–125]¹³. Под эту должность в дипломатическом ведомстве создавался профильный отдел¹⁴. В 1978 г. был ужесточён Закон об иностранной помощи: декларативное требование защиты прав человека было заменено на юридический запрет помощи нарушающим права человека странам [Chapell 2023: 9].

Вместе с тем попытки институционализировать проведение моральной внешней политики наталкивались на серьёзные ограничения. *Во-первых*, администрация Картера не была монолитной. Госсекретарь Сайрус Вэнс был сторонником умеренной линии, тогда как советник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский ориентировался на противостояние с СССР. Подобное расхождение во взглядах разрушало целостность курса.

Во-вторых, администрация Картера использовала умеренный подход к реализации политики прав человека в международных финансовых и гуманитарных отношениях. Из более чем 400 голосований

⁹ The Avalon Project: Inaugural Address of Jimmy Carter. 20.01.1977. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/carter.asp (accessed: 12.06.2025).

¹⁰ Address at Commencement Exercises at the University of Notre Dame // The American Presidency Project. 22.05.1977. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-commencement-exercises-the-university-notre-dame> (accessed: 12.06.2025).

¹¹ Presidential Review Memorandum/NSC–28: Human Rights. 08.07.1977. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/prm/prm28.pdf> (accessed: 12.06.2025).

¹² FRUS. 1977–1980. Vol. II. Wash, GPO: 2013. P. 405–407.

¹³ PUBLIC LAW 95-105—AUG. 17, 1977. URL: <https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-91/STATUTE-91-Pg844.pdf> (accessed: 12.06.2025).

¹⁴ FRUS. 1981–1988. Vol. I. Wash.: GPO, 2022: P. 83–86.

по выдаче кредитов международными финансовыми институтами администрация отклонила 9 и воздержалась по 14 заявкам на основании нарушений прав человека. В рамках двусторонней помощи правозащитная повестка оказала влияние на 22 случая из сотен запросов, что затронуло 13 стран, включая Аргентину, Чили, Филиппины и Уругвай. Подобная практика отражала стратегию усиления «поощрений, а не санкций» [Schmitz, Walker 2004: 137]. Исполнительная власть сохраняла возможности обходить налагаемые Конгрессом ограничения, а автоматический механизм принудительного применения положений упомянутого выше Закона об иностранной помощи отсутствовал.

Между тем институциональные нововведения имели долгосрочный эффект. Как отмечают Дэвид Шмитц и Ванесса Уокер, администрации Картера удалось разработать и институционализировать политику по правам человека, сделав правозащиту центральным фактором при принятии внешнеполитических решений [Schmitz, Walker 2004: 136]. Речь шла не столько о результатах конкретной политики, сколько о закреплении нового нормативного языка во внешнеполитической практике. Закрепление прав человека в отчётах, директивах и кадровых назначениях придавало риторике статус операциональной нормы, укоренив её в бюрократической логике. По словам Барбары Киз, при Картере права человека официально вошли в дипломатию США, став «мантрой», которая помогла стране заявить о своей добродетели после поражения во Вьетнаме и «Уотергейта» [Keys 2014: 10].

Одновременно права человека стали инструментом идеологического давления. Картер выступал неоднократно в защиту диссидентов, в том числе советских. По инициативе Вашингтона данная проблематика выносилась на обсуждение Генеральной ассамблеи ООН¹⁵. Санкции избирательно применялись и к ключевым союз-

никам и партнёрам США в отдельных регионах, включая ограничения на поставки оружия в Аргентину и Уругвай [Schmitz, Walker 2004: 137].

Несмотря на искренность намерений и ряд последовательных шагов, администрация Картера не сумела (и не имела цели) превратить правозащитную повестку в устойчивое нормативное лидерство. Попытки встроить моральные оценки в процесс принятия внешнеполитических решений оставались ограниченными и наткнулись на внутренние противоречия, слабую законодательную базу и ограниченность инструментария. Наконец, администрация Картера сосредоточилась на защите базовых прав — борьбе с пытками и политическими убийствами — а не на институционализации более широких политических свобод, таких как свобода слова, свобода объединений и возможность проводить подлинные, а не формальные, периодические выборы. В конце 1970-х годов администрация Картера стала отходить от принципиальной правозащитной линии. Приоритеты сместились в сторону стратегической стабильности и антикризисного реагирования [Hartmann 2001: 418–419]. Тем не менее именно Картер привнёс во внешнюю политику этическое измерение, но не обеспечил создание стабильной инфраструктуры его продвижения. При нём был сформирован новый нормативный язык и заложены административные практики, которые получили развитие в период правления президента США Рональда Рейгана (1981–1989).

Институционализация:

Рейган и попытки закрепления нормативного лидерства США

В ходе своей предвыборной кампании 1980 г. Р. Рейган подвергал серьёзной критике политику Дж. Картера в области прав человека, утверждая, что та избирательна и наносит ущерб отношениям США с союзниками, поскольку сосредоточена на нару-

¹⁵ Например, в случае с арестом советского физика Ю.Ф. Орлова в 1977 г. за диссидентство. См.: [Peterson 2014: 635–636].

шениях в авторитарных режимах, но игнорирует аналогичные или даже более грубые нарушения в СССР и других социалистических государствах. Позднее Рейган напишет, что почувствовал в конце 1970-х годов, что Соединённые Штаты начали отказываться от исторической роли духовного лидера «свободного мира» и главного защитника демократии: «Часть нашей решимости ушла вместе с частью нашей приверженности отстаиванию ценностей, которые мы лелеяли»¹⁶. После избрания президентом Рейган последовательно подчёркивал важность религиозных свобод и осуждал преследования верующих в коммунистическом блоке, позиционируя эти вопросы как приоритетные в американской внешней политике [Turek 2021: 213]. Как отмечают авторы монографии «Лидер на фоне эпохи», победа на выборах 1980 года, по убеждению Рейгана, давала ему право на лидерство в международных делах [Лидер на фоне эпохи: 58].

Переход от демократической к республиканской администрации ознаменовал собой резкую активизацию процесса институционализации нормативного лидерства США. Ещё до инаугурации нового президента американский посол в Югославии Лоуренс Иглбергер¹⁷ адресовал назначенному госсекретарю Александру Хейгу (1981–1982) меморандум, в котором предлагал не отказываться от риторики прав человека, а переосмыслить её функциональную роль. «Ньюансированная политика в области прав человека, сохраняющая чувство меры, есть мощное оружие против Советов, времена-

ми эффективный инструмент в отношениях с бывшими друзьями, а также кивок в сторону левых в нашей стране», — писал Иглбергер, подчёркивая необходимость политического контроля и прагматического подхода к теме, активно продвигаемой в предшествующие годы¹⁸. Риторика прав человека из идеалистической доктрины должна была трансформироваться в управляемый механизм внешнеполитического давления на противников США и оппонентов в лагере «свободного мира» — основу формирующейся институциональной архитектуры американского нормативного лидерства.

Как показало время, Хейг воспользовался советом коллеги. Первым шагом нового госсекретаря стала перестройка сформированной при Картере структуры государственной внешнеполитической правозащиты. Ограниченный принятыми при Дж. Форде и Дж. Картере законами, новый госсекретарь уже на следующий день после занятия должности стал изыскивать способы избавиться от созданного ранее Отдела по правам человека, передав тематику различным бюро Госдепартамента¹⁹. Американской делегации в Комиссии ООН по правам человека было указано не усиливать критику дружественных Вашингтону латиноамериканских стран и фактически прикрывать их от нападок европейских союзников США²⁰. При этом Хейг стремился демонстративно показать разрыв с внешнеполитическим наследием Картера²¹.

Внешнеполитическим приоритетом Вашингтона в этот период с подачи консер-

¹⁶ Reagan R. *An American Life*. New York: Simon&Schuster, 1990. P. 266.

¹⁷ Сам он характеризовал себя как «человек, потративший 3,5 года, чтобы не пустить Пэт [Патрисию — прим. ред.] Дерриан в Белград». См.: FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 112. При Рейгане был назначен помощником госсекретаря по европейским вопросам. На протяжении 1980–1990-х годов Иглбергер занимал ключевые посты в Госдепартаменте, включая должность госсекретаря при Дж. Буше-старшем. Хотя Иглбергер считался прагматиком и реалистом во внешней политике, в постсоветский период он поддерживал стратегию «управляемой демократизации» в Восточной Европе, акцентируя при этом стабильность и сотрудничество с лояльными элитами. Выступал за усиление роли США в посткоммунистическом пространстве, особенно в контексте сдерживания влияния России.

¹⁸ FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 112.

¹⁹ FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 120–121.

²⁰ Ibid. P. 121–122.

²¹ Ibid. P. 122–126.

ваторов стала борьба с международным терроризмом. На первой же своей пресс-конференции Хейг заявил, что она заменит правозащитную деятельность во внешнеполитической практике, поскольку терроризм является наиболее тяжким нарушением прав человека [Snyder 2011: 139]. Это спровоцировало беспокойство активистов-правозащитников, опасавшихся, что защита прав человека может уйти на второй план²².

Ещё одной угрозой в их глазах стало назначение Эрнеста Лефевра на пост помощника госсекретаря по вопросам прав человека. Лефевр являлся критиком правозащитной политики Картера с позиций реализма: он утверждал, что у США нет моральных прав переустроить мир по своему подобию [Human Rights and US Foreign Policy 1984: 31–32]. Дискуссия о его назначении быстро превратилась в дебаты о месте правозащитной проблематики в американской внешней политике. Рассматривая СССР как систематического нарушителя прав человека в мире, Лефевр предлагал сосредоточить огонь критики на социалистических странах, замалчивая преступления властей стран-союзников Вашингтона в публичном поле, разбираясь с ними негласно. Подобная позиция вызвала неодобрение со стороны правозащитных организаций и части конгрессменов, которые считали, опираясь на положения Закона об иностранной помощи, что Лефевр не разделяет ценности, которые обязан продвигать *ex officio*²³.

Столкнувшись с давлением общества, Хейг был вынужден смягчить курс и прояснить свою позицию для широкой публики. На заседании Трёхсторонней комиссии²⁴ 31 марта 1981 г. он произнёс речь,

в которой заявил, что права человека «не только совместимы с национальными интересами США, но и составляют неотъемлемую часть американского подхода». При этом он предлагал ввести различие между «тоталитарными» — просоветскими — и «авторитарными» — антикоммунистическими — режимами²⁵. Только первые в силу своей идеологической закрытости и агрессивности подлежали активному внешнеполитическому осуждению. Авторитарные же режимы даже при наличии серьёзных нарушений прав человека рассматривались как потенциально реформируемые, а потому достойные дипломатического сопровождения, а не изоляции. Такая избирательность позволяла администрации оправдывать поддержку союзников, нарушающих права человека, сохраняя правозащитную риторику в отношении советского блока. Хейг подчёркивал, что права человека не должны рассматриваться как «единственная добродетель» внешней политики, а должны быть интегрированы в дипломатию наряду с другими задачами — в первую очередь противодействием «врагам прав человека». Таким образом, была озвучена модель прагматичного нормативного лидерства, в котором моральные принципы подчинялись стратегическим приоритетам²⁶.

Этот подход был основан на предложенных Лефевром принципах. Он был убеждён, что ещё в большей степени чем действиями национальных правительств права человека нарушаются в моменты внешней агрессии, подрывной деятельности и терроризма, поэтому помощник госсекретаря предлагал расставить внешнеполитические приоритеты соответствующим образом²⁷.

²² FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 120–121, 132–137.

²³ Martin D. Ernest W. Lefever, Rejected as a Reagan Nominee, Dies at 89 // The New York Times. 05.08.2009; FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 129–132, 148–153.

²⁴ Неправительственная организация, состоящая из представителей Северной Америки, Западной Европы и Азии и созданная в целях укрепления сотрудничества между странами регионов.

²⁵ Автором концепции разделения авторитаризма и тоталитаризма являлась постоянный представитель США при ООН Джин Киркпатрик. См. [Snyder 2011: 140].

²⁶ Excerpt's from Haig's Speech on Human Rights and Foreign Policy // The New York Times. 1981. April, 21. P. 6.

²⁷ FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 137–139.

Тем не менее 5 июня 1981 г. Лефевр был вынужден покинуть свою должность под давлением Конгресса США²⁸.

Процесс перестройки внешней политики был уже запущен, и оставшаяся от Картера оболочка стала получать институциональное наполнение. В частности, акцент при подготовке отчётов по положению с правами человека в иностранных государствах был смещён в сторону гражданских и политических, а не социальных прав, что было удобно для критики социалистических режимов. Процесс подготовки дополнительно бюрократизировался и встраивался в логику принятия решений о предоставлении помощи. Отныне полагалось фиксировать и нарушения, допускаемые представителями оппозиции и повстанческих движений, что позволяло обосновывать отдельные действия правительств дружественных США стран²⁹ и косвенно увязывало борьбу за права человека с контртеррористической активностью Вашингтона.

Новая политическая стратегия рождалась на стыке либеральной и консервативной риторик, которыми пыталась воспользоваться республиканская администрация. Необходимый баланс был нащупан не без труда: 2 октября 1981 г. занявший к этому времени пост начальника европейского отдела Госдепартамента Лоуренс Иглбергер и директор планирования политики дипломатического ведомства Пол Вулфовиц рекомендовали документально закрепить базовые принципы новой политики. На смену неэффективной и интервенционистской политике Картера должен был прийти двухуровневый подход, сочетающий укрепление репутации США как надёжного союзника, экономическую поддержку развивающихся стран, продвиже-

ние демократических ценностей по всему миру, усиление роли международного права с оказанием постоянного давления на советский блок и выборочной реакцией на грубые нарушения прав человека в остальных странах, преимущественно в форме негласного давления. Предлагались и институциональные изменения: усиление роли Бюро по правам человека в составе Госдепартамента, создание межведомственной группы по вопросам прав человека и военной помощи, отмена части поправок, увязывающих экспорт вооружений и соблюдение прав человека. Прямо утверждалось, что партнеры США должны по умолчанию иметь право на получение необходимого американского оружия вне прямой зависимости от ситуации с правами человека. Лишь в случаях, когда законодательные требования и позиция Конгресса США делали это невозможным, допускались отдельные исключения из этого правила³⁰.

В рамках новой американской стратегии предлагалось голосовать за предоставление международных кредитов тем странам, где наблюдается значительный прогресс в области прав человека, и воздерживаться или голосовать против в случае серьёзного и устойчивого ухудшения ситуации — вне зависимости от того, являются ли эти страны союзниками США. Такая позиция должна была подчеркнуть последовательность политики и избежать обвинений в лицемерии. Для сохранения авторитета в международных организациях рекомендовалось чётко обосновывать каждое решение о голосовании. Предлагалось сохранить подготовку ежегодных докладов о соблюдении прав человека за Госдепартаментом и дополнить их информацией о деятельности оппозиционных и террористических групп³¹.

²⁸ *Martin D.* Op. cit.

²⁹ FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 157–159.

³⁰ *Ibid.* P. 162–166. Исключения касались лишь случаев, когда прямые законодательные запреты, гарантированная оппозиция Конгресса или риск принятия нового ограничительного закона делали поставки невозможными. В меморандуме отдельно оговаривалось, что в сфере полицейских средств действует обратная презумпция: лицензирование при нарушениях прав человека практически исключалось.

³¹ *Ibid.* P. 165–166.

Таким образом, этот меморандум, в котором заметна преемственность с более ранними соображениями Лефевра и Иглбергера, выступил предвестником многих ключевых элементов американской нормативной власти, включая «двойные стандарты». Несмотря на несомненную антисоветскую направленность, предлагаемая стратегия выходила за её рамки и обрела подлинно универсальный – как по охвату, так и по значению – характер. Парадоксально, но Иглбергер и Вулфовиц предлагали вывести тематику прав человека даже на более высокий уровень, чем она занимала при Картере, органично интегрировав её в процесс формирования внешней политики.

В октябре 1981 г. первый заместитель госсекретаря Уильям Кларк и заместитель государственного секретаря по вопросам управления Патрик Кеннеди, формулируя программу США в сфере защиты прав человека, писали в меморандуме: «Права человека лежат в основе нашей внешней политики, поскольку они занимают центральное место в представлении Америки о себе. Эта страна не “была предоставлена сама себе”. Она была создана с определёнными политическими целями. Верно, что как Америка изобрела “права человека”, так и концепции свободы изобрели Америку. Из этого следует, что “права человека” – это не то, что мы добавляем к нашей внешней политике, а её само предназначение: защита и продвижение свободы в мире. <...> мы никогда не сохраним широкую общественную поддержку нашей внешней политики, если не сможем связать её с американскими идеалами и защитой свободы». В интерпретации Кларка и Кеннеди СССР представлял экзистенциальным врагом Вашингтона не из-за разницы

в экономических системах или устройстве общества, а из-за своего отношения к свободе. Эффективная политика в области прав человека должна была укрепить моральное превосходство Запада и удерживать союзников США от нейтралитета. Кларк и Кеннеди в основном повторяли тезисы Иглбергера и Вулфовица и, предупреждая об издержках данного курса, подчёркивали, что поставленные цели их оправдывают³².

Фрагменты этого меморандума были целенаправленно обнародованы в газете «Нью-Йорк таймс» с целью смягчить критику действующей администрации со стороны американской общественности [Snyder 2011: 140].

Предложения Кларка и Кеннеди, которые были приняты за основу политики США в сфере прав человека³³, делали невозможной идею сосуществования двух систем. Ялтинская логика раздела сфер влияния и взаимного уважения суверенитета сверхдержав стремительно утрачивала актуальность: Соединённые Штаты заявляли право оценивать внутреннюю политику других государств через призму универсальных норм, а не компромиссов. В этом контексте СССР рассматривался не как равноправный участник мирового порядка, а как воплощение системного отклонения от допустимого. Пост главы Бюро Госдепартамента по правам человека уже нельзя было доверять активистам-правозащитникам, как было при Картере. Под влиянием меморандума Иглбергера и Вулфовица в ноябре 1981 г. эта вакантная должность была предложена Эллиоту Абрамсу – представителю истеблишмента, республиканцу, ранее работавшему с антикоммунистически настроенными демократическими сенаторами³⁴.

³² FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 167–170.

³³ Ibid. P. 209.

³⁴ Ibid. P. 165–166. В дальнейшем Э. Абрамс известен как куратор поддержки антикоммунистических движений в Латинской Америке (включая Никарагуа, Сальвадор и Гватемалу), зачастую в обход Конгресса. В 2001–2009 годах в Совете национальной безопасности США отвечал за демократическое развитие на Ближнем Востоке. В 2019 г. был назначен специальным представителем по Венесуэле и курировал политику давления на режим Н. Мадуро с акцентом на «восстановление демократии».

В январе 1982 г. Хейг поручил ему интегрировать проблематику прав человека в работу всех региональных и функциональных подразделений дипломатического ведомства согласно приведённым выше предложениям. Если год назад госсекретарь мог позволить себе написать на полях документов по теме прав человека, связанных с визитом и.о. президента Аргентины Роберто Виолы: «Никогда! Вы неправы, неправы, неправы» и «Чушь, оставь его в покое!»³⁵, то теперь он сам требовал, чтобы американские дипломаты активно включали тему прав человека в повестку контактов с иностранными правительствами³⁶. Изменения затронули и политику США в ООН. К примеру, американцы стали сознательно смещать фокус дискуссий с вопросов разоружения на положение с правами человека в СССР: широко обсуждалась среди прочего проблема карательной психиатрии³⁷.

Наиболее ярким риторическим выражением новой внешнеполитической концепции США в этот период стала знаменитая речь Рейгана от 8 марта 1983 года, в которой тот назвал СССР «империей зла». Значимая часть выступления президента была посвящена противопоставлению свободы и тоталитаризма. Рейган раскритиковал идею заморозки глобального противостояния, заявив, что Соединённые Штаты никогда не поступятся своими принципа-

ми и предложил молиться о спасении тех, кто живёт в тоталитарной тьме и проповедует превосходство государства над отдельным человеком³⁸.

В январе 1982 г. Кларк пошёл на повышение, став советником президента по вопросам национальной безопасности. Тем временем концепция, соавтором которой он являлся, продолжала развиваться. Весной 1982 г. торговый представитель США Уильям Брок, заручившись поддержкой руководства обеих партий, предложил Рейгану организовать исследование возможностей продвижения демократических ценностей и институтов в других странах³⁹. Идея была поддержана. Публично новое направление работы было анонсировано в речи Р. Рейгана в британском парламенте 8 июня 1982 года. Американский президент заявил об универсальной ценности демократии, существовании права всех людей на участие в свободных выборах и необходимости начать глобальную кампанию по продвижению этих идей⁴⁰. Её ключевым органом должен был стать условный «Институт демократии», который задумывался по образцу западногерманских политических фондов⁴¹. Первоначально планировалось передать реализацию проекта Информационному агентству США⁴², но этому помешали окружавшие его директора скандалы⁴³. По настоянию Конгресса США разработка принципов функциони-

³⁵ FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 122–126.

³⁶ Ibid. P. 171–172.

³⁷ Ibid. P. 174–175.

³⁸ *Reagan R.* "Evil Empire," Speech Text // *Voices of Democracy*. 08.03.1983. URL: <https://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/> (accessed: 12.06.2025).

³⁹ State Department Bill. An article from *CQ Almanac 1983*. URL: https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal83-1198504#_ (accessed: 12.06.2025).

⁴⁰ *Reagan R.* Address to Members of the British Parliament // *Ronald Reagan Library*. 08.06.1982. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-members-british-parliament> (accessed: 12.06.2025).

⁴¹ Например, Фонд Конрада Аденауэра или Фонд Фридриха Эберта. Эти немецкие фонды тесно связаны с основными партиями ФРГ и занимаются продвижением «демократических» ценностей за рубежом, финансированием образовательных программ, поддержкой СМИ и т. п. Обе организации объявлены нежелательными на территории Российской Федерации в соответствии с решениями Генеральной прокуратуры от 31.07.2024 и от 14.02.2024 года, соответственно.

⁴² Орган внешнеполитической пропаганды США.

⁴³ *Franklin B.* Project Democracy Takes Wing // *The New York Times*. 29.05.1984. P. 10. Репутацию Агентства серьёзно подорвали вскрывшиеся в 1981–1982 гг. факты несанкционированной записи телефонных разговоров и обвинения в кадровом фаворитизме в отношении директора USIA Чарльза Уика.

рования нового учреждения стала осуществляться под руководством представителей обеих ведущих американских политических партий, профсоюзов, бизнеса и правозащитного сообщества⁴⁴.

Программа создания Национального фонда демократии⁴⁵ была готова к середине 1983 года. По замыслу её составителей фонд должен был стать негосударственной, но финансируемой Конгрессом США структурой, способной координировать деятельность политических, социальных и деловых организаций США по продвижению демократических ценностей за рубежом. Предполагалось, что Фонд будет действовать через четыре автономных звена — два партийных, профсоюзных и бизнес-институты, а также через различные НПО, получающие гранты. Инициаторы проекта стремились отмежеваться от практик тайного вмешательства времён ЦРУ, предлагая «квазигосударственную» модель устойчивой поддержки демократического развития в других странах на основе плюралистического консенсуса между партиями и группами интересов в самих Соединённых Штатах. Фонд должен был управляться независимым советом директоров, но контролироваться американскими законодателями⁴⁶.

Характерно, что эти планы подвергались критике в прессе, указывающей на противоречие между философией Рейгана (частная инициатива, свободный рынок) и фактом, что частные структуры будут фактиче-

ски распределять государственные средства. Предлагаемая модель могла вызвать подозрения у зарубежных получателей помощи. Гранты, формально идущие от частных американских организаций, на самом деле финансировались правительством через Информационное агентство США. В качестве альтернативы предлагались публичные и открытые государственные программы⁴⁷.

Несмотря на критику, 19 ноября 1983 г. Конгресс данную программу утвердил⁴⁸. При этом директор Центральной разведки Уильям Кейси был вынужден письменно согласиться, что представители Разведывательного сообщества США не будут работать в новой организации⁴⁹. В декабре Национальный фонд демократии начал свою работу. Главой этой организации стал Карл Гершман⁵⁰, ранее работавший в аппарате составителя концепции о разнице подходов к авторитарным и тоталитарным государствам Дж. Киркпатрик. Рейган сделал поддержку Фонда личным приоритетом. На первые два года работы организация получила около 62 млн долларов бюджетных средств [Inboden 2022: 179]⁵¹.

В речи на церемонии начала работы Фонда Рейган охарактеризовал его как институциональное выражение американской приверженности демократии, подчеркнув необходимость «миссионерской» деятельности в условиях глобального идеологического соперничества. Он представил демократизацию как универсальную цель,

⁴⁴ State Department Bill. An article from CQ Almanac 1983. URL: https://library.cqpress.com/cqalmanac/document.php?id=cqal83-1198504#_ (accesse: 12.06.2025).

⁴⁵ Объявлен нежелательной организацией на территории Российской Федерации в соответствии с решением Генеральной прокуратуры №1 от 28.07.2015 года.

⁴⁶ Proposed Prohibition of Employment of Former/Active Intelligence Personnel by The Proposed National Endowment for Democracy // CIA FOIA. 27.10.1983. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp95b00895r000300030020-8> (accessed: 12.06.2025).

⁴⁷ Crusading for Democracy. 1983. May 16 // CIA FOIA URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp90-00806r000200920002-6> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴⁸ 22 USC 4411: Findings; statement of purposes // US House of Representatives. URL: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:22%20section:4411%20edition:prelim\)](https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:22%20section:4411%20edition:prelim)) (accessed: 12.06.2025).

⁴⁹ Restrictions on Peace Corps Service by Current And Former Agency Employees // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85m00364r001703270007-8> (accessed: 12.06.2025).

⁵⁰ Оставался на посту до 2021 года.

⁵¹ *Franklin B.* Op. cit.

требующую культурной адаптации и долгосрочной ресурсной поддержки со стороны государства и гражданского общества США⁵². Представители Госдепартамента продвигали идею фонда в американских СМИ, к примеру позиционируя его как институт, способный создавать условия, при которых «советская дезинформация» не сможет функционировать⁵³.

В СССР появление новой структуры не прошло незамеченным, и 18 декабря 1983 г. по центральному телевидению в программе «Время» было заявлено, что цель Национального фонда демократии заключается не в продвижении истинных демократических ценностей, а в осуществлении тонкой формы идеологической диверсии. Под прикрытием «распространения свободы» и «поддержки гражданского общества» Фонд займётся вмешательством во внутренние дела суверенных государств, подрывая неудобные США режимы и продвигая проамериканские силы. По мнению советской стороны, новой организации была уготована роль инструмента психологической войны, маскирующегося под благотворительные инициативы, но на деле направленного на дестабилизацию, разжигание протестов и легитимизацию вмешательства во имя «демократии»⁵⁴.

Одновременно с созданием специально фонда под задачи продвижения демократии были перепрофилированы уже существующие Агентство США по между-

народному развитию⁵⁵ и Информационное агентство США⁵⁶. Создавались и целевые фонды, сосредоточенные на продвижении демократии и прав человека в отдельных странах мира, например, в ЮАР⁵⁷.

Институциональным усилием содействовала непрекращающаяся системная работа по дискредитации советской политики в сфере соблюдения прав человека⁵⁸. Параллельно укреплялись связи с европейскими союзниками США. Американцы предложили создать механизм регулярных консультаций, на которых бы обсуждались вопросы правозащиты⁵⁹. Происходил переход к системной правозащитной политике в рамках трансатлантического сотрудничества.

Наконец, именно в 1983 году, впервые после войны во Вьетнаме, апелляция к правам человека и универсальным ценностям стала не просто моральным сопровождением дипломатического давления, а ключевым элементом легитимации одностороннего применения военной силы. В преддверии вторжения США на Гренаду (25–27 октября 1983 года) американское руководство столкнулось с необходимостью срочно обосновать допустимость прямого и масштабного военного вмешательства в условиях поствьетнамского общественного и политического контекста. Требовалось убедительно объяснить как правовую основу операции, так и её стратегическую цель. Проблема к тому времени

⁵² FRUS. 1981–1988. Vol. I. Wash.: GPO, 2022. P. 745–746.

⁵³ US/USSR/Disinformation // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp88-01070r000201350013-5> (accessed: 12.06.2025).

⁵⁴ Reagan Launches 'Psychological Warfare Agency' // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp09-00997r000100300007-9> (accessed: 12.06.2025).

⁵⁵ Создано в 1961 году. До 1983 г. специализировалось на оказании экономической помощи, развитии инфраструктуры, здравоохранении, сельском хозяйстве, борьбе с бедностью и образовательных программах в странах третьего мира. Главной целью было содействие экономическому росту и стабильности дружественных США стран, как правило, в контексте сдерживания коммунизма.

⁵⁶ Создано в 1953 году. До 1983 г. занималось публичной дипломатией – распространением информации о США и их политике через радио (например, «Голос Америки»), культурные программы, обмена студентами и учёными, а также публикацию материалов за рубежом. Главной задачей было формирование положительного образа Соединённых Штатов в мире.

⁵⁷ FRUS. 1981–1988. Vol. I. P. 774.

⁵⁸ См. например: *Ibid.* Vol. XLI. P. 186. FRUS. 1981–1988. Vol. XLI. P. 186–192.

⁵⁹ *Ibid.* P. 193, 203–205.

уже назрела: схожие вопросы возникали при принятии решений в отношении событий на Ближнем Востоке и в Чаде⁶⁰.

Примечательно, что до принятия решения о применении силы американцы руководствовались в первую очередь геополитической логикой. Большие опасения в Вашингтоне вызывало строительство на Гренаде аэродрома, способного принимать самолёты стратегической авиации. В обращении к нации весной 1983 г. Рейган также указывал на опыт германского подводного флота во время Второй мировой войны, который сумел нанести существенный урон американской торговле в регионе Карибского моря даже в отсутствии мест базирования⁶¹.

На этом фоне легитимация интервенции в Гренаду стала прообразом обоснования гуманитарных интервенций 1990–2000-х годов, в которых США выступали как «гарант свободы» вне формальных международных процедур. Обращаясь к нации 27 октября, в момент начала операции, Рейган заявил, что целью её было спасение американских граждан, которые могли подвергнуться опасности вследствие военного переворота, а также защита прав человека и восстановление демократии. По словам президента США, вторжение было инициировано по просьбе членов Организации восточно-карибских государств⁶².

Подобный подход знаменовал собой отход от принципа невмешательства и ялтинской логики раздела сфер влияния в пользу нового типа нормативного лидерства, в рамках которого Вашингтон заявлял исключительное право на интерпретацию и защиту прав человека как глобальной

миссии. Гуманитарная риторика была интегрирована в стратегию силы. Операция продемонстрировала, что США готовы применять силу без одобрения ООН или широкого международного консенсуса, и завершилась за три дня полной победой Соединённых Штатов. Леворадикальное правительство острова было свергнуто, и Гренада вернулась в ряды подконтрольных Вашингтону государств Карибского региона.

Переход к следующему этапу формирования американской системы нормативного лидерства был анонсирован в речи госсекретаря Джорджа Шульца зимой 1984 года. Перечисляя достижения институционализации системы продвижения демократии, он не скрывал претензии на универсализацию конструируемых норм: «Демократии могут составлять меньшинство в мире в целом, но неверно, что так должно быть всегда. Свобода — это не культурно ограниченное изобретение Запада, а стремление к ней народов по всему миру — от Барбадоса до Ботсваны, от Индии до Японии»⁶³.

Уже к 1983–1984 годам начинается стадия проекции: артикулированные и институционализированные нормы выходят за пределы исключительно внутренней внешнеполитической практики и начинают позиционироваться как универсальные стандарты мирового порядка. Создание Национального фонда демократии, репрофилирование внешнеполитических агентств, включение правозащитной тематики в международные консультации и легитимация военных действий через апелляцию к правам человека — всё это свиде-

⁶⁰ В 1981–1983 годах США сталкивались с аналогичными проблемами при реагировании на действия Ливии — от военных столкновений в заливе Сидра до обвинений в поддержке международного терроризма, — а также при оказании военной и политической помощи правительству Чада, противостоявшему ливийским интервенциям и вооружённым формированиям. Обе ситуации вызывали дискуссии о правовых основаниях американского вмешательства и его соответствии международным нормам. *Ibid.* Vol. I. P. 716–717. З.

⁶¹ *Ibid.* P. 565, 604.

⁶² Address to the Nation on Events in Lebanon and Grenada // Ronald Reagan Library. 27.10.1983. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-events-lebanon-and-grenada> (accessed: 12.06.2025).

⁶³ FRUS. 1981–1988. Vol. I. P. 774.

тельствоvalo о переходе к внешней проекции нормативной системы. Именно в этот период США начали претендовать не только на право формулирования собственных стандартов, но и на роль арбитра глобальной допустимости, определяющего, какие нормы применимы ко всем, а какие — избирательно.

После 1984 г. внешняя политика США быстро оформилась как практика универсализации нормативного лидерства. Поддержка правозащитных и продемократических движений в странах Латинской Америки, Азии и Восточной Европы приобрела регулярный и координированный характер. Параллельно сформировалась нормативная оболочка силовой политики: бомбардировки Ливии (1986) и интервенция в Панаму (1989—1990), а также поддержка вооружённых формирований в Никарагуа и Афганистане сопровождалась апелляцией к защите прав человека, борьбе с терроризмом и сопротивлению тоталитаризму. Программа «Стратегическая оборонная инициатива» также получила идеологическое обоснование в терминах глобального морального долга по защите мира от ядерного шантажа [Лидер на фоне эпохи: 63—65]⁶⁴. США активизировали участие в международных форумах, продвигая тезис о всеобщей применимости либеральных ценностей. Не отставала и гуманитарная составляющая нормативного лидерства: оказывая помощь Эфиопии в условиях голода и выделяя средства на борьбу с эпидемией СПИДа⁶⁵, Вашингтон закреплял за собой образ глобального защитника неотъемлемых прав вне зависимости от геополитической конъюнктуры. Этот

процесс не имел заранее заданной траектории: институционализация норм происходила не по чёткому плану, а в результате взаимодействия ситуативных решений, политических кризисов и бюрократической адаптации. В совокупности эти меры закрепили представление о США как носителе универсальных норм, обладающим исключительным правом на их интерпретацию, распространение и применение, в том числе в обход международных процедур. Их внешняя проекция стала возможна благодаря институционализации нормативного лидерства Соединённых Штатов в 1981—1983 годах.

* * *

Институционализация нормативного лидерства США являлась не стихийным, а сконструированным процессом, результатом системных решений, принятых на уровне высшей администрации и поддержанных необходимыми реформами.

По мере встраивания в государственные структуры, идеологической адаптации и институционального укоренения новая нормативная структура постепенно становилась всё более важным инструментом внешней политики. Именно эта система позволила концентрировать политические, финансовые и интеллектуальные ресурсы американского общества в рамках прагматичной внешнеполитической стратегии. Впервые правозащитная политика обрела многоуровневую институциональную опору, охватывавшую исполнительную и законодательную власть, ключевые партии, деловые круги, профсоюзы и правозащитные организации. Созданная конфигура-

⁶⁴ Address to the Nation on Defense and National Security // Ronald Reagan Library. 23.03.1983. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-defense-and-national-security> (accessed: 12.06.2025).

⁶⁵ Так, USAID сыграло одну из ключевых ролей в процессе учреждения глобальной программы ВОЗ по борьбе со СПИДом (1987 г.). Соединённые Штаты участвовали и в формировании этой программы, и в поиске финансирования для неё (около 44 млн. долларов на 1987 г.). FRUS. 1981—1988. Vol. XI. P. 62. В дальнейшем США осуществляли и прямое финансирование программы ВОЗ по борьбе со СПИДом (в 1986—1991 гг. на эти цели ушло 88,5 млн. долларов). Соединённые Штаты являлись крупнейшим донором данных программ ВОЗ в мире. См.: U.S. General Accounting Office. Foreign Assistance: Combating HIV/AIDS in Developing Countries. URL: <https://www.gao.gov/assets/nsiad-92-244.pdf> (Accessed: 27.09.2025). P. 9, 14.

ция обеспечивала устойчивое распределение функций и консенсус между центрами влияния, что делало продвижение универсальных норм не просто декларацией, а организованным процессом с долговременным потенциалом. Эта система показала, что нормативное лидерство может быть не только идеологической позицией, но и формой управляемой институциональной координации.

Первоначально использование правозащитной риторики и нормативных стандартов было направлено прежде всего на восстановление морального авторитета и консолидацию самого американского общества, пережившего «вьетнамский синдром» после политического поражения во Вьетнаме и Уотергейтский скандал. В первой половине 1970-х годов нормативная повестка была интегрирована в американскую внешнюю политику через американских конгрессменов и активизм, но оставалась слабо интегрированной в систему принятия решений и не имела устойчивых санкционных механизмов.

С приходом администрации Р. Рейгана началась системная перестройка аппарата внешней политики. Риторика прав человека была переосмыслена, в результате чего наметился переход от универсалистского морального импульса к инструментам избирательного давления. Усилилось бюрократическое сопровождение, сместился акцент на политические свободы в первую очередь в социалистических странах, а правозащитная тематика была встроена в архитектуру внешнеполитического воздействия.

Кульминацией этого процесса стало учреждение Национального фонда демократии в 1983 году – ключевого института, объединившего усилия исполнительной власти, Конгресса, партий и НПО. Именно он стал ядром формирующейся системы нормативного лидерства, задав рамку для последующего экспорта «демократических стандартов». Параллельно был проведён пересмотр функций уже существующих органов, таких как Агентство международного развития и Информационное агентство США, в пользу скоординированной

правозащитной политики. Бюро по правам человека в Госдепартаменте получило институциональный приоритет, а внешнеполитические процедуры (от подготовки отчётов до голосований в международных организациях) стали опираться на нормативные критерии.

Вторжение в Гренаду в октябре 1983 г. стало первой попыткой легитимировать одностороннее применение силы под прикрытием риторики прав человека и восстановления демократии. Несмотря на стратегические мотивы, публичное обоснование опиралось на новую нормативную парадигму, что предвосхитило будущую практику гуманитарных интервенций. К концу 1983 г. США завершили этап институционализации: нормы перестали быть идеологическими декларациями и стали операциональными механизмами давления и легитимации. Был сформирован каркас американского нормативного лидерства, опирающийся на продуктивную и структурированную власть, встроенную в государственный аппарат.

Настоящее исследование модифицирует существующие модели, акцентирующие внимание либо на сетевой динамике распространения норм, либо на морально-ценностной природе «нормативной силы». В работе показано, что именно институциональная встраиваемость норм в исполнительную власть позволяет рассматривать нормативное лидерство как механизм внешнеполитического влияния.

Вместе с тем в сложившейся ситуации возник парадокс нормативного лидерства. Для обретения права интерпретировать универсальные нормы и транслировать их вовне Соединённые Штаты сознательно связали собственную внешнюю политику обязательствами – публичными заявлениями, доктринами, институциональными механизмами и международными нормами. Это самоограничение подразумевало симметрию: оно дало Вашингтону возможность самостоятельно определять, в каких случаях пожертвовать сиюминутными интересами ради укрепления морального авторитета, а где – использовать репутаци-

онный капитал для прикрытия собственных действий или нарушений со стороны союзников.

В этом смысле двойные стандарты – не побочный эффект и не нарушение универсализма, а его структурный элемент. Селективная применимость норм, основанная на различении «тоталитарного» и «авторитарного», «реформируемого» и «осуждаемого», была заложена в основу архитектуры с самого начала. Глобализм как нормативная рамка никогда не был нейтральным или беспристрастным: он оформлялся как система контроля и отбора допустимого, в которой универсальность норм сочеталась с контролируемой исключаемостью из неё. США могли претендовать на роль арбитра, не отказываясь от стратегической гибкости, при этом используя универсальные нормы в качестве инструментов давления, равно как для оправдания собственных действий или политики своих союзников.

Проведённый анализ позволяет не только реконструировать механизм формирования нормативного лидерства, но и предложить концептуальный мост к нынешним дебатам о трансформации мирового порядка. Описанные институциональные практики предвосхищают более поздние формы стратегической инструментализации норм (*weaponization*) [Adler-Nissen 2024; Cooley 2020]. Тем не менее в отличие от работ, акцентирующих последствия нормативной конкуренции в XXI веке, настоящее исследование показывает, как избирательность в применении норм была сознательно встроена в бюрократическую архитектуру внешней политики США ещё на этапе её зарождения.

Такая архитектура нормативного лидерства имела и обратную сторону. По мере усиления международного распространения универсальных норм, артикулируемых США, правозащитные движения и активисты в других странах всё чаще воспринимались не как автономные силы гражданского общества, а как проводники внешнеполитических интересов. Это нередко приводило к маргинализации правозащитной

повестки и стигматизации её носителей. Универсальные нормы, будучи связанными с внешними источниками ресурсов и давления, превращались в маркер политической зависимости, а сами правозащитники – в воспринимаемых «иностранных агентов» вне зависимости от их реальных мотивов и позиций. Таким образом, институционализация нормативного лидерства акцентировала иерархическую дистанцию между центром и периферией даже в сфере, заявленной как универсалистская.

Сформированная в 1981–1983 годах нормативная архитектура продемонстрировала высокую адаптивность. Она эффективно сработала как инструмент идеологического давления против советского блока, обеспечив Соединённым Штатам ауру морального превосходства на заключительном этапе «холодной войны». Администрация Уильяма Клинтона использовала язык прав человека для оправдания интервенций – от Гаити до Косово, где в 1999 г. США впервые применили силу в обход Совета безопасности ООН. При Джордже Буше-младшем риторика демократии была встроена в логику глобальной борьбы с терроризмом и распространения «свободы» как инструмента безопасности. Барак Обама сместил акцент к многостороннему сотрудничеству и нормативному сопровождению американского лидерства через международные институты. Дональд Трамп резко переориентировал архитектуру: отказавшись от универсализма, он наполнил её новым содержанием – защитой традиционных ценностей и борьбой с нелегальной миграцией. Джозеф Байден вновь вернул либеральный универсализм в качестве нарратива, но в условиях ослабленной глобальной легитимности перенёс акцент на борьбу с автократиями и цифровым влиянием. Второй президентский срок Трампа, начавшийся в 2025 году, вновь изменил приоритеты: институты подверглись реформам, но инфраструктура нормативного лидерства сохраняется и адаптируется к новым идеологическим условиям, как и прежде выполняя функцию внешне- и внутривластного инструмента.

Таким образом, нормативное лидерство США не продукт морального консенсуса, а результат политической инженерии, опирающийся на административные механизмы и устойчивую инфраструктуру. Формирование нормативного лидерства США в 1981–1983 годах дало институциональную опору глобализму в качестве основы мирового порядка. Хотя сам глоба-

лизм развивался как многоуровневая система с участием международных организаций, союзников и транснациональных субъектов, именно американская исполнительная власть первой превратила универсальные нормы в операционный ресурс внешней политики, связав моральную риторику с управляемыми механизмами давления и легитимации.

Список литературы

- Карасёв Д.А.* Неовеберинская теория глобализаций Майкла Манна // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. №4. С. 74–98. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.5
- Кроули-Виньо А., Байков А., Волфорт У.К.* Реалистский конструктивизм: новый взгляд на теорию норм // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 2. С. 44–62. DOI: 10.17994/IT.2023.21.2.73.3.
- Лидер на фоне эпохи: традиции и новации современного политического лидерства в странах запада* / под ред. Л.С. Окуновой. М.: МГИМО-Университет, 2022. 662 с.
- Неклюдов Н.Я.* Внешняя политика как социальная практика. Роль конгресса США в российско-американских отношениях. 2009–2020. М.: Аспект пресс, 2025. 323 с.
- Фененко А.В.* Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. №1. С. 6–42. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.8
- Юнглод В.Т., Ильин Д.В.* Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972-1975 гг // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. №2. С. 7–39. DOI:10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39
- Юнглод В.Т.* Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980) // *Вестник МГИМО-Университета*. 2024. Т. 17. №6. С. 7–32. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32
- Adler-Nissen R.* The Normalization of Contestation: The Sociology of Knowledge and the Endogenous Challenges to the Liberal International Order // *Global Studies Quarterly*. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 1–5. DOI: 10.1093/isagsq/ksae020
- Barnett M., Duvall R.* Power in International Politics // *International Organization*. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 39–75. DOI:10.1017/S0020818305050010
- Barnett M., Finnemore M.* Rules for the World: International Organizations in Global Politics. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2004. 240 p.
- Chapell J.* The Rise and Fall of Section 502B // *Northwestern Journal of Human Rights*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 1–40.
- Cooley A., Nexon D.* Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order. Oxford: Oxford University Press, 2020. 304 p.
- Diez T.* Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering 'Normative Power Europe' // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 613–636. DOI: 10.1177/03058298050330031701
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–917. DOI: 10.1162/002081898550789
- Hartmann H.* US Human Rights Policy under Carter and Reagan, 1977–1981 // *Human Rights Quarterly*. 2001. Vol. 23. No. 2. P. 402–430. DOI:10.1353/hrq.2001.0017
- Inboden W.* The Peacemaker. Ronald Reagan, the Cold War, and the World on the Brink. New York: Dutton, 2022. 608 p.
- Ikenberry G.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 392 p.
- Keys B.* Reclaiming American Virtue. The Human Rights Revolution of the 1970s. Cambridge, Massachusetts, L.: Harvard University Press, 2014. 369 p.
- Human Rights and US Foreign Policy. The First Decade. 1973–1983.* New York: The American Association for the International Commission of Jurists, 1984. 61 p.
- Mann M.* Incoherent Empire. London; New York: Verso, 2003. 304 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Volume 4: Globalizations, 1945–2011. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 492 p.
- Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, No. 2. P. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353 .

- Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / ed. by R.G. Whitman. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 320 p.
- Peterson C.* The Carter Administration and the Promotion of Human Rights in the Soviet Union, 1977–1981 // *Diplomatic History*. 2014. Vol. 38. No. 3. P. 628–656. DOI: 10.1093/dh/dht102
- Schmitz D., Walker V.* Jimmy Carter and the Foreign Policy of Human Rights: The Development of a Post-Cold War Foreign Policy // *Diplomatic History*. 2004. Vol. 28. No. 1. P. 113–143. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2004.00400.x
- Schoultz L.* Human Rights and United States Foreign Policy toward Latin America. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. 440 p. DOI: 10.2307/j.ctt7zv9www
- Snyder S.* Human Rights Activism and the End of the Cold War. A Transnational History of the Helsinki Network. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 305 p.
- Steger M.* Ideologies of globalization // *Journal of Political Ideologies*. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 11–30. DOI: 10.1080/1356931052000310263
- Turek L.* Between Values and Action: Religious Rhetoric, Human Rights, and Reagan's Foreign Policy // *The Reagan Moment* / ed. by J. Hunt, S. Miles. Ithaca; London: Cornell University Press, 2021. P. 212–234.
- Xypolia I.* Human Rights, Imperialism, and Corruption in US Foreign Policy. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 155 p.

FORGING GLOBALISM

HOW THE U.S. EXECUTIVE INSTITUTIONALIZED NORMATIVE LEADERSHIP (1981–1983)*

DENIS SADAKOV

Vyatka State University, Kirov, 610000, Russia

Abstract

This paper examines the institutionalization of U.S. normative leadership in 1981–1983 as a critical juncture in the construction of the global governance architecture of the late–Cold War order. It focuses on the Reagan administration's efforts to translate universal norms, primarily human rights and democracy into systematic instruments of legitimation and foreign-policy leverage. Drawing on executive directives, internal policy memoranda, speech transcripts, legislative materials, and official policy statements, the study reconstructs how a normative agenda was embedded in executive decision-making routines and interagency coordination. Methodologically, it combines institutional analysis with historical process-tracing, treating normative leadership not as an expression of universal moral impulse but as an administratively governed project built by the executive branch. The article develops a three-stage model of normative leadership: articulation, institutionalization, and projection. It traces, empirically, the creation of the National Endowment for Democracy**, the reconfiguration of State Department structures, and the incorporation of normative criteria into foreign-aid allocation. It also identifies mechanisms of selective norm application, especially the instrumental distinction between “authoritarian” and “totalitarian” regimes, which expanded policymakers' strategic flexibility. The 1983 U.S. intervention in Grenada is interpreted as an early case within an emerging repertoire of humanitarian-justificatory arguments. The article argues that U.S. normative leadership in this period is best understood not as the

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-78-10179-П, <https://rscf.ru/project/22-78-10179-П/>

** Undesirable organization in Russia.

product of moral consensus or transnational advocacy, but as an institutionalized and administratively sustained foreign-policy strategy. Overall, 1981–1983 marks a foundational phase in which moral discourse was routinized into durable instruments of U.S. influence.

Keywords:

USA; normative leadership; globalism; Reagan;; human rights; democracy; norms; moral discourse

References

- Adler Nissen R. (2024). The Normalization of Contestation: The Sociology of Knowledge and the Endogenous Challenges to the Liberal International Order. *Global Studies Quarterly*. Vol. 4. No. 2. P. 1–5. DOI: 10.1093/isagsg/ksae020
- Barnett M., Duvall R. (2005). Power in International Politics. *International Organization*. Vol. 59. No. 1. P. 39–75. DOI:10.1017/S0020818305050010
- Barnett M., Finnemore M. (2004). *Rules for the World: International Organizations in Global Politics*. Ithaca; London: Cornell University Press. 240 p.
- Chapel J. (2023). The Rise and Fall of Section 502B. *Northwestern Journal of Human Rights*. Vol. 21. No. 1. P. 1–40.
- Cooley A., Nexon D. (2020). *Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Wohlforth W.C. (2023). Realist Constructivism: A New Perspective on Norm Theory. *International Trends*. Vol. 21. No. 2. P. 44–62. DOI: 10.17994/IT.2023.21.2.73.3.
- Diez T. (2005). Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering 'Normative Power Europe'. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 33. No. 3. P. 613–636. DOI: 10.1177/03058298050330031701
- Feneko A.V. 2023. Mirovoy poryadok kak teoretiko-metodologicheskaya kategoriya [International Order as a Category of International Studies: Theoretical Foundations]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 21. No. 1. P. 6–42. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.8
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–917. DOI: 10.1162/002081898550789
- Hartmann H. (2001). US Human Rights Policy under Carter and Reagan, 1977–1981. *Human Rights Quarterly*. Vol. 23. No. 2. P. 402–430. DOI: 10.1353/hrq.2001.0017
- Inboden W. (2022). *The Peacemaker. Ronald Reagan, the Cold War, and the World on the Brink*. New York: Dutton. 608 p.
- Ikenberry G. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 392 p.
- Karasyov D.A. (2018). Neoveberianskaya teoriya globalizatsiy Maykla Manna [Michael Mann's Theory of Globalizations]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 74–98. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.5
- Keys B. (2014). *Reclaiming American Virtue: The Human Rights Revolution of the 1970s*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press. 369 p.
- Human Rights and US Foreign Policy. The First Decade, 1973–1983*. (1984). New York: The American Association for the International Commission of Jurists. 61 p.
- Mann M. (2003). *Incoherent Empire*. London; New York: Verso. 304 p.
- Mann M. (2013). *The Sources of Social Power. Volume 4: Globalizations, 1945–2011*. Cambridge: Cambridge University Press. 492 p.
- Manners I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
- Okuneva L.S. (ed.) (2022). *Lider na fone epokhi: traditsii i novatsii sovremennogo politicheskogo liderstva v stranakh Zapada* [Leader in the Context of the Era: Traditions and Innovations of Contemporary Political Leadership in Western Countries]. Moscow: MGIMO-University. 662 p.
- Nekliudov, N. Ia. (2025). *Vneshniaia politika kak sotsial'naia praktika. Rol' Kongressa SShA v rossiisko-amerikanskikh otnosheniakh. 2009–2020* [Foreign Policy as Social Practice: The Role of the U.S. Congress in Russian-American Relations, 2009–2020]. Moscow: Aspekt Press. 323 p.
- Peterson C. (2014). The Carter Administration and the Promotion of Human Rights in the Soviet Union, 1977–1981. *Diplomatic History*. Vol. 38. No. 3. P. 628–656. DOI: 10.1093/dh/dht102
- Schmitz D., Walker V. (2004). Jimmy Carter and the Foreign Policy of Human Rights: The Development of a Post-Cold War Foreign Policy. *Diplomatic History*. Vol. 28. No. 1. P. 113–143. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2004.00400.x

- Schultz L. (1981). *Human Rights and United States Foreign Policy toward Latin America*. Princeton: Princeton University Press. 440 p. DOI: 10.2307/j.ctt7zv9ww
- Snyder S. (2011). *Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network*. Cambridge: Cambridge University Press. 305 p.
- Steger M. (2005). Ideologies of Globalization. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 10. No. 1. P. 11–30. DOI: 10.1080/1356931052000310263
- Turek L. (2021). Between Values and Action: Religious Rhetoric, Human Rights, and Reagan's Foreign Policy. In: J. Hunt, S. Miles (eds) *The Reagan Moment*. Ithaca; London: Cornell University Press. P. 212–234.
- Whitman R.G. (ed) (2011). *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 320 p.
- Xypolia I. (2022). *Human Rights, Imperialism, and Corruption in US Foreign Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. 155 p.
- Yungblud V.T., Ilyin D.V. (2020). Popravka Džeksona Venika i razvitie sovetsko amerikanskikh otnosheniy v 1972–1975 gg. [Jackson–Vanik Amendment and Development of Soviet-American Relations in 1972–1975]. *MGIMO Review on International Relations*. Vol. 13. No. 2. P. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39
- Yungblud V.T. (2024). Torgovlya i nauchno tekhnicheskoe vzaimodeystvie s SSSR v povestke amerikanskogo rukovodstva v gody rozhdachki (1969–1980) [Trade and scientific technical cooperation with the USSR in the agenda of American leadership during détente (1969–1980)]. *MGIMO Review on International Relations*. Vol. 17. No. 6). P. 7–32. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32

АФГАНСКИЙ ВОПРОС НА ПЛОЩАДКЕ ШОС МЕЖДУ ДЕКЛАРАТИВНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

НИНЭЛЬ ГУЛАМ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается влияние угроз региональной безопасности и стабильности, исходящих из Афганистана, на деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), формирование её приоритетов и институциональной структуры, а также роль организации в развитии многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном после прихода к власти Движения талибов в середине 2021 года. Становление ШОС пришлось на период, когда Афганистан оказался в фокусе мирового внимания в связи с объявленной США «войной с терроризмом». Поскольку большинство государств-членов ШОС являются непосредственными соседями Афганистана, организация не могла игнорировать источник нестабильности у своих границ. Автор приходит к выводу, что, несмотря на заинтересованность государств-членов в стабилизации региональной обстановки и в установлении прочного диалога с афганской стороной, а также на создание профильных институтов (РАТС ШОС и Контактной группы «ШОС – Афганистан»), ШОС так и не стала основной площадкой многостороннего взаимодействия с Афганистаном. Значительная часть региональных контактов по афганской тематике осуществляется вне рамок организации. Такая ситуация объясняется, с одной стороны, особенностями институционального дизайна ШОС, в частности консенсусным принципом принятия решений, а с другой – ориентацией ряда государств-членов на двусторонние форматы взаимодействия с Кабулом, укоренённые в их внешнеполитических практиках.

Ключевые слова:

Афганистан; ШОС; РАТС ШОС; Контактная группа «ШОС – Афганистан»; Московский формат; Движение талибов; терроризм; институциональный дизайн; региональное сотрудничество; евразийское пространство

Введение

С момента своего создания в июне 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) зарекомендовала себя как одно из наиболее влиятельных международных объединений на евразийском пространстве и важный элемент региональной архитектуры безопасности. Одним из ключевых факторов трансформации «шанхайской

пятёрки» в полноценную организацию, ориентированную на решение проблем безопасности, стала необходимость противодействия в том числе неконвенциональным угрозам, появившимся как прямое следствие продолжительной военно-политической турбулентности в Афганистане [Арунова 2012]. В Декларации о создании ШОС от 15 июня 2001 г. подчёркивается

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025

Дата принятия к публикации: 21.04.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

приоритет региональной безопасности и взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹. В то же время практически с самого начала существования ШОС Афганистан, не являвшийся ни государством-членом, ни партнёром по диалогу, оказывал на деятельность организации более заметное влияние, чем какое-либо другое государство [Агрономов, 2011].

Пристальное внимание ШОС к афганскому фактору вполне объяснимо²: организация объединяет большинство государств, непосредственно соседствующих с Афганистаном³, а также великие (Россия, Китай) и региональные (Иран, Индия) державы, интересы которых в сфере национальной и региональной безопасности прямо зависят от стабилизации обстановки в этой стране. По этой причине существенные изменения внутринеополитической ситуации в Афганистане⁴ оказывают влияние на внешнеполитические стратегии и приоритеты большинства государств-членов и выступают «проверкой на прочность» как для институциональных механизмов ШОС, так и для национальных стратегий её участников.

Взаимодействие ШОС с Афганистаном носит неравномерный характер, а в течение последних пятнадцати лет – и вовсе характеризуется стагнацией, что выражается в отсутствии не только значимых достижений, но и в ряде случаев – формальной коммуникации. В этой связи исследовательский вопрос статьи сформулирован следующим образом: *какую роль сыграл афганский фактор в определении вектора развития ШОС начиная с 2001 года и каковы пределы вовлечённости организации в процессы многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном в условиях нового этапа развития его государственно-*

сти начиная с 2021 года? Представляется важным проанализировать влияние нестабильности в Афганистане на формирование и функционирование ШОС и её отдельных структур, а также на политику самой организации на афганском направлении.

При сравнительно ограниченном числе исследований, специально посвящённых эволюции институтов и инструментов ШОС на афганском направлении и взаимосвязи становления организации с афганским фактором, следует отметить наличие ряда работ общего характера за авторством Р.К. Алимова [2017], М.А. Конаровского [2015; 2016], А.В. Лукина и А.Ф. Мочульского [2005], А.И. Быкова [2011], В.И. Василенко и др. [2014], изучающих общие вопросы функционирования организации, а также экономические и политико-правовые аспекты её деятельности; И.Е. Денисова [2016], И.А. Сафранчука [2015; 2016], С.И. Лунёва [2020], В.И. Белова (Юртаева) [2017], Л.Е. Васильева [2020а; 2020б], В.И. Никитенко [2018], В.Н. Москаленко [2008], А.С. Каукиной [2007], Е.Г. Гарбузаровой [2021], К.А. Кокарева [2008], А.А. Кольтюкова [2008], Иштиака Ахмада [Ahmad 2018], сосредоточившихся на рассмотрении роли организации в обеспечении региональной безопасности и деятельности конкретных стран в её рамках; С.Г. Лузянина [2012] и Е.В. Колдуновой [2013], в своих работах уделяющих внимание роли и месту ШОС в иерархии региональных структур и институтов. При всей значимости представленных в указанных трудах эмпирических наблюдений значительную часть из них характеризует преимущественно описательный подход в сочетании с недостаточно высоким уровнем концептуализации и преобладанием логико-интуитивного метода. Отдельного внимания заслужива-

¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 22.10.2023).

² Здесь и далее под словосочетанием «афганский фактор» понимается обстановка длительной военно-политической турбулентности в Афганистане, наблюдавшейся начиная с середины 1970-х годов.

³ За исключением Туркменистана.

⁴ Каковым стал приход к власти Движения талибов в августе 2021 года.

ют работы Ю.А. Никитиной [2009, 2010] ввиду приведённого в них сравнительного анализа моделей регионализма ШОС и ОДКБ с опорой на концептуальный аппарат сравнительного регионализма, а также исследования Стивена Ариса [Aris 2009, 2011], А.В. Обыденковой и А.С. Либмана [Obuydenkova, Libman 2019], рассматривающих ШОС как региональный институт в сравнительной перспективе и через призму теории нового регионализма.

Деятельность ШОС на афганском направлении выступала предметом изучения в работах М.Р. Аруновой [2012], М.А. Конаровского [2014], В.В. Агрономава [2011], В.В. Парамонова и др. [2008]. В этих исследованиях значительное внимание уделяется предыстории, а также международному и региональному контексту оформления и развития двустороннего взаимодействия организации с Афганистаном. Тем не менее упомянутые труды, лежащие преимущественно в плоскости исторических наук, хронологически не охватывают весь период сосуществования афганского государства и ШОС, в связи с чем не отражают тех метаморфоз, которые происходили во взаимодействии организации и Афганистана после возвращения к власти Движения талибов. Представляя интерес работы за авторством А.С. Давыдова [2016] и К.Х. Рахимова [2022], в которых затронуты относительно недавние попытки активизации ШОС в содействии «афганскому замирению».

Смежная с тематикой статьи проблематика безопасности, стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии, а также влияния афганского фактора на ситуацию в регионе пристально изучалась (?) В.Г. Коргуном [2012], А.А. Князевым [2002, 2004, 2009], С.М. Акимбековым [1998], В.Я. Белокреницким и Р.Р. Сикоевым [2014], где основной акцент вновь получают исторические аспекты; А.А. Казанцевым [2008], И.А. Сафранчуком⁵ [2009], А.А. Ума-

ровым [2017, 2021], М.О. Нессаром [2025a, 2025b]. К числу характерных черт данных работ следует отнести преимущественное внимание к истокам нестабильности и анализу двусторонних отношений государств региона с Афганистаном, в то время как эффективности региональных институтов, в том числе ШОС, в решении афганского вопроса внимание уделяется в незначительной степени.

Невзирая на значительное количество смежных исследований, недостаточно изученными остаются ограничения институциональных механизмов ШОС и их влияние на место афганского вопроса в повестке организации. Проблематика институционального «созревания» ШОС и действенности имеющихся в её распоряжении механизмов противодействия угрозам, исходящим от государств, не являющихся непосредственными участниками объединения, нуждается в дальнейшем анализе.

Цель настоящей работы – определить роль афганского фактора в формировании приоритетов и структуры ШОС и выявить институциональные и иные ограничения, препятствующие выработке и имплементации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном. В задачи исследования входит анализ того, как обострение ситуации с безопасностью на евразийском пространстве, связанное с афганским фактором, повлияло на формирование ШОС и создание таких её органов, как Региональная антитеррористическая структура (РАТС) и Контактная группа «ШОС – Афганистан». Отдельно рассматривается проблема предоставления членства Афганистану в организации. Далее проводится оценка роли ШОС в налаживании регионального взаимодействия на афганском направлении после 2021 года.

Методологическую основу исследования составляет теория институционального дизайна Амитава Ачарии и Аластера Джонстона, согласно которой механизмы и

⁵ *Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors // Center for Strategic & International Studies. 26.06.2017. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170612_Safranchuk_AfghanistanCentralAsianNeighbors_Web.pdf (accessed: 02.11.2024).*

структура международной организации отвечают потребностям формирующих её государств [Acharya, Johnston 2007a: 15–16]. Применение данного подхода позволяет в том числе соотнести деятельность организации с её исходными целями, что и выступает «мерилом» её эффективности. Источниковую базу составили официальные документы, принятые в рамках ШОС, заявления должностных лиц и верифицированные материалы открытых информационных ресурсов.

Международный контекст формирования Шанхайской организации сотрудничества и специфика её взаимодействия с Афганистаном до 2021 года

Согласно принятой в 2001 г. Декларации о создании ШОС, цели объединения включали в себя развитие многостороннего регионального взаимодействия в ряде областей⁶, укрепление взаимного доверия между государствами-членами и стабилизацию региональной безопасности⁷. В соответствии с теорией институционального дизайна⁸, ШОС демонстрирует признаки организаций, функционирующих в логике незападного (азиатского) регионализма [Acharya, Johnston 2007b: 250], включая приоритет национального суверенитета⁹, широкий круг вопросов, которые организация уполномочена рассматривать, фактическое отсутствие воздей-

ствия на внутреннюю политику государств-членов и консенсусный принцип принятия решений, что отражено в Хартии ШОС¹⁰. При этом ШОС обнаруживает сходство с «форумной» моделью взаимодействия, характерной для АСЕАН [Никитина 2009: 149].

Обозначенный в основополагающем документе обширный спектр предполагаемых сфер сотрудничества наделил организацию максимально широким и одновременно несколько «размытым» мандатом, вследствие чего поначалу приоритеты организации динамично менялись и были непостоянными. Теракты 11 сентября 2001 г. и последующая эскалация асимметричного конфликта в Афганистане с участием международных сил побудили государства-члены ШОС в значительной мере пересмотреть приоритеты и уделить больше внимания событиям, разворачивавшимся в непосредственной близости от их границ¹¹. В совместном заявлении по итогам внеочередной встречи министров иностранных дел (январь 2002 года) участники ШОС приветствовали «избавление афганского народа от режима талибов, тесно связанного с международным терроризмом»¹², а в декларации по итогам саммита ШОС в Санкт-Петербурге (июнь 2002 года) главы государств подчеркнули взаимосвязь безопасности Центральной Азии и афганского мирного процесса, заявив о намере-

⁶ Политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других.

⁷ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 22.10.2023).

⁸ Ачария и Джонстон в своём сравнительном анализе региональных моделей обходят вниманием объединения постсоветского пространства. Логика становления этой организации содержит существенные отличия от свойственной евроатлантическим региональным институтам модели, описанной на примерах НАТО и Европейского союза.

⁹ Отражено в Декларации о создании организации в качестве ключевого принципа её работы – невмешательство во внутренние дела стран-участниц.

¹⁰ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

¹¹ Заявление глав правительств государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 14.09.2001. URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0c/03/1607860.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).

¹² Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества (Пекин, 8 января 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации 07.01.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1628885/ (дата обращения: 03.04.2025).

нии содействовать ему совместными усилиями¹³. Впрочем, дальнейшая динамика конфликта, продемонстрировавшая отсутствие подлинной стабилизации после смены режима в Афганистане, постепенно сформировала у членов организации понимание необходимости адаптации к новым условиям.

РАТС ШОС

Региональная антитеррористическая структура (РАТС), функционирующая с 2004 года, стала одним из первых постоянно действующих органов ШОС, наряду с Секретариатом. Её предназначение заключается в содействии координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — «новыми» угрозами безопасности¹⁴. Соглашение о создании РАТС было подписано меньше чем через год после терактов 11 сентября 2001 г. и начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, что может рассматриваться как оперативная институциональная реакция на обострение региональной обстановки или, как указывает А.Ш. Кадырбаев, прежде всего на афганские события¹⁵. Подписанию соглашения о РАТС ШОС предшествовали проведённые на территории Казахстана и Китая осенью 2003 г. первые совместные антитеррористические учения государств-членов ШОС «Взаимодействие-2003», направленные на отработку согласованных тактических действий и преодоление труд-

ностей взаимодействия, обусловленных различиями военных традиций¹⁶.

Хотя все государства-члены ещё длительное время выражали поддержку военному присутствию США и западной коалиции в Афганистане, декларируемое как антитеррористическое, это присутствие само по себе не решало задачу реального противодействия терроризму в стране и обеспечения безопасности в ареале ШОС. В конце 2001 — начале 2002 годов выявились две основные позиции в дискуссиях относительно американского присутствия в Центральной Азии. Первая исходила из предположения, что Соединённые Штаты намерены использовать своё военное присутствие в Центральной Азии для достижения геополитических целей, а операция в Афганистане служит не более чем предлогом. Во втором случае США воспринимались как фактор снижения уровня угроз, исходящих из Афганистана [Князев 2009: 130]. Создание РАТС может рассматриваться как попытка государств-членов ШОС создать альтернативный западному формат антитеррористического взаимодействия.

Впрочем, в последующем функционал РАТС ШОС оставался довольно ограниченным в силу прежде всего различий в подходах стран-участниц к созданию наднационального института. Антитеррористическое взаимодействие в большей мере утвердилось на двустороннем уровне сотрудничества стран Центральной Азии с КНР или Россией, в том числе в формате ОДКБ¹⁷. Основная функция РАТС ШОС

¹³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации 07.06.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1745498/ (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁴ Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁵ Кадырбаев А.Ш. Влияние афганского фактора на ведущие страны ШОС // Афганистан.Ру. 14.09.2011. URL: <https://afghanistan.ru/doc/20882.html> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁶ Противодействие терроризму в рамках ШОС (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.10.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1742195/ (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁷ Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/> (дата обращения: 30.01.2025).

сводится к анализу данных и выработке рекомендаций для государств-членов по противостоянию терроризму, сепаратизму и экстремизму. Сама по себе РАТС не является силовым инструментом предотвращения подобных деяний и тем более не предусматривает вмешательство во внутренние дела других государств. Учитывая, что ШОС не является военным блоком и не располагает вооружёнными силами¹⁸, одним из ключевых инструментов реагирования на угрозы, исходящие из Афганистана, остаётся непосредственный диалог с афганской стороной независимо от смежных режимов в стране.

Контактная группа «ШОС–Афганистан»

На фоне ухудшения военно-политической обстановки в Афганистане в 2005 г. была создана данная структура. Изначально в её состав должны были входить представители всех государств-членов при Секретариате ШОС, с одной стороны, и руководящий состав афганского посольства в Пекине – с другой. Контактная группа (КГ) была призвана служить площадкой для диалога организации с афганскими властями по вопросам, представляющим взаимный интерес. На открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС в марте 2009 г. глава МИД России С.В. Лавров отметил, что, в силу территориальной близости практически всех государств-членов организации с Афганистаном и обусловленной данным фактом их прямой заинтересованностью в разрешении афганского кризиса, порождающего многочисленные угрозы в регионе, ШОС нацелена на борьбу с его последствиями при помощи непосредственного взаимодействия с афганскими властями, «а не за счёт создания неких “санитарных кордонов”» –

и именно этой задаче отвечало создание в 2005 г. Контактной группы ШОС–Афганистан¹⁹. В соответствии с регламентом участия членов ШОС в заседаниях КГ представители организации должны были выступать с согласованных позиций и не выносить на обсуждение те пункты, по которым отсутствует консенсус. Идея создания подобного двустороннего механизма поначалу выглядела многообещающе. Тем не менее Контактная группа приостановила свою деятельность в 2009 г. из-за отсутствия консенсуса участников касательно повестки и целесообразности проведения регулярных встреч в её рамках²⁰. Работа группы была возобновлена лишь в 2017 году, но после прихода талибов к власти в августе 2021 г. вновь оказалась прервана (табл. 1). Несмотря на возлагавшиеся на неё надежды, Контактная группа не сумела зарекомендовать себя в качестве эффективного механизма взаимодействия государств-членов ШОС по афганской проблематике главным образом ввиду сохранения у большинства участников ориентации на двусторонние форматы работы с Кабулом.

Вопрос участия Афганистана в деятельности ШОС

Регулярно подчёркивая зависимость регионального развития от афганской проблематики, ШОС старалась поддерживать тесные связи с Кабулом. С 2004 г. президент ИРА регулярно приглашался на саммиты ШОС в качестве гостя [Арунова 2012: 14]. Афганистан с самого начала пользовался особым отношением организации: запросив в 2011 г. статус наблюдателя, он уже на следующий год получил его, минуя стадию партнёрства по диалогу. Тем не менее углубление взаимодействия ШОС с Кабулом и тем более его дальнейшее

¹⁸ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

¹⁹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, Москва, 27 марта 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.03.2009. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1693322/ (дата обращения: 05.01.2025).

²⁰ Контактная группа «ШОС – Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: <https://rus.sectesco.org/20190716/565424.html> (дата обращения: 18.01.2025).

Таблица 1
Заседания Контактной группы «ШОС – Афганистан»

Период	Статус работы	Ключевые встречи, их цели и итоги
2005–2009	Становление	Проведено 4 заседания (в т.ч. учредительное, на котором был подписан Протокол о создании КГ), где афганская сторона акцентировала внимание на экономических аспектах сотрудничества с ШОС. ШОС рассматривает Афганистан как «источник трансграничной наркоугрозы», в обсуждениях основной фокус получают вопросы создания вокруг него «поясов» антитеррористической и финансовой безопасности, борьбы с наркотрафиком. ШОС позиционирует себя как вспомогательного игрока по отношению к миссии МССБ (ISAF)
2010–2016	Период стагнации	Работа группы была фактически приостановлена. В 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя, что отчасти снизило потребность в отдельном формате КГ
2017–2021	«Реанимация»	Обсуждение планов по содействию экономическому восстановлению Афганистана. Практически ежегодные встречи: 5-е заседание – Москва (2017) – на уровне заместителей глав МИД, 6-е – Пекин (2018), 7-е – Бишкек (2019). 2019 г. – утверждение «Дорожной карты дальнейших действий Контактной группы» на саммите ШОС в Бишкеке. Упомянутая в контексте КГ министерская встреча государств-членов ШОС с участием Афганистана (июль 2021 г., Душанбе) проходила в формате отдельного совещания глав МИД по афганской проблематике незадолго до смены власти в Кабуле
2021–н.в.	«Заморозка»	Полноценные заседания КГ (т.е. с участием афганской стороны) не проводятся; Афганистан остаётся наблюдателем при ШОС, но его участие в её работе было приостановлено (стало «неактивным») в сентябре 2021 г. после прихода к власти Движения талибов. Большая часть обсуждений афганской проблематики осуществляется в рамках региональных <i>ad hoc</i> форматов (прежде всего – Московского формата консультаций)

Источник: составлено автором на основе официальных источников.

присоединение в качестве полноправного члена оставались затруднительными, в том числе в силу противоречивого отношения афганских властей к ШОС, во многом обусловленного сильным влиянием США.

К моменту наделения Афганистана статусом наблюдателя уже был утверждён документ, регулировавший расширение членства данного объединения. «Положение о порядке приёма новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества» было принято на саммите ШОС в июне 2010 г. в Ташкенте. Организация, будучи открытой для дальнейшего приёма государств в свои ряды, выдвигала для кандидатов ряд условий и критериев, в частности наличие статуса государства-наблюдателя

при ШОС или партнёра по диалогу; активные торгово-экономические и гуманитарные связи с государствами-членами; отсутствие международных обязательств в сфере безопасности, противоречащих документам ШОС²¹. Дополнительную ясность внесло заявление специального представителя президента России по делам ШОС Б.М. Хакимова в 2017 году: «Если какое-то государство хочет присоединиться к ШОС, то оно должно быть стабильным, его правительство должно контролировать всю ситуацию на своей территории и управлять всеми делами самостоятельно»²². Эти требования были адресованы прежде всего Афганистану, суверенитет которого в период присутствия на его территории ино-

²¹ Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcscsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

²² Бахтиер Хакимов: Контактная группа «ШОС-Афганистан» призвана стать инструментом содействия // Афганистан.Ру. 16.12.2017. URL: <https://afghanistan.ru/doc/117336.html> (дата обращения: 16.01.2025).

странных военных контингентов был во многом ограничен, а потому вопрос присоединения откладывался до момента возвращения афганским властям полной ответственности за свою страну. На данном этапе также наблюдалось явное стремление ШОС привлечь к решению афганского вопроса всё мировое сообщество и передать основную ответственность за координацию международных усилий по урегулированию конфликта в Афганистане Организации Объединённых Наций [Алимов 2017: 159].

Политические трансформации в Афганистане после 2021 г. и деятельность ШОС

Повторный приход к власти в Афганистане Движения талибов в августе 2021 года, сопряжённый с выводом иностранных военных контингентов, не мог не обратить на себя внимание ШОС. С одной стороны, многие представители политических и экспертных сообществ её государств-членов небезосновательно полагали, что иностранное военное присутствие на афганской территории всё это время представляло собой наиболее значительное препятствие на пути эффективного сотрудничества двух сторон. По утверждению А.В. Картунова, до 2021 г. отсутствие успехов в отношениях ШОС с Афганистаном, в особенности её Контактной группы, было обусловлено тем фактом, что взаимодействие осуществлялось «в густой тени интервенции НАТО»²³.

С другой стороны, за два десятилетия после вторжения США и их союзников в Афганистан Движение талибов успело продемонстрировать определённую эволюцию в своих подходах к взаимодействию

с внешним миром, в первую очередь открыто дистанцировавшись от поддержки международных террористических организаций и обязавшись не допускать использования афганской территории их ячейками для нападения на другие государства. Соответствующие обязательства были закреплены в Дохийском мирном соглашении — по крайней мере, в отношении США и их союзников²⁴. Кроме того, в результате двух «волн расширения» ШОС к середине 2023 г. включала в себя почти всех, за исключением Туркменистана, непосредственных соседей Афганистана, что потенциально делает эту площадку наиболее удобной для обсуждения актуальной для всего региона афганской проблематики. Но дальнейшее сближение организации с Кабулом в обновлённых условиях в силу ряда обстоятельств по-прежнему представляется весьма затруднительным.

За указанный период у большинства нынешних государств-членов (включая вступивших в организацию в 2017 г. Индию и Пакистан и присоединившийся в 2023 г. Иран) сформировались собственные интересы на афганском направлении, нередко вступающие в противоречие друг с другом и затрагивающие также вопросы влияния на баланс этнополитических сил в стране за счёт ряда прокси-группировок. В качестве примера стоит упомянуть поддержку афганских шиитов-хазарейцев Ираном и их вербовку в созданную КСИР бригаду «Фатимиюн» для войны в Сирии, косвенное содействие Таджикистана деятельности антиталибских группировок [Князев, Гулам 2023: 432], опору Пакистана на доктрину «стратегической глубины»²⁵ во взаимодействии с Афганистаном, а также для-

²³ Картунов А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // Российский совет по международным делам (РСМД). 15.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afghanistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 30.01.2025).

²⁴ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // US Department of State. 29.02.2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 25.04.2023).

²⁵ Суть данной доктрины сводится к содействию формирования стабильного и лояльного политического режима в Афганистане с целью устранения угроз безопасности на северо-западных границах страны, а по сути — к недопущению трансформации афганской территории в плацдарм для индийского влияния или потенциальной агрессии Индии по отношению к Пакистану.

щийся с середины XX века и временами переходящий в «горячую фазу» индо-пакистанский конфликт. Противостояние Нью-Дели и Исламабада проецируется на отношения этих двух стран с Афганистаном, влияние на который было и остаётся предметом соперничества [Лалетин 2008: 60]. Примечательно, что упомянутые страны, объединённые под эгидой ШОС, неизменно выступали за становление единого, независимого и нейтрального афганского государства²⁶.

Вместе с тем нестабильная обстановка в Афганистане по-прежнему рассматривается его соседями в первую очередь сквозь призму угроз для их собственной безопасности²⁷. Прежде всего, они опасаются роста террористической активности в регионе, причём необязательно вследствие прямого участия талибов. Ряд других угроз региональной безопасности, обострившихся на фоне перманентной военно-политической нестабильности в Афганистане, например незаконный оборот наркотиков, также является предметом их серьёзной обеспокоенности²⁸ [Князев 2002: 105]. Хотя за период нахождения талибов у власти с 2021 г. в стране зафиксировано снижение интенсивности боевых действий, поскольку до этого значительная часть всех терактов совершалась боевиками самого движения, уровень насилия всё равно остаётся весьма высоким. Во

многом это связано с активностью международных террористических организаций, прежде всего ячейки ИГ* «Вилаят Хорасан», ведущей борьбу против талибов практически с самого момента своего появления в Афганистане в 2015 году²⁹.

Большинство государств-членов ШОС формально придерживается консенсуса относительно недопустимости превращения Афганистана в убежище террористических структур и «плацдарм» для нападения на соседние государства. Страны региона выступают резко против создания любой военной инфраструктуры на афганской территории. Существует также общее согласие относительно необходимости пресечения производства и контрабанды наркотических средств, как и предотвращения дальнейшего массового исхода беженцев и мигрантов из этой страны³⁰.

Консенсус региональных государств по данным вопросам с 2017 г. фиксировался в их совместных заявлениях в рамках Московского формата консультаций. Не имея прямого отношения к ШОС, эта площадка вовлекает в свою работу большинство её государств-членов и является наиболее представительным форумом стран региона по Афганистану. С момента её создания было проведено шесть заседаний, участники которых последовательно выражали свою приверженность скорейшему установлению мира в этой стране и готовность

²⁶ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 14.07.2021. URL: <https://rus.sectesco.org/20210714/767793.html> (дата обращения: 03.04.2025).

²⁷ *Нессар О.* Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁸ Встреча глав МИД стран-соседей Афганистана – итоги // Sputnik Узбекистан. 13.04.2023. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20230413/vstrecha-glav-mid-stran-sosedey-afganistana--itogi--33907083.html> (дата обращения: 22.04.2023).

* Деятельность Исламского государства запрещена в России.

²⁹ *Нессар О.* Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

Противостояние Движения талибов и Исламского государства обусловлено как идеологическими разногласиями, так и борьбой за власть и влияние в Афганистане: в то время как в случае первого прослеживается приверженность пуштунскому национализму, второе, придерживаясь террористических методов, претендует на создание «всемирного халифата».

³⁰ Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: <https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

оказать ей в этом содействие³¹. В то же самое время государства-члены ШОС неоднократно поднимали вопрос о возобновлении работы Контактной группы, подчёркивая, что с учётом «переходного состояния» нынешнего афганского правительства такой формат регионального сотрудничества представляется оптимальным. Тем не менее на саммите организации, состоявшемся в июле 2024 года, решение по данному вопросу вновь было отложено в связи с отсутствием консенсуса, главным образом ввиду наличия возражений у Таджикистана³², остающегося на данный момент единственной страной в объединении, не исключившей Движение талибов из национального списка запрещённых организаций³³. Таким образом, этот принцип, зафиксированный в Хартии ШОС³⁴ и воплощающий одну из ключевых характеристик её институционального дизайна, препятствует не просто её эффективному взаимодействию с Афганистаном, но и в целом выработке согласованных подходов на афганском направлении в рамках объединения.

Согласно выводам А. Ачарии и А. Джонстона, принятие решений по принципу консенсуса существенным образом снижает эффективность работы региональных организаций. При расширении состава объединения возрастает вероятность «выхолащивания» официальных документов ввиду необходимости поиска «наименьшего общего знаменателя» [Acharya,

Johnston 2007a: 17]. Приверженность консенсусному принципу принятия решений в случае незападных объединений продиктована стремлением их участников избежать вынесения обсуждаемых вопросов на наднациональный уровень, а в дальнейшем – принуждения к исполнению коллективных решений. Данный подход коррелирует с принципом невмешательства во внутренние дела участников, взятым за основу работы ШОС [Barnett, Solingen 2007: 213].

Вероятнее всего, именно по этой причине, а также в силу различий стратегических интересов и векторов развития евразийских государств их многостороннее взаимодействие по афганской проблематике реализуется преимущественно за пределами существующих региональных институтов. Вместо них государства-члены ШОС предпочитают более гибкие форматы сотрудничества, не предполагающие единообразия коллективных подходов к взаимодействию Афганистаном. На это, в частности, указывает проведённая в августе 2025 г. в Ташкенте первая встреча специальных представителей центральноазиатских государств по Афганистану. Наибольшее внимание привлекли итоги мероприятия, впервые объединившего в подобном формате делегации Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. *Во-первых*, страны достигли консенсуса относительно необходимости выработки единой консолидированной региональной

³¹ О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974295/ (дата обращения: 03.04.2025).

³² Спецпредставитель президента РФ по ШОС об Афганистане: должен быть консенсус // Российское агентство правовой и судебной информации. 09.07.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240709/310084542.html (дата обращения: 03.04.2025).

³³ Рӯйхати ҳизбо ҳаракатҳои, ки тибқи ҳалномаҳои Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ташкилотҳои террористӣ-экстремистӣ (иттиҳоди экстремистӣ) эътироф карда шуда, ғайриқонунона дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ карда шудааст [Список партий, движений и организаций, в соответствии с решениями Верховного суда Республики Таджикистан признанных террористическими и экстремистскими организациями (экстремистскими объединениями), деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан] // Котибот оид ба амалисозии Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://ct-secretariat.tj/tj/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 20.12.2025).

³⁴ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

позиции по афганской проблематике. Во-вторых, было принято решение о создании постоянно действующей региональной Контактной группы на уровне спецпредставителей³⁵. Несмотря на то что предмет обсуждения составили традиционные для встреч, посвящённых Афганистану, вопросы противодействия терроризму, экстремизму и транснациональной преступности, она примечательна прежде всего за счёт продемонстрированного участниками стремления к формированию консолидированных региональных подходов во взаимодействии с Кабулом.

Стремление действующих властей Исламского Эмирата Афганистан присоединиться к ШОС имеет давнюю историю. В августе 2007 г. Движение талибов, находившееся тогда в вооружённой оппозиции, опубликовало открытое письмо руководящего совета Исламского Эмирата с обращением к ШОС «остановить тех, кто путём оказания экономического, культурного и политического влияния пытается помешать развитию стран региона». ШОС, призывали талибы, не должна «смотреть на Исламский Эмират с позиции США», поскольку «мы не террористы и не иностранные интервенты, мы – защитники наших национальных интересов». Афганистан «оккупирован», вследствие чего, по мнению составителей этого документа, проводимый «джихад» должен рассматриваться как справедливая и законная борьба за независимость. Содержание и тон обращения можно интерпретировать как попытку противопоставить ШОС Соединённым Штатам и Североатлантическому альянсу и как своего рода заявку на готовность к лояльному отношению к деятель-

ности Шанхайской организации сотрудничества [Plastun 2008: 46–47].

Сразу после своего повторного прихода к власти талибы неоднократно выражали интерес и готовность к участию в мероприятиях под эгидой ШОС, но такую возможность могло бы обеспечить восстановление участия страны в работе организации в качестве наблюдателя с перспективой получения ею в дальнейшем полноправного членства³⁶. Произошедший в августе 2021 г. захват власти в этом государстве ознаменовал собой окончание длительного периода внешнего военного присутствия, мешавшего ему обрести международно-политическую субъектность. В условиях вовлечения США и их союзников в афганские дела страна была не вполне самостоятельной в вопросах внешней политики, включая взаимодействие с ШОС. С выводом иностранных военных контингентов с территории Афганистана формальные препятствия для вступления страны в Шанхайскую организацию сотрудничества, включая обозначенные в Положении о порядке приёма новых членов, были устранены.

Тем не менее, несмотря на поданную Афганистаном ещё в 2015 г. заявку на вступление в ШОС в качестве полноправного члена, данный вопрос по-прежнему не является предметом содержательных обсуждений в рамках ШОС. Здесь продолжает играть важную роль «неоднозначный статус» нынешнего афганского правительства, которое до сих пор не получило широкого международного признания. ООН продолжает последовательно отказывать Исламскому Эмирату Афганистан в предоставлении кресла постоянного представителя страны при организации³⁷ и в снятии санк-

³⁵ В МИД проведена первая встреча специальных представителей стран Центральной Азии по Афганистану // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 26.08.2025. URL: <https://gov.uz/ru/mfa/news/view/81125> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁶ Талибы хотят участвовать в следующем саммите ШОС // Интерфакс. 05.07.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/910238> (дата обращения: 04.04.2025).

³⁷ *Yousaf K.* Taliban's bid for UN seat rejected for third time // The Express Tribune. 19.12. 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2450539/talibans-bid-for-un-seat-rejected-for-third-time> (accessed 01.03.2025).

³⁸ Security Council Renews for One Year Mandate of Team Monitoring Sanctions against Taliban, with Some Regretting Travel Exemptions Not Extended // United Nations. 14.12.2023. URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15530.doc.htm> (accessed 01.03.2025).

ций с членов Движения талибов³⁸. К тому же за этим движением закрепилась репутация террористов, в создании которой не последнюю роль сыграли США ещё в начале 2000-х годов. Именно этот «шлейф» побуждает международное сообщество относиться к нынешним афганским властям крайне настороженно, а местами даже враждебно³⁹. При этом в сентябре 2024 г. министр иностранных дел КНР Ван И, выдвигая предложения по стабилизации ситуации в Афганистане на неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана, неоднократно упоминал ШОС, что, возможно, следует расценивать как сигнал к расширению взаимодействия по Афганистану именно в формате организации⁴⁰.

За минувшие годы государства региона предприняли определённые шаги по восстановлению нарушенных или прерванных в августе 2021 г. официальных связей со страной. В феврале 2024 г. лидер КНР Си Цзиньпин впервые принял верительные грамоты у посла ИЭА⁴¹. Летом того же года власти Казахстана исключили Движение талибов из национального списка запрещённых организаций, а в сентябре то же самое сделало руководство Киргизии⁴². Наконец, в середине апреля 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации принял решение приостановить запрет на деятельность организации на территории страны и снять с неё статус террористической⁴³. Наличие в Афганистане действующ-

щих дипломатических представительств практически всех государств-членов ШОС говорит в пользу того, что на фактических отношениях и контактах государств региона с нынешним афганским руководством вопрос международного признания скazyвается незначительно. В то же время мировое сообщество по-прежнему относится к власти талибов с изрядной долей осторожности и не видит смысла форсировать процесс сближения до тех пор, пока сформированное Движением талибов правительство не продемонстрирует свою устойчивость и договороспособность.

* * *

Длительная военно-политическая турбулентность в Афганистане оказала заметное влияние на деятельность и устремления ШОС, поскольку он соседствует с большинством государств-членов объединения, а ситуация с безопасностью внутри этой страны прямо или косвенно затрагивает интересы всех его участников. Повышенное внимание к данной проблеме проявилось в создании специализированных институтов в рамках ШОС, предназначенных либо для налаживания диалога с Кабулом, либо для координации усилий государств-членов с целью отражения угроз безопасности и стабильности в регионе, источником которых становился Афганистан.

Проблемы во взаимодействии ШОС с Кабулом оказались обусловленными институциональным дизайном самой орга-

³⁹ «Все прекрасно понимают, что талибы террористы»: 20 лет санкциям ООН против «Талибана» // Газета.ru. 16.12.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/16/14423779.shtml> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴⁰ Ван И принял участие в третьей неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по афганскому вопросу // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 28.09.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502445.html (дата обращения: 19.11.2024).

⁴¹ Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана // Известия. 02.02.2024. URL: <https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavo-dipmissii-afganistana> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴² Киргизия перестала считать талибов террористами // Ведомости. 06.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/06/1060394-kirgiziya-perestala-schitat-talibov-terroristami> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴³ «Талибан» исключили из числа террористических организаций в России // РБК. 17.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/04/2025/6800f0fb9a79477fb06eae15?from=from_main_6 (дата обращения: 20.04.2025).

низации; разнонаправленностью стратегических интересов стран-членов, в частности – на афганском направлении; неготовностью самого афганского государства к полноценному сотрудничеству в рамках ШОС ввиду ограниченной международной субъектности. Подходы ШОС к взаимодействию с Афганистаном начиная с 2001 г. претерпели заметную трансформацию, определяющуюся, с одной стороны, изменением состава и институциональным строительством самой организации, а с другой – динамикой внутривнутриполитических преобразований в афганском государстве. Расширение членства ШОС в 2017 и в 2023 годах произошло за счёт как непосредственных (Пакистан и Иран), так и региональных (Индия) соседей Афганистана, обладавших многолетним опытом взаимодействия с этим государством на двусторонней основе, устоявшимися внешнеполитическими практиками и специфическими интересами в отношении с ним. В то же время международная субъектность Афганистана на протяжении рассмотренного периода носила ограниченный характер, пройдя в своем развитии два качественно различных этапа. Если до 2021 г. его ограниченная субъектность была обусловлена иностранным военным вмешательством, то впоследствии она оказалась связанной с консолидированным отказом целого ряда ключевых мировых и региональных субъектов от налаживания официальных дипломатических контактов

с новым афганским правительством, сохранением санкционного режима в отношении руководства Движения талибов и недопущением их участия в работе ООН. Указанное обстоятельство стало дополнительным барьером для развития формализованного взаимодействия государств региона с Афганистаном в рамках ШОС, что сделало невозможным полноценное использование существующих специализированных форматов сотрудничества, выражаясь в настоящее время в фактической «заморозке» статуса Афганистана как государства-наблюдателя при организации и в приостановке деятельности Контактной группы «ШОС-Афганистан». По мере роста числа участников организации достижение консенсуса по многим вопросам, затрагивающим многостороннее взаимодействие с Афганистаном, становилось трудным и всё менее вероятным, а коллективные позиции по «афганскому вопросу» претерпевали «выхолащивание». Указанные обстоятельства привели к тому, что ШОС так и не стала основной площадкой многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, а большая часть инициатив в данной сфере осуществляется без её непосредственного вовлечения, при помощи более гибких *ad hoc* механизмов, либо на двусторонней основе по вопросам, представляющим взаимный интерес, причём после 2021 г. второй формат представляется для государств региона наиболее привлекательным.

Список литературы

- Агрономов В.В. Афганистан и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС) / под ред. М.Р. Аруновой, Б.М. Хакимова. М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2011. С. 17–30.
- Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алма-Ата: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, 1998. 280 с.
- Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.
- Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2012. 197 с.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. 216 с.
- Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития. М.: Флинта, 2011. 232 с.

- Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико–правовой аспект). М.: Проспект, 2014. 192 с.
- Васильев Л.Е.* Перспективы решения проблем безопасности Евразии в свете расширения ШОС // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.–сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020а. С. 36–57.
- Васильев Л.Е.* Сотрудничество Китая, России и других государств – участников ШОС в борьбе с терроризмом в восточной части Евразии // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.–сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020б. С. 127–150.
- Гарбузарова Е.Г.* Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8(4). С. 425–436. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-4-425-436
- Давыдов А.С.* Активизация взаимодействия ШОС с государствами–наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / под ред. Ю.В. Морозова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 57–68.
- Денисов И.Е., Сафранчук И.А.* Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО–Университета. 2016. № 3(48). С. 112–122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122
- Каукинов А.С.* Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3(51). С. 73–89.
- Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО–Университет, 2008. 382 с.
- Князев А.А.* Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии / под ред. А.А. Князева. Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2009. С. 130–138.
- Князев А.А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 640 с.
- Князев А.А.* История Афганской войны 1990–х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: КРСУ, 2002. 136 с.
- Князев А.А., Гулам Н.Я.* Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран–соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4(6). С. 426–436. DOI: 10.24412/2618-7426-2023-4-426-436
- Кокарев К.А.* К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 года). М., 2008. С. 95–98.
- Колдунова Е.В.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2(12). С. 60–69. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69
- Кольяков А.А.* Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 257–258.
- Конаровский М.А.* Афганистан в политических оценках и практической деятельности ШОС // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2(17). С. 7–21.
- Конаровский М.А.* Расширение ШОС: возможности и проблемы // Ежегодник ИМИ. 2015. № 1(11). С. 105–118. DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-1-105-118.
- Конаровский М.А.* Россия–ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.
- Коргун В.Г.* Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. 2012. № 6. С. 106–114.
- Лалетин Ю.П.* Афгано–пакистанские отношения и джирга мира // Азия и Африка сегодня. 2008. № 5. С. 60–64.
- Лузянин С.Г.* ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 15–22.
- Лукин А.В.* Шанхайская организация сотрудничества и российский интерес в Центральной Азии и Афганистане // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 5(20). С. 37–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47
- Лукин А.В., Мочульский А.Ф.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. 2005. № 2(4). С. 3–28.
- Лунёв С.И.* Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия–Индия–Китай // Сравнительная политика. 2020. № 2(11). С. 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021
- Москаленко В.Н.* Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 351–368.

- Нессар М.О.* Афгано-пакистанские отношения на современном этапе // *Международная жизнь*. 2025а. № 7. С. 46–55.
- Нессар М.О.* Афганский фактор в политике стран Центральной Азии. Трансформация восприятия // *Обозреватель-Observer*. 2025b. № 4. С. 40–50. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40
- Никитенко В.И.* Евразийские векторы сотрудничества стран участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2018. № 1. С. 25–34.
- Никитина Ю.А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. 200 с.
- Никитина Ю.А.* От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // *Вестник МГИМО–Университета*. 2010. № 6(15). С. 134–140. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-134-140
- Парамонов В.В., Столповский В.В., Строков О.А.* Роль и место ШОС и Афганистана в политике России и Китая в Центральной Азии // *Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Азии: Материалы междунар. конф. / под ред. А.А. Князева*. Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2008. С. 68–88.
- Рахимов К.Х.* Вклад государств–членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // *Постсоветские исследования*. 2022. № 4(5). С. 367–385. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-4-367-385
- Сафранчук И.А.* Афганская проблема в региональном контексте // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 3(7). С. 141–149.
- Сафранчук И.А.* Проблемы ШОС на стыке трендов глобализации и регионализации // *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. 2016. №3–4 (48–49). С. 54–61.
- Сафранчук И.А.* ШОС в системе региональных организаций в Евразии // *Международная аналитика*. 2015. № 2(12). С. 92–94.
- Умаров А.А.* Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века. Ташкент: УМЭД, 2017. 320 с.
- Юртаев В.И., Рогов А.С.* ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Международные отношения*. 2017. № 3(17). С. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482
- Acharya A., Johnston A.I.* (2007a). Comparing regional institutions: an introduction // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 1–31. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.001
- Acharya A., Johnston A.I.* (2007b). Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 244–278. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.008
- Ahmad I.* Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia // *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective / ed. by H. Loewen, A. Zorob*. United Nations University Series on Regionalism, 14. Dordrecht: Springer, 2018. P. 119–135. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6_6
- Alimov R.* The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia // *The “Roads” and “Belts” of Eurasia / ed. by A. Lukin*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. P. 261–301. DOI: 10.1007/978-981-15-0856-1_11.
- Aris S.* A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2009. No. 3(22). P. 451–467. DOI: 10.1080/09557570903104040
- Aris S.* Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. 215p. DOI: 10.1057/9780230307643.
- Barnett M., Solingen E.* Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston*. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 180–220. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.006
- Obydenkova A.V., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford University Press, 2019. 318 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Plastun V.* (2008) Central Asia in Search of Stability. *Central Asia and the Caucasus*. No. 2(50) P. 43–51.
- Umarov A.* The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation // *Asian Affairs*. 2021. No. 3(52). P. 536–553. DOI: 10.1080/03068374.2021.1957321

THE AFGHAN ISSUE ON THE SCO PLATFORM

BETWEEN DECLARATIVE AND REAL POLICY

NINEL GULAM

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines how threats to regional security and stability in Eurasia originating from Afghanistan have shaped the priorities and institutional framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as the organization's role in promoting multilateral regional cooperation with Afghanistan following the Taliban's return to power in August 2021. The SCO was established at a time when Afghanistan had become a major focus of international attention in the context of the US-led "war on terror." Given that most SCO member states are Afghanistan's immediate neighbors, the organization could not remain indifferent to this source of instability on its borders. However, despite the member states' direct interest in stabilizing the regional security environment, maintaining a sustained dialogue with Afghanistan, and creating such mechanisms as the SCO Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) and the SCO-Afghanistan Contact Group, the organization has so far failed to become the principal platform for multilateral regional engagement on Afghan issues. Instead, most regional interaction concerning Afghanistan has taken place outside the SCO framework. This outcome can be explained both by the SCO's institutional design, particularly its consensus-based decision-making procedures, and by the preference of its member states for bilateral engagement with Afghanistan in line with their established foreign policy practices.

Keywords:

Afghanistan; SCO; SCO RATS; SCO-Afghanistan Contact Group; Moscow Format; the Taliban movement; terrorism; institutional design; regional cooperation; Eurasian space

References

- Acharya A., Johnston A.I. (2007a). Comparing regional institutions: an introduction. In: A. Acharya, A.I. Johnston (eds) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 1–31. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.001
- Acharya A., Johnston A.I. (2007b). Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism. In: A. Acharya, A.I. Johnston (eds) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 244–278. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.008
- Agronomov V.V. (2011). Afganistan i SHOS [Afghanistan and the SCO]. In: M.R. Arunova, B.M. Hakimov (eds) *SHOS i strany Blizhnego i Srednego Vostoka (k 10-letiiu obrazovaniia SHOS)* [SCO and the countries of the Near and Middle East (on the occasion of the 10th anniversary of the formation of the SCO)]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Institut Blizhnego Vostoka. P. 17–30.
- Ahmad I. (2018). Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia. In: H. Loewen, A. Zorob (ed.) *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective*. United Nations University Series on Regionalism, 14. Dordrecht: Springer. P. 119–135. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6_6
- Akimbekov S.M. (1998). *Afganskiy uzel i problemy bezopasnosti Tsentralnoy Azii* [The Afghan Knot and the Security Challenges of Central Asia]. Alma-Ata: Kazakhstanskiy institut strategicheskikh issledovaniy pri prezidente Respubliki Kazakhstan. 280 p.
- Alimov R.K. (2017). *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [Shanghai Cooperation Organisation: Establishment, Development, Prospects]. Moscow: Ves Mir. 336 p. DOI: 10.1007/978-981-15-0856-1_11

- Alimov R. (2020). The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia In: A. Lukin (ed.) *The "Roads" and "Belts" of Eurasia*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 261–301. DOI: 0.1007/978-981-15-0856-1_11
- Aris S. (2009). A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? *Cambridge Review of International Affairs*. No. 3(22). P. 451–467. DOI: 10.1080/09557570903104040
- Aris S. (2011). *Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 215 p. DOI: 10.1057/9780230307643
- Arunova M.R. (2012). *SHOS i afganskaia problema* [The SCO and the Afghan problem]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Institut Blizhnego Vostoka. 197 p.
- Barnett M., Solingen E. (2007). Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League In: A. Acharya, A.I. Johnston (ed.) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 180–220. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.006
- Belokrenitskiy V.Ya., Sikoev R.R. (2014). *Dvizheniye Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana* [The Taliban Movement and the Prospects for Afghanistan and Pakistan]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 216 p.
- Bykov A.I. (2011). *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo v ramkakh SHOS: osnovnye napravleniia i perspektivy razvitiia* [Economic cooperation within the SCO: main directions and prospects of development: a monograph]. Moscow: Flinta. 232 p.
- Davydov A.S. (2016). Aktivizatsiia vzaimodeistviia SHOS s gosudarstvami-nabliudateliami i inymi strukturami v interesakh stabilizatsii obstanovki v Afganistane [Enhancing interaction of the SCO with observer states and other structures in order to stabilise the situation in Afghanistan]. In: Yu.V. Morozov (ed.) *Perspektivy razvitiia SHOS s tochki zreniia natsional'nykh interesov Rossii* [Prospects for the development of the SCO from the point of view of Russia's national interests]. Moscow: IDV RAN. P. 57–68.
- Denisov I.E., Safranchuk I.A. (2016). Chetyre problemy SHOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four problems of the SCO in light of the question of the organization's expansion]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. No. 3(48). P. 112–122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122
- Garbuzarova E.G. (2021). Rol' SHOS v protsesse neytralizatsii regional'nykh vyzovov i ugroz [The role of the SCO in the process of neutralizing regional challenges and threats]. *Problemy postsovetetskogo prostranstva*. No. 8(4). P. 425–436. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-4-425-436
- Kazantsev A.A. (2008). «Bolshaia igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaia politika i Tsentral'naia Azia [‘The Great Game’ with Unknown Rules: World Politics and Central Asia/The Afghanistan Factor in Central Asia's Regional Security in the Early 21st Century]. Moscow: MGIMO-Universitet. 382 p.
- Kaukenov A.S. (2007). Politika Kitaya v Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva [China's policy in the Shanghai Cooperation Organization]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 3(51). P. 73–89.
- Knyazev A.A. (2009). Amerikanskiy tupik v Afganistane, SHOS i znachenie stran nabliudatelei: poisk novykh paradig [The American deadlock in Afghanistan, the SCO and the importance of observer countries: the search for new paradigms]. In: A.A. Knyazev (ed.) *SHOS kak faktor integratsii Tsentralnoi Evrazii* [SCO as a factor of Central Eurasia integration]. Bishkek: Obshchestvennyi fond Aleksandra Kniazeva. P. 130–138.
- Knyazev A.A. (2004). *Afganskiy krizis i bezopasnost Tsentralnoi Azii (XIX nachalo XXI v.)* [The Afghan Crisis and the Security of Central Asia (nineteenth and early twenty-first centuries)]. Dushanbe: Donish. 640 p.
- Knyazev A.A., Gulam N.Ya. (2023). Etnopoliticheskaia situatsiia v Afganistane: vneshnee vozdeistvie i vovlechenost stran-sosedei [Ethno-political situation in Afghanistan: external impact and involvement of neighbouring countries]. *Postsovetskie issledovaniia*. No. 3(6). P. 426–436. DOI: 10.24412/2618-7426-2023-4-426-436
- Knyazev A.A. (2002). *Istoriia Afganskoi voiny 1990-kh gg. i prevrashchenie Afganistana v istochnik ugroz dlia Tsentralnoi Azii* [The history of the Afghan War of the 1990s and the transformation of Afghanistan into a source of threats to Central Asia]. Bishkek: KRSU. 136 p.
- Kokarev K.A. (2008). K voprosu o politike SHOS v sfere bezopasnosti [On the issue of SCO security policy]. In: *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: ot stanovleniya k vsestoronnemu razvitiyu: materialy Tretyego zasedaniya Foruma SHOS* (Kitay, g. Pekin, 19–21 maya 2008 goda) [The Shanghai Cooperation Organization: From Formation to Comprehensive Development: Proceedings of the Third Session of the SCO Forum (China, Beijing, May 19–21, 2008)]. P. 95–98.
- Koldunova E.V. (2013). Rol Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva v regione Tsentralnoy Azii: sravnitelnyy analiz issledovatel'skikh diskursov [The Role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian Region: A Comparative Analysis of Research Discourses]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(12). P. 60–69. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69

- Koltyukov A.A. (2008). Vliyaniye Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva na razvitiye i bezopasnost Tsentralno-Aziatskogo regiona [The influence of the Shanghai Cooperation Organization on the development and security of the Central Asian region]. In *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya: Materialy krugl. stola* [Shanghai Cooperation Organization: Towards New Frontiers of Development: Proceedings of the Roundtable]. M: IDV RAN. P. 257–258.
- Konarovskiy M.A. (2013). Afganistan v politicheskikh otsenkakh i prakticheskoi deiatelnosti SHOS [Afghanistan in the SCO's political assessments and practical activities]. *Problemy natsionalnoi strategii*. No. 2(17). P. 7–21.
- Konarovskiy M.A. (2015). Rasshirenie SHOS: vozmozhnosti i problem [SCO Expansion: Opportunities and Challenges]. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy* [Yearbook of the Institute of International Studies]. No. 1(11). P. 105–118.
- Konarovskiy M.A. (2016). Rossiia-SHOS: nekotorye elementy strategii [Russia-SCO: Some Elements of a Strategy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. Vol 11. No. 4. P. 149–161.
- Korgun V.G. (2012). Afganskiy konflikt i Tsentralnaia Aziia [The Afghan conflict and Central Asia]. *Rossiia i musulmanskii mir*. No. 6. 106–114.
- Laletin Yu.P. (2008). Afgano-pakistanskii otnosheniia i dzhirga mira [Afghanistan-Pakistan relations and the peace jirga]. *Aziia i Afrika segodnia*. No. 5. P. 60–64.
- Lukin A.V. (2011). Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva i rossiiskie interesy v Tsentralnoi Azii i Afganistane [The Shanghai Cooperation Organisation and Russian interests in Central Asia and Afghanistan]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 5(20). P. 37–47.
- Lukin A.V. (2005). Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: strukturnoe oformlenie i perspektivy razvitiia [Shanghai Cooperation Organisation: Structural Formation and Development Prospects]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii* [Analytical Notes of the Scientific Coordination Council for International Studies of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. No. 2(4). P. 3–28. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47
- Lunev S.I. (2020). Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugolnike Rossiya-Indiya-Kitay [Terrorism issues and approaches to Afghanistan in the Russia-India-China triangle]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(11). P. 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021
- Luzyanin S.G. (2012). SHOS: problemy razvitiya (metodologiya, ekonomika, bezopasnost) [SCO: Development Issues (Methodology, Economics, Security)]. In: *Strategiya razvitiya SHOS i politika Rossii v etoy organizatsii* [The SCO development strategy and Russia's policy in this organization]. M: IDV RAN. P. 15–22.
- Nessar M.O. (2025a). Afgano-pakistanskiye otnosheniya na sovremennom etape [Afghan-Pakistani relations at the present stage]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. No. 7. P. 46–55.
- Nessar M.O. (2025b). Afganskiy faktor v politike stran Tsentralnoy Azii. Transformatsiya vospriyatiya [The Afghan Factor in Central Asian Politics: Transforming Perceptions]. *Obzrevatel-Observer*. No. 4. P. 40–50. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40
- Nikitenko V.I. (2018). Evraziiskie vektory sotrudnichestva stran uchastnikov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniiu mezhdunarodnoi i regionalnoi bezopasnosti. [Eurasian vectors of cooperation of the Shanghai Cooperation Organisation countries in ensuring international and regional security]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, parvo*. No. 1. P. 25–34.
- Nikitina Yu.A. (2009). ODKB i SHOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. Moscow: Navona. 200 p.
- Nikitina Yu.A. (2010). From Integration to Regionalism: The Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation. *MGIMO Review of International Relations*. No. 15(6). P. 134–140. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-134-140
- Moskalenko V.N. (2008). Problemy bezopasnosti: SHOS i Pakistan [Security Issues: The SCO and Pakistan]. In *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya: Materialy krugl. stola* [Shanghai Cooperation Organization: Towards New Frontiers of Development: Proceedings of the Roundtable]. M: IDV RAN. P. 351–368.
- Obydenkova A.V., Libman A. (2019). *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma*. Oxford: Oxford University Press. 318 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Paramonov V.V., Stolpovskii V.V., Strokov O.A. (2008). Rol i mesto SHOS i Afganistana v politike Rossii i Kitaia v Tsentralnoy Azii. In: A.A. Kniiazev (ed.) *Afganistan, SHOS, bezopasnost i geopolitika Tsentralnoy Evrazii: Materialy mezhdunar. konf.* [Afghanistan, SCO, Security and Geopolitics of Central Eurasia: Proceedings of the International Conference]. Bishkek: Obshchestvennyi fond Aleksandra Kniiazeva. P. 68–88.

- Plastun V. (2008) Central Asia in Search of Stability. *Central Asia and the Caucasus*. No. 2(50) P. 43–51.
- Rakhimov K.H. (2022). Vklad gosudarstv-chlenov SHOS po uregulirovaniu afganskogo krizisa: do i posle vyvoda voennogo kontingenta NATO [Contribution of SCO Member States to the Resolution of the Afghan Crisis: Before and After the Withdrawal of the NATO Military Contingent]. *Postsovetskie issledovaniia*. No. 4(5). P. 367–385. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-4-367-385
- Safranchuk I.A. (2009). Afganskaya problema v regionalnom kontekste [The Afghan problem in a regional context]. *Rossiya v globalnoy politike*. No. 3(7). P. 141–149.
- Safranchuk I.A. (2016). Problemy SHOS na styke trendov globalizatsii i regionalizatsii [The SCO's problems at the intersection of globalization and regionalization trends]. *Bolshaya igra: politika, biznes, bezopasnost' v Tsentralnoy Azii*. No. №3–4. P. 54–61.
- Safranchuk I.A. (2015). SHOS v sisteme regionalnykh organizatsiy v Yevrazii [The SCO in the system of regional organizations in Eurasia]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 2(12). P. 92–94.
- Vasilenko V.I., Vasilenko V.V., Poteenko A.G. (2014). *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva v regionalnoy sisteme bezopasnosti (politiko-pravovoy aspekt)* [Shanghai Cooperation Organisation in the regional security system (political and legal aspect)]. Moscow: Prospekt. 192 p.
- Vasilyev L.E. (2020a) Perspektivy resheniya problem bezopasnosti Yevrazii v svete rasshireniya SHOS [Prospects for resolving Eurasian security issues in light of SCO expansion]. In: L.E. Vasilyev (ed.) *SHOS v sisteme bezopasnosti v Yevrazii: problemy mnogostoronnego vzaimodeystviya* [The SCO in the Eurasian Security System: Challenges of Multilateral Cooperation]. Moscow: IDV RAN. P. 36–57.
- Vasilyev L.E. (2020b). Sotrudnichestvo Kitaya, Rossii i drugikh gosudarstv – uchastnikov SHOS v borbe s terrorizmom v vostochnoy chasti Yevrazii [Cooperation between China, Russia and other SCO member states in the fight against terrorism in eastern Eurasia]. In: L.E. Vasilyev (ed.) *SHOS v sisteme bezopasnosti v Yevrazii: problemy mnogostoronnego vzaimodeystviya* [The SCO in the Eurasian Security System: Challenges of Multilateral Cooperation]. Moscow: IDV RAN. P. 127–150.
- Umarov A.A. (2017). *Faktor Afganistana v regionalnoy bezopasnosti Tsentralnoy Azii v nachale XXI veka* [The Afghanistan Factor in the Regional Security of Central Asia at the Beginning of the 21st Century]. Tashkent: UMED. 320 p.
- Umarov A. (2021). The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation. *Asian Affairs*. No. 3(52). P. 536–553. DOI: 10.1080/03068374.2021.1957321
- Yurtaev V.I., Rogov A.S. (2017). SHOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v protsesse yevraziyskoy integratsii [SCO and BRICS: Peculiarities of Participation in the Eurasian Integration Process]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 3(17). P. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

Наши авторы

Александр Николаевич Вылегжанин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО МИД России

Нинэль Яхьевна Гулам – аспирантка Института международных исследований МГИМО МИД России, младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Павел Андреевич Доценко – аспирант Кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета

Полина Павловна Калугина – помощник декана Факультета международных отношений МГИМО МИД России

Никита Сергеевич Куклин – кандидат исторических наук, эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России

Марина Евгеньевна Мунтян – аспирантка Кафедры международного права МГИМО МИД России

Владислав Валерьевич Рычков – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, доцент Кафедры финансов, кредита и биржевого дела Пермского государственного национального исследовательского университета

Денис Андреевич Садаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета

Софья Сергеевна Федичева – младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения имени Заслуженного деятеля науки профессора А.А. Ахтамзяна МГИМО МИД России

Our authors

Prof. Dr Alexander N. Vylegzhanin – Doctor of Law, Professor, Head of the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO University

Ms Marina E. Muntyan – PhD Student, Department of International Law, MGIMO University

Mr Pavel A. Dotsenko – PhD Student, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities

Dr Vladislav V. Rychkov – PhD in Economics, Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of Finance, Accounting and Economic Expertise, Perm State University

Ms Polina Kalugina – Assistant to the Dean, School of International Relations, MGIMO University

Dr Nikita Kuklin – PhD in History, Expert, ASEAN Centre, MGIMO University

Ms Sofia Fedicheva – Junior Research Fellow, A.A. Akhtamzyan Laboratory of Area Studies, MGIMO University

Prof. Dr Denis A. Sadakov – Doctor of History, Senior Research Fellow, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University

Ms Ninel Y. Gulam – PhD Student, Institute for International Studies, MGIMO University; Junior Research Fellow, A.A. Akhtamzyan Laboratory of Area Studies, MGIMO University

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-дних русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).